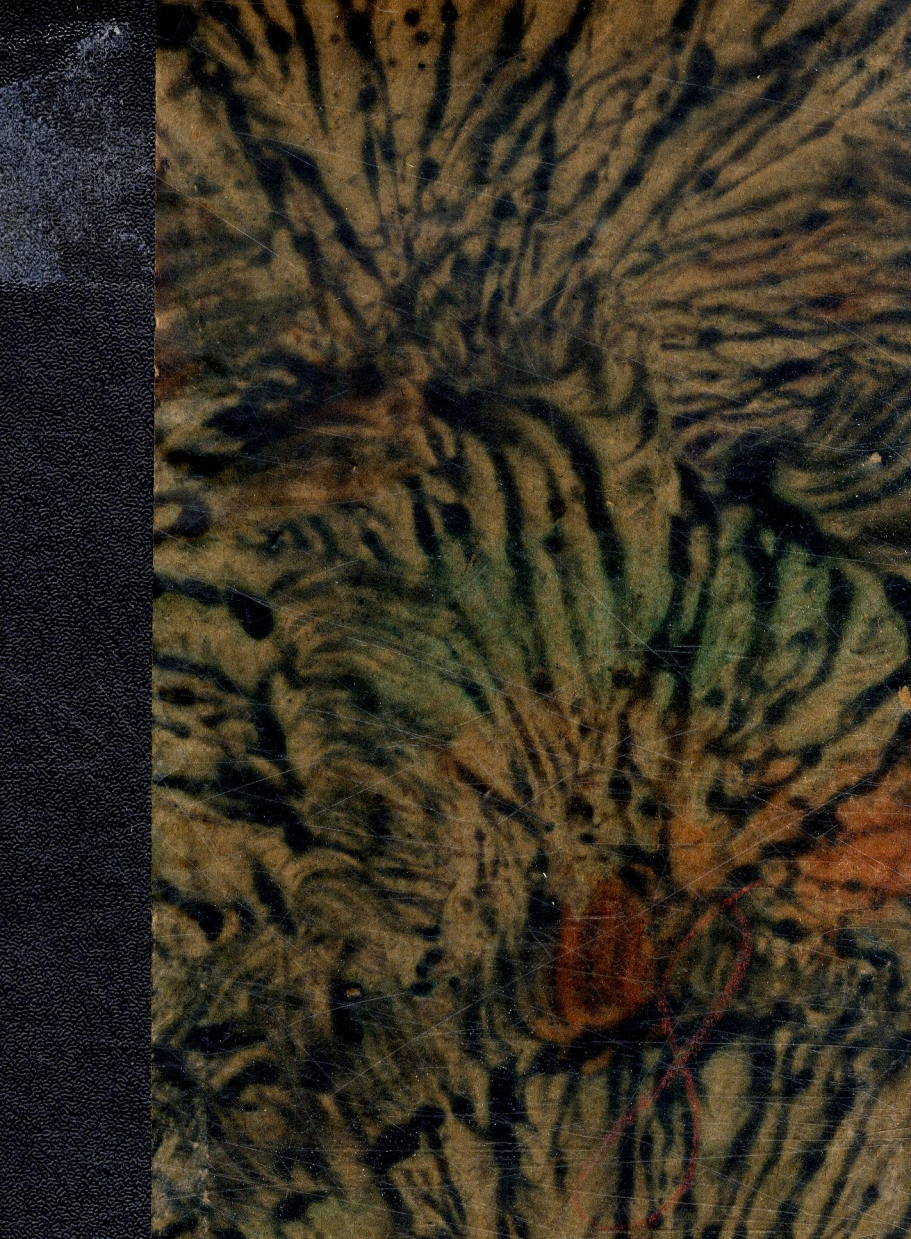

2.50

08
Ю

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ ХСІІІ

Кн. О. БЕБУТОВА

10.639.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ

Романъ изъ жизни 1914—1916 гг.

Книга вторая

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЬ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37

1

9

3

0

Ш5(2-Р)53-644

Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ДРАУГСЪ»
Рига, Петродерковная площ. 25-27.

— Вашъ приговоръ жестокъ и несправедливъ, — съ досадой возразилъ Корниловъ. — И только потому, что не хотите мнѣ простить прошлаго.

Mademoiselle Ренье снисходительно улыбнулась.

— Вѣдь я же вамъ сказала, что прошлое — это моя сентиментальная сказка, ею иногда любятъ мои воспоминанія. Вы сердитесь, потому что вамъ осмѣливаются говорить правду.

Посмѣиваясь, она бросала на него вызывающіе взгляды. Ей трудно было владѣть собой, но роль, которую она играла, удалась ей въ совершенствѣ. И чѣмъ тверже былъ ея тонъ, тѣмъ сильнѣе колебалась почва подъ ногами Бориса Сергѣевича.

Онъ вскочилъ.

— Вы думаете, что говорите правду! Но вы не хотите ее знать, или не знаете! Въ жизни человѣка иногда цѣль является сразу, въ одно мгновеніе. Я чувствую, что и я нашелъ свою цѣль сразу.

— Когда и гдѣ? — насмѣшливо спросила она.

— Когда я встрѣтился съ вами послѣ чудесной перемѣны.

— Ха, ха, ха!

Она смѣялась звонко, словно старалась смѣхомъ заглушить волненіе и трепетъ, внезапно ее охватившіе.

Его брови сдвинулись.

— Вы хотите оскорбить меня?

— О, мой милый, вы все забываете, что я Ксюша! Вы забываете, что я васъ знаю давно, очень давно. Для многихъ вы — знаменитость, утопающая въ яркихъ лучахъ славы, а для меня вы „Борюшка“. Я васъ знала простымъ, бѣднымъ, когда вы не умѣли скрывать своихъ недостатковъ.

— Но эти недостатки не мѣшали вамъ любить меня.

— Когда загорается любовью хрустальное дѣвичье сердце, оно все прощаетъ, со всѣмъ примиряется.

— Развѣ и сердце ваше подмѣнили?

Она коснулась своей груди.

— Прежде тутъ билось хрустальное дѣвичье сердце... а теперь спокойно и самоувѣренно бьется сердце опытной вакханки.

Опустивъ голову онъ молчалъ.

— Почему у васъ такой недовольный видъ? — разсмѣялась она.

— Сказать ли вамъ правду?

— Ну, конечно, теперь я такъ опытна, что сразу же распознаю, гдѣ ложь и гдѣ правда.

— Я разочарованъ. Иного я ждалъ отъ этого свиданія.

Она залилась веселымъ смѣхомъ и шаловливо ударила его по рукѣ.

— Понимаю, васъ заинтриговала встрѣча со мной. Вы предвкушали легкую интрижку, которая вамъ дастъ нѣсколько пріятныхъ минутъ. Обмануть персидскаго принца, — вѣдь этъ такъ просто! Такъ думали вы, а вышло... иначе.

Веселый смѣхъ вдругъ замеръ, она поднялась, выпрямилась. Блѣдная, со сверкающими глазами, она теперь казалась особенно прекрасной.

— Нѣтъ, — сказала она, — если вы хотите играть моимъ сердцемъ, — проходите мимо. Теперь я знаю себя цѣну. Или все, или ничего. Тотъ, кто пожелаетъ мною владѣть, тотъ долженъ всѣмъ жертвовать! Слышите ли, всѣмъ... и навсегда.

— Вы меня не считаете способнымъ жертвовать?

— Однажды меня обманули мечты, теперь я вѣрю только фактамъ.

Молчаніе...

Вдругъ Корниловъ порывисто всталъ.

— Я слишкомъ злоупотребляю вашимъ гостепріимствомъ.

— Васъ ждутъ дома. Воображаю, какъ беспокоится madame Корнилова.

Насмѣшливый тонъ mademoiselle Ренье раздражалъ Бориса Сергѣевича.

„Она мститъ мнѣ, она смѣется надо мной, но она опшиблась, я этого не допущу“.

— Я провель очаровательный день и не знаю, какъ и благодарить васъ за гостепріимство.

— Всегда буду рада видѣть васъ у себя, — въ тонъ ему отвѣтила она.

Дразнящими глазами смотрѣла она на него и пурпуровыя губки ея шевелились, какъ бы призывая къ поцѣлуу.

— Ксюша! — пробормоталъ онъ. — Ксюша.

Она откинулася и рука ея потянулася къ звонку.

Новый вопросъ замеръ на его устахъ... горничная выросла въ дверяхъ комнаты.

— Что прикажете, mademoiselle?

— Будьте добры, Анжелина, проводите monsieur Корнилова.

— Когда же мы увидимся? — прошепталъ онъ, крѣпко пожимая ея руку.

— Когда этого захочетъ судьба. Она вѣдь сама назначаетъ всѣ встрѣчи. Развѣ вы думали обо мнѣ, когда она насъ столкнула?

Ея глаза теперь ласково, почти любовно скользили по его лицу.

— Когда же мы увидимся? — упрямо повторилъ онъ.

— Скорѣе, чѣмъ вы думаете, — кокетливо сказала она и скользнула на балконъ, плотно притворивъ за собою дверь.

А горничная, какъ изваяніе, стояла у раскрытой двери. Корниловъ еще бросилъ одинъ взглядъ на балконъ и съ легкимъ вздохомъ вышелъ изъ комнаты.

Его проводили черезъ садъ къ словно кружевнымъ воротамъ, гдѣ поджидалъ автомобиль.

„Слѣдовало бы отпустить автомобиль, не дождая отеля“ — подумалъ онъ.

Но нетерпѣливымъ, недовольнымъ движеніемъ онъ отогналъ эту мысль. Почему это прятаться и лгать, какъ будто онъ рабъ Раисы? Mademoiselle Ренье — его товарищъ по сценѣ. Какъ будто ему Раиса запретить бывать тамъ, гдѣ онъ находитъ нужнымъ и пріятнымъ?

И онъ подѣхалъ къ самому подъѣзду отеля и приказалъ швейцару отпустить шоффера.

Раису онъ засталъ на балконѣ, она такъ глубоко задумалась, что даже слегка вскрикнула, когда онъ вошелъ.

— Я испугалъ тебя, Рая?

Онъ поцѣловалъ руку жены, мысленно сравнилъ ее съ *mademoiselle* Ренье и Раиса ему казалась какой-то тусклой.

— Ты долго еще намѣрена здѣсь сидѣть?

— Право, не знаю. Ты, вѣроятно, хочешь обѣдать?

— О, нѣтъ, я такъ позавтракалъ, что и думать не могу объ обѣдѣ.

— У импрессаріо? — равнодушно спросила Раиса.

— Съ нимъ, но не у него. У маленькой Ренье, героини вчерашняго спектакля.

Раиса нахмурилась, какъ-бы припоминая.

— У какой героини?

— У маленькой танцовщицы, которая вчера отличилась красотой и драгоцѣнностями.

— Ахъ, персидская принцесса, какъ ее называютъ, — улыбнулась Раиса. — Такъ ты былъ у нея?

— Сначала я былъ у Гинзбурга, а потомъ мы вмѣстѣ поѣхали къ ней... Ты что это допрашиваешь меня?

Широко-открытыми глазами смотрѣла Раиса на мужа.

— Допрашиваю?

— Ну, да, допрашиваешь, ревнуешь.

Улыбка, полная презрѣнія, мелькнула по ея губамъ.

— О, какъ ты меня плохо знаешь!

— Если ты не ревнуешь, тѣмъ лучше. Тогда, по крайней мѣрѣ, я буду откровененъ. Я отлично провелъ время. Эта маленькая танцовщица живетъ, какъ принцесса. Какая роскошь ее окружаетъ. Ея вилла — дворецъ. Завтракомъ она насъ угостила необычайнымъ. Какія вина! Да, можно сказать, умѣютъ люди жить!

Раздраженіе закипало въ сердцѣ Раисы и хотѣлось ей „отчитать“ мужа, но она сдержалась... Теперь только одно желаніе: избавиться отъ его общества.

— Очень рада за тебя, что ты так приятно проведешь время, и чувствую, что обѣдать мнѣ придется одной.

Она поднялась.

— Ты можешь потребовать въ номеръ.

— Нѣтъ. Запахъ ѣды такъ неприятенъ. Я пройду въ столовую.

Онъ не возражалъ.

— Ахъ, да, былъ съ визитомъ лордъ Дуглей. Онъ оставилъ тебѣ карточку.

На лицѣ Корнилова приятная улыбка смѣнила недовольное выраженіе. Онъ нѣсколько разъ пересмотрѣлъ карточку.

— Надо отвѣтить, — важно проговорилъ онъ. — Прикажу управляющему отеля, онъ мнѣ разыщетъ виллу Мэдусъ.

Но Раиса уже не слушала. Она торопливо надѣла кокетливую, простенькую шляпочку, захватила перчатки и сумочку и выскользнула изъ номера.

Въ столовой она выбрала скромный уголокъ за столикомъ, скрытымъ высокой пальмой.

Обѣдъ заказанъ, и въ ожиданіи она машинально отрываетъ лепестки розы. Ахъ, если бы Эдвардъ сейчасъ случайно здѣсь очутился! Вѣдь онъ всегда появляется такъ неожиданно и такъ удачно.

Только сегодня врядъ-ли. Вѣдь онъ помчался разыскивать свою воспитательницу.

Раисѣ стало досадно, что она сама случайно натолкнула его на слѣдъ. Нужно было рассказывать про встрѣчу съ Мэджъ! Если бы не ея болтовня, Эдвардъ теперь сидѣлъ бы съ нею.

Ахъ, отчего жизнь не столкнула ее съ Эдвардомъ раньше, до встрѣчи съ Корниловымъ?!

Она трепетно вздрогнула.

Брачная жизнь съ Эдвардомъ — какое это было бы счастье! Всегда вмѣстѣ... Такому супругу она повѣряла бы каждую свою мысль. А ласки!... Какъ прекрасны, какъ упоительны были бы ихъ ласки!

Послѣ обѣда Раиса направилась къ берегу моря и вернулась домой уже около одиннадцати вечера.

— Ты меня разбудила! — сердито пробормоталъ Корниловъ.

— А какъ часто ты меня будишь! — возразила она.

— Чтобы мы не мѣшали другъ другу, слѣдовало бы взять еще сосѣдній номеръ, — рѣзко сказалъ онъ.

— Прекрасная мысль! — въ тонъ ему отвѣтила она.

И на слѣдующій день съ вызывающей улыбкой Корниловъ заявилъ женѣ, что номеръ по другую сторону гостиной за нимъ.

— Такимъ образомъ, мы можемъ не мѣшать другъ другу.

Раиса немедленно перенесла свои вещи въ новую спальню.

Лордъ Дуглей какъ будто забылъ о ней. Цѣлыми часами просиживала она на балконѣ въ тщетномъ ожиданіи.

Яркое небо, которымъ она такъ любовалась, теперь ей казалось сумрачнымъ и блѣднымъ. Потускнѣли красоты природы. Изумрудная зелень въ ея глазахъ теперь какъ бы завяла. Щебетаніе птичекъ ей казалось нуднымъ, и влюбленное сердце — щемила тоска.

Съ балкона mademoiselle Ренье наблюдала за Корниловымъ. Онъ торопливо сѣлъ въ автомобиль, и машина помчалась. Скоро автомобиль скрылся за облакомъ пыли, за крутымъ поворотомъ.

Съ глубокимъ вздохомъ молодая женщина оторвалась отъ перилъ балкона и медленно побрела въ глубь виллы.

Она въ своей спальнѣ. Небрежно срываетъ драгоценности и дорогой туалетъ. Горничная еле успѣваетъ подхватывать кольца, браслеты, колѣе, серьги. Mademoiselle Ренье торопится, тяжело дышитъ, словно душитъ ее это богатство.

— Вы отдохнете, mademoiselle?

— Да...

Прохладные тонкія простыни освѣжаютъ ее разгоря-

ченное тѣло. Пылающая щека трется о холодное кружево наволоки.

— Откройте окна, спустите шторы. Теперь можете идти.

Она одна. Трепетно, обѣими руками сдавливаетъ она голову, словно старается сжать, остановить свои мысли, разбѣгающіяся, кружащіяся.

Свиданіе!... Встрѣча, о которой она мечтала всѣ эти мѣсяцы борьбы, униженій и труда! Что принесла ей эта встрѣча?

Если въ былые дни, влюбленная простенькая дѣвочка, она видѣла въ Корниловѣ кумира, то теперь... О, теперь всѣ его недостатки такъ ярко всплыли! Самодовольный, самовлюбленный, недалекій эгоистъ! Въ немъ много ложной гордости, но унижить его не трудно.

О, теперь сладкая улыбка и нѣжный голосъ ужъ не обмануть ея сердца. И какъ легко теперь его покорить! Только искусно играть на слабыхъ струнахъ.

Но неужели и теперь, сознавая его ничтожество, она не остановится? Зачѣмъ губить молодую жизнь? Зачѣмъ топтать судьбу, которая радостно ей улыбается?

Какъ будто иначе, безъ Корнилова, не можетъ все устроиться? Она добьется своего, заставитъ его пресмыкаться у своихъ ногъ и отбросить, не подаривъ ни единымъ поцѣлуемъ.

Вѣдь если она ему отдастся, то потеряетъ въ его глазахъ, и тогда уже онъ ее броситъ.

Она еще крѣпче сдавила голову. Э того не пережить!

Немного успокоившись, она стала разбираться въ своей жизни. Полная чаша! Дворецъ, сады, экипажи, туалеты, драгоценности... Каждое ея желаніе мгновенно исполняется тамъ, гдѣ это во власти золота.

О, иронія судьбы! Развѣ искала она золота и роскоши? Ее удовлетворила бы скромная трудовая жизнь объ руку съ любимымъ человѣкомъ. И ей вспоминается старинный романсъ, она такъ часто его напѣвала, склонившись надъ работой, искалывая иглой торопливые пальцы:

*„Что намъ до шумнаго свѣта,
Что намъ друзья и враги?
Было бы сердце согрѣто
Жаромъ взаимной любви“.*

Съ какимъ чувствомъ тогда распѣвала она эту простую старую пѣсенку, и глубокій смыслъ находить она теперь въ безхитростныхъ словахъ!

Она отдала свое сердце, когда еще не знала людей и жизни. А полюбила разъ и на всю жизнь. Упорно шла она къ своей цѣли. И теперь, когда стоитъ только протянуть руку, чтобы взять то, къ чему она стремилась, теперь отступить? Искать новую цѣль? Устраивать свою жизнь?

Она вскочила. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Развѣ не осудила она себя заранѣе на гибель? Но погибнуть вмѣстѣ, вотъ въ чемъ вся суть!

Вопросъ рѣшенъ. Послѣднія сомнѣнія разсѣялись.

XXXIV. ТОРЖЕСТВО МАРІИ

Марія Мальцева лежала въ качалкѣ, закинувъ руки, освѣщенная солнцемъ. Ея темныя брови сдвинуты, она опять недовольна своей судьбой.

У стола Эмиль Руже перечитывалъ газеты.

Онъ улыбнулся.

— Ты только послушай, что о тебѣ пишутъ. Каждый разъ, когда читаешь, думаешь, что все уже сказано о тебѣ, а на слѣдующій день опять что-нибудь новенькое. Мы, французы, удивительно изобрѣтательны на похвалы, когда намъ что-нибудь нравится. Хочешь прочту?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, пожалуйста, не читай. Такъ все это надоѣло.

— Ого, какая ты стала избалованная, Марія. Общечеловѣческая черта. Мы никогда не цѣнимъ того, чѣмъ владѣемъ.

— Дѣло не въ томъ, чѣмъ владѣемъ, — а въ удовлетвореніи... одни удовлетворяются малымъ, другіе...

— Есть и такіе, которые никогда ничѣмъ не удовлетворяются.

— Глупая философія.

Эмиль отложилъ газеты и подошелъ къ ней. Его рука ласково опустилась на ея голову.

— Чего тебѣ не хватаетъ, Марія?

Она молчала.

— Помнишь, когда мы встрѣтились въ вашей русской столицѣ, ты даже мечтать не смѣла о томъ, что тебя теперь окружаетъ. Съ одной стороны, влюбленный въ тебя бронзовый человѣкъ, заплатившій жизнью за твой мимолетный капризъ. Съ другой — неблагодарный, грубый поклонникъ, грозившій тебѣ судебнымъ процессомъ. Правда, твой успѣхъ уже разрослся, но сколько подводныхъ камней, сколько препятствій ты должна была встрѣтить на своемъ пути. Люди, что тебя окружали, никогда не сумѣли бы оцѣнить твой талантъ. Ты встрѣтилась со мной. Сама судьба послала тебѣ человѣка, который сумѣлъ оцѣнить тебя, сумѣлъ сдвинуть всѣ подводные камни на твоёмъ пути и выдвигаетъ тебя въ ряды европейскихъ знаменитостей. Въдь осенью ты будешь пѣть въ Парижской большой оперѣ, ты приглашена въ Лондонскій королевскій театръ, въ Мадридскую оперу. Передъ тобою — весь міръ.

Равнодушно и холодно прислушивалась она къ его словамъ, полузакрывъ глаза.

Съ легкимъ вздохомъ онъ продолжалъ:

— Марія, ради тебя я бросилъ все, я сталъ равнодушенъ къ моимъ дѣтямъ, они всегда были моей любовью и гордостью. Я оттолкнулъ свою жену. А она долгіе годы была моимъ лучшимъ другомъ.

— Оттолкнулъ?

Глаза Маріи блеснули и она выпрямилась.

— Какъ будто до сихъ поръ я для тебя не забава? Законная жена останется законной женой. Ей почетъ и уваженіе. А на меня смотреть, какъ на хищницу, которая

временно замѣнила жену. Ты самъ мнѣ говорилъ о бывшихъ своихъ увлеченіяхъ. Парижъ знаетъ ихъ хорошо.

— Ты несправедлива, Марія. Парижъ знаетъ мои увлеченія, но онъ также знаетъ, какъ они были мимолетны и несерьезны.

— Но это длится дольше... Оно и понятно. Годы ужъ теперь не тѣ.

Саркастическая улыбка скользнула по губамъ Маріи.

— Ты, значить, не вѣришь въ прочность моей любви? — спокойно спросилъ Эмиль, но въ этомъ спокойствіи чувствовалось напряженіе. Такъ передъ грозой наступаетъ затишье.

— И ты хотѣла бы доказательствъ?

— Я ничего не хочу. Меня только бѣситъ, когда ты преувеличиваешь жертвы, мнѣ принесенныя. Какъ будто ты не понимаешь, что жертвую только я. Отдаю тебѣ молодость, красоту, сердце... играю своей репутаціей. Ты возразишь, что у меня было не мало приключеній на родинѣ. Да, но въ Европу я могла явиться другимъ человекомъ, обновленнымъ. За мой талантъ вокругъ меня создалось бы уваженіе, почетъ... Меня восхваляетъ пресса, но тѣ же журналисты за бутылкой вина смѣются надо мной.

— Развѣ это такъ смѣшно, что ты подруга Эмиля Руже? Меня уважаетъ вся Франція.

— Уважаетъ какъ талантъ и дѣятеля и аплодируетъ твоимъ любовнымъ интрижкамъ. Вино и женщины. Каждый добрый французъ отъ этого не откажется.

Онъ медленно отошелъ отъ нея и, заложивъ руки за спину, бродилъ, что-то обдумывая.

— Марія...

Онъ остановился передъ нею блѣдный и огонь рѣшимости сверкалъ въ его глазахъ.

— Марія, эти споры не должны повторяться. Фальшивой нотой они врываются въ гармонію нашей любви. Ты прекрасна и одарена небомъ, ты не должна быть унижена. Въ твоихъ объятіяхъ, среди этой дивной природы, я забылся, какъ въ волшебной сказкѣ. Дѣйствительность

стучится... и я смѣло и спокойно открываю ей двери. Ты будешь моею женой, Марія. Я общаю это тебѣ.

Она тихо вскрикнула. Кровь гордости прилила къ ея щекамъ, глаза ея заблестѣли торжествомъ побѣды, удовлетворенное самолюбіе заставило ея сердце сладко забиться.

— Эмиль, ты говоришь правду?!

— Развѣ я похожъ на легкомысленнаго юношу, играющаго словами чести? Пока рѣшеніе не созрѣло, я молчалъ.

— Развѣ это возможно? Развѣ твоя жена дастъ свое согласіе?

— Если не захочетъ, я ее заставляю.

Желѣзной рѣшимостью прозвучали его слова.

Марія у ногъ Эмиля Руже и жадно цѣлуетъ его руки.

— Дорогой другъ, ты воскресилъ меня. Моя жизнь была отравлена. Ты возрождаешь меня, Эмиль!

— Марія!

И онъ порывисто поднялъ ее и прижалъ къ своей груди.

— Сокровище, мое сокровище, — шепталъ онъ. — Дорогой цѣной я покупаю свое счастье.

Онъ прижалъ ее къ груди, и она не видѣла его лица. Не видѣла двухъ слезинокъ, сверкнувшихъ въ его глазахъ. Онъ такъ торопливо смахнулъ ихъ, словно устыдился мнovenной слабости. Можетъ быть, эти слезинки были послѣдней данью прошлому?

— Это рѣшено, Марія. Ты — моя невѣста. По возвращеніи въ Парижъ я приступлю къ переговорамъ о разводѣ. И еще разъ повторяю тебѣ, ты должна мнѣ вѣрить, ты будешь моею женой.

Она заглядывала ему въ лицо, радостная, сіяющая, какъ лучъ яркаго южнаго солнца.

— Приглашаю тебя на пиръ. По случаю моего торжества. Маленькій пиръ вдвоемъ. Сегодня я свободна, я хочу весь день провести съ тобой. Сейчасъ я переодѣнусь и ѣдемъ въ горы. Знаешь что, поѣдемъ въ Gorge du Loup. Это очаровательное мѣстечко, когда хочешь въ уединеніи праздновать счастье!

Ея сіяющая радость передавалась и ему.

— Я слышала, что это красивое мѣстечко. Но, къ стыду своему, еще тамъ не бывала.

— Только поскорѣе, ты вѣдь знаешь, когда я чего-нибудь хочу, земля горитъ подъ моими ногами.

— Знаю, моя повелительница.

Эмиль прошелъ въ свою уборную, чтобы переодѣться, тѣмъ временемъ и Марія быстро перемѣнила легкій утренній туалетъ на дорожный. Ей удивительно шла песочная шляпа „фуртончикомъ“, украшенная вѣнчикомъ мелкихъ розовыхъ цвѣтовъ и огромной вуалеткой.

Англійскій костюмъ въ тонъ шляпы, отдѣланный темно-розовымъ муаромъ, перчатки, обувь — все въ тонъ.

Элегантная, обаятельная, она посылала поцѣлуи собственному отраженію.

— Здравствуйте, madame Руже, директриса Парижской оперы. Съ какимъ уваженіемъ будутъ относиться къ вамъ всѣ знаменитости. Всѣ тѣ знаменитости, которыя несутъ такъ гордо свои головы, будутъ раболопствовать передъ вами, madame Марія Руже. А въ Петроградѣ! Всѣ, которые вамъ завидовали и старались васъ унижить, всѣ будутъ пресмыкаться. Поздравляю васъ, madame Марія Руже, директриса Парижской оперы!

И она смѣясь отбѣжала отъ трюмо.

У дверей она столкнулась съ лакеемъ. Корректный, серьезный, онъ подавалъ ей телеграмму.

— Ахъ, — радостно сорвалось съ ея устъ, когда она прочитала телеграмму. — Сашенька завтра пріѣзжаетъ! Сегодня уже вторая радость, теперь надо ждать третью!

Она направилась въ уборную Эмиля, чтобы подѣлиться радостью, но въ дверяхъ опять появилась корректная фигура лакея, на сей разъ подававшего ей визитную карточку.

Марія поморщилась.

— Лакристи, — пробормотала она. — Какъ некстати! Лакей терпѣливо ждалъ ея приказаній.

— Скажите monsieur Лакристи, что я уѣзжаю, если

дѣло очень спѣшное, я могу его принять только на одну минуту.

— Простите меня, madame Мальцева, что я васъ потревожилъ.

Склонившись въ корректномъ поклонѣ, Лакристи остановился на порогѣ.

— Ахъ, пожалуйста. Къ сожалѣнію — сейчасъ уѣзжаю.

Ея глаза небрежно скользнули по тонкой, элегантной фигурѣ Лакристи, по его оригинальному лицу, по свѣтло-каштановой шевелюрѣ, поднимавшейся надъ невысокимъ лбомъ, испещреннымъ голубыми жилками, по тонкому „римскому“ носу съ горбинкой. Ей показалось, что насмѣшливая улыбка промелькнула въ уголкахъ его губъ, подъ рыжеватыми усиками. Но губы опять серьезно сдвинулись, а насмѣшливая улыбка отражалась лишь въ странныхъ сѣровато-зеленыхъ глазахъ, — не то повелѣвающихъ, не то гипнотизирующихъ.

— Я, конечно, всегда радъ видѣть синьору Марію, — звенящимъ, вкрадчивымъ голосомъ проговорилъ Лакристи. — Но сегодня я рѣшился васъ побезпокоить по дѣлу.

Марія только теперь обратила вниманіе, что у него въ рукахъ большая нотная тетрадь.

— Пожалуйста, Лакристи, — фамиллярно и холодно указала она ему на кресло, опускаясь въ другое въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Онъ улыбнулся своей обычной улыбкой, — насмѣшливой, демонической. Движенія его были мягки, вкрадчивы. Опустивъ глаза, онъ внимательно осматривалъ кончикъ своей лакированной ботинки.

— Нашъ директоръ поручилъ мнѣ переговорить съ вами по поводу новой партіи. Monsieur Пауль просилъ меня проиграть вамъ эту партію. Ему хочется, чтобы вы ее пѣли.

Глаза Маріи вспыхнули.

— Интересная партія? — быстро спросила она.

- Великолѣпная, и вы въ ней будете очаровательны.
- Чья опера?
- Одна изъ самыхъ удачныхъ оперъ нашего директора.
- Ахъ, Гинзбурга... — протянула Марія.

XXXV. ЕЯ ФИЛОСОФІЯ

— Напрасно вы относитесь къ новой оперѣ такъ скептически, — насмѣшливо проговорилъ Лакристи. — Поэтическая обстановка, мелодичныя напѣвы и оригинальное содержаніе. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи въ наши дни. Только, какъ всегда, имѣется маленькое „но“.

— Вы меня можете познакомить съ этимъ „но“?

— Ну, конечно. Дѣло въ томъ, что во второмъ актѣ главная героиня должна исполнить трудный негритянской танецъ. Для каждой оперной пѣвицы это, конечно, тяжелая задача и потомъ надо „умѣть“ танцовать.

Еще ярче загорѣлись глаза Маріи.

— О, съ этимъ я сумѣю справиться. Сказать вамъ откровенно, меня это „но“ даже привлекаетъ. Я люблю загорные танцы и часто мечтаю выступить въ опереттѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы позволите мнѣ выполнить порученіе директора и познакомить васъ съ музыкой новой оперы?

— Только не сегодня.

Въ его холодныхъ глазахъ блеснули огоньки, но рѣсницы опустились такъ быстро, что Марія не успѣла уловить странный взглядъ.

— „Сегодня“ вы посвящаете чему-нибудь важному?

— Моему личному счастью. Яркой звѣздой загорѣлось оно сегодня въ моей жизни.

Легкая судорога пробѣжала по лицу Лакристи. Онъ крѣпко сдвинулъ свои пальцы, словно стараясь побѣдить охватившее его волненіе.

— Тайна? — насмѣшливо спросилъ онъ.

— Пока тайна. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ объ этомъ всѣ узнаютъ.

— Вы меня заинтриговали... — началъ Лакристи.

Въ дверяхъ появился Эмиль Руже въ дорожномъ костюмѣ, лицо его свѣтилось счастьемъ.

На одно мгновеніе поднялись рѣсницы, и Лакристи обжегъ Руже взглядомъ, полнымъ ненависти. Если бы только Эмиль замѣтилъ этотъ взглядъ, онъ долженъ былъ бы остерегаться Лакристи. Увы, онъ ничего не замѣтилъ и съ привѣтливой улыбкой подошелъ къ своему тайному врагу.

— Добрый день, маэстро.

Марія объяснила Эмилю причину столь ранняго появленія Лакристи.

— Когда же вы позволите заѣхать къ вамъ, синьора Марія, чтобы проиграть новую оперу? — поднялся Лакристи, уже окончательно овладѣвшій собой.

— Завтра, въ это же время, маэстро.

Не стѣсняясь присутствіемъ Лакристи, Марія дарила своего возлюбленнаго жгучими взглядами страсти. Она вся трепетала, ея губы словно налились кровью, ноздри раздувались. Казалось, одно мгновеніе — и она бросится въ объятія Руже.

Лакристи выдержалъ пытку, и холодная маска, сковавшая его черты, не дрогнула.

— До завтра, синьора Марія.

Съ корректнымъ поклономъ онъ удался.

Когда закрылись за нимъ желѣзные ворота виллы, онъ поспѣшно спустился къ морю. Въ уединеніи онъ уже не сдерживался, страданіе исказило его черты.

— Ты мнѣ поплатишься, когда ты будешь моей рабой, — прошепталъ онъ, стиснувъ зубы. — Я въ твоихъ глазахъ не человѣкъ, не равное тебѣ существо. Ты не скрываешь своего презрѣнія. Ты относишься ко мнѣ, какъ къ лакею, но я люблю тебя по-своему и вѣрю въ побѣду. Ты будешь моей любовницей и моей рабой.

Безпечная Марія даже не подозрѣвала бури, клочотавшей въ самолюбивой, озлобленной душѣ Лакристи.

— Наконецъ-то мы одни!

И какъ только дверь за Лакристи закрылась, она бро-

силась въ объятія Эмиля. О, она должна сторицей вознаграждать его за жертву, которую онъ приносить, за тронъ, который онъ ей сулитъ.

Ея поцѣлуи жгутъ лицо, руки, глаза.

— Ты всёхъ ихъ забудешь въ моихъ объятіяхъ. Наша любовь загорится яркимъ пламенемъ и не погаснетъ, пока бьются наши сердца.

Какъ быстро мчался автомобиль по берегу моря. Волшебной панорамой пролетали блестящія виллы, отели, сады. Метеорами мелькали многочисленные встрѣчные автомобили, оставляя свѣтло-сѣрыя облака пыли.

Миновали Болье, Ниццу, страусовую ферму и повернули вправо. Тутъ и воздухъ становился все свѣжѣе, по мѣрѣ того, какъ поднимались въ горы, и зелени было все больше и больше.

— Смотри, смотри, Эмиль, какая прелесть! — вскрикнула Марія.

Они мчались межъ цвѣточныхъ полей. Поля фіалокъ, розъ, левкоя, гвоздики.

— Здѣсь цвѣты цѣлыми полями, какъ у насъ въ Россіи хлѣбъ.

— Эти поля принадлежатъ фабрикамъ духовъ-Грасса.

— Не знаю, кому они принадлежатъ. Это такъ волшебнo, красиво. Это сказка. А аромать! Это какой-то чудесный аромать! Въ день моего счастья я — среди этихъ волшебныхъ, цвѣточныхъ полей.

Поднимались все выше: исчезли цвѣточные поля, зажурчали горныя рѣки.

И вотъ еще издали послышался шумъ водопада.

— Мы подъѣзжаемъ къ Gorge du Loup!

Крутой поворотъ и маленькое поэтичное мѣстечко надъ водопадомъ открылось восхищеннымъ глазамъ.

— Да здѣсь отличный отель! — указаль Эмиль на большое зданіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, не туда, — живо возразила Марія. —

У меня здѣсь любимый маленькій отель. Чудная терраса виситъ надъ водопадомъ.

Она указала шофферу свой любимый отель. Это было маленькое каменное зданіе, одноэтажное.

Эмиль Руже поморщился.

— Воображаю, какимъ насъ здѣсь накормятъ завтракомъ.

— Самымъ лучшимъ!

Молодая дѣвушка, продававшая у дверей открытки съ видами и бездѣлушки-„сувениры“, узнала Марію и ласково ей улыбнулась.

— Здравствуйте, mademoiselle, — привѣтливо подошла къ ней Марія. — Отберите намъ самые красивые виды и сувениры. Я ихъ захвачу передъ отъѣздомъ.

И толстая жизнерадостная хозяйка узнала Марію.

— Вы насъ угостите такъ, какъ вы умѣете, — сказала Марія. — Я хочу, чтобы monsieur Эмиль Руже остался доволенъ вашимъ завтракомъ.

— Эмиль Руже! — восторженно всплеснула руками хозяйка. — О, я постараюсь васъ угостить на славу.

— Вы меня знаете?

— Я — француженка! — обидчиво заявила она. — Какъ могу я не знать Эмиля Руже.

Онъ ласково улыбнулся. Эта восторженная, искренняя похвала была дорожке самой утонченной лести.

— Гдѣ прикажете вамъ накрыть столикъ, — на стеклянной верандѣ или на открытой?

— Конечно, на открытой. Вѣдь мы пріѣхали дышать воздухомъ, любоваться водопадомъ и слушать его вѣчныя сказки.

— Нашъ водопадъ, онъ у насъ мастеръ рассказывать и говорить безъ конца, онъ никогда не молчитъ, — пошутила хозяйка.

Столъ накрытъ, и парочка расположилась. Марія облокотилась на деревянную баллюстраду и любитъся пѣнящимся водопадомъ. Могучей струей падаетъ онъ, разсыпается брилліантовыми брызгами, рождаетъ бѣлоснѣжную

пѣну. А вдали горы смыкаются кольцомъ. Ихъ вершины утопаютъ въ синевѣ небесъ... ни единого облачка.

— Прелестный уголокъ, не правда ли?

— Я и не зналъ, что ты любишь природу, Марія...

— Сама не знаю, люблю ли я природу? Я не могла бы примириться съ тишиной. Я люблю блестящую, шумную, городскую жизнь. Но такъ, иногда захватить въ милый уголокъ, насладиться его красотой, это я понимаю. Даже тишина и уединеніе, когда ихъ подносятъ небольшой порціей, мнѣ пріятны. Поворю, что чувствую, а ужъ ты самъ суди, люблю ли я природу.

— Какъ игрушку, — отвѣтилъ онъ печально. — Такова ужъ ты, Марія, — блестящая, прекрасная, талантливая... но легкомысленная. Бабочка... блескъ жизни тебя согрѣваетъ. Чтобы сохранить твою любовь, нужно быть изобрѣтательнымъ, нужно придумывать новое, чтобы тебя интересовало и захватывало. Иначе легко тебя потерять.

Лицо его стало блѣднымъ и печальнымъ. Въ порывѣ невольной жалости Марія крѣпко пожала его руку.

— Развѣ я могу тебя разлюбить, Эмиль?

— Можешь, Марія. Но я не хочу объ этомъ думать. Ты слишкомъ захватила и меня, и мое сердце, и мою жизнь. Какъ существовать безъ тебя? Я сжегъ послѣдніе корабли, и я навсегда оторванъ отъ прошлаго. Если ты меня оставишь, я лишусь послѣдняго луча свѣта и тепла.

Она нахмурилась.

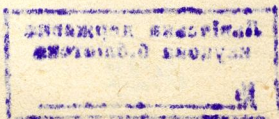
— Вѣдь роковой шагъ еще не сдѣланъ, — рѣзко проговорила она. — Ты еще можешь остановиться, Эмиль!

— О, нѣтъ, — покачалъ онъ головой. — Я не могу остановиться. Не потому, что я далъ тебѣ слово, а потому, что прошлое уже сгорѣло. Его ужъ нѣтъ. А чего нѣтъ, къ тому не вернешься. Не жажда прошлаго меня увлекаетъ, нѣтъ, меня страшитъ будущее.

— Ты мнѣ не довѣряешь, Эмиль?

— Какъ можно довѣрить вѣтру утлую ладью? Ты, вѣтеръ, Марія. Буйный, прекрасный, могучій, но ненадежный.

— Эмиль, ты смѣшиваешь мое прошлое съ настоящимъ.

До встрѣчи съ тобой я была такимъ вѣтромъ, но теперь... Развѣ ты не видишь, какъ ты передѣлалъ меня? Многое, о чемъ я прежде и понятія не имѣла, теперь стало закономъ моей жизни. И хочешь, я буду вполне, вполне откровенна?

— Я жажду твоей откровенности, Марія.

— Какое-нибудь мимолетное увлеченіе, мимолетный обманъ еще возможенъ. Но разстаться съ тобой? Нѣтъ, это выше моихъ силъ!

— Мимолетный обманъ? — съ разстановкой проговорилъ онъ. — Сумѣю ли я его пережить? Подумала ли ты объ этомъ, Марія?

— Подумала. Если ты не будешь знать, что ты обманутъ, то почему же тебѣ огорчаться?

— Развѣ ты сможешь отдаваться моимъ ласкамъ, принимать мои нѣжныя заботы и любовь, если ложь насъ раздѣлитъ?

— Моя любовь всегда будетъ съ тобой. А увлеченіе — это моментъ. Проходитъ моментъ, и остается только неприятный осадокъ. И тогда къ твоимъ ногамъ, цѣлуя твои руки, я принесла бы свое раскаяніе. Развѣ ты не принялъ бы его?

Легкая судорога пробѣжала по его лицу.

— Ты будешь моей женой, Марія. Законной женой. Твое мимолетное увлеченіе не только нанесетъ жестокую, неизлѣчимую рану моему сердцу, но и покроетъ стыдомъ мою голову. Голову Эмиля Руже, которая привыкла только къ почету и уваженію.

Она опустила глаза.

— Я люблю тебя и объ увлеченіяхъ не думаю. Но если налетитъ ураганъ, если я не выдержу борьбы, если меня закружитъ преступная минута...

Пожимая плечами, онъ отвѣтилъ съ грустной улыбкой:

— Два выхода, Марія: или влачить отравленное существованіе... или умереть.

XXXVI. ЧАСЪ ВДОХНОВЕНІЯ

Медленно подняла Марія опущенныя рѣсницы и взоръ ея встрѣтился съ сіяющей картиной природы. Мощно и шумливо бросалъ водопадъ красивыя струи, и солнце золотило разсыпавшіяся брызги. Прозрачныя капли воды разсыпались брилліантовыми искрами. И все это на фонѣ горъ, утопающихъ въ безоблачной синевѣ небесъ.

Воздухъ былъ такъ свѣжъ, такъ легокъ, онъ наполнялъ грудь новыми силами жизни. И бодрость разливалась по всему тѣлу, и хотѣлось веселья и счастья.

Радостная улыбка сверкнула на прекрасномъ лицѣ Маріи.

— Эмиль, — звонко проговорила она. — Мы съ тобой гадкіе, противные людишки! Въмѣсто того, чтобы наслаждаться днемъ счастья, мы перебираемъ будущія бѣды. Зачѣмъ мы сами себя отравляемъ жизнь?

Онъ схватилъ ея руку, тянувшуюся къ безоблачному небу, и съ юношеской пылкостью прижалъ ее къ губамъ.

— Ты мнѣ принадлежишь, Марія, только мнѣ одному!

Его брови сдвинулись, болѣзненная складка, какъ глубокая морщина, раздѣлила его лобъ.

— Эти бѣды только въ будущемъ? — спросилъ онъ, задыхаясь. — Преступной минуты еще не было? Ураганъ мгновенной страсти еще не превратилъ меня изъ гордаго влюбленнаго въ жалкаго и смѣшного роконосца?

Его ясные и правдивые глаза такъ пристально впились въ ея взоръ, словно хотѣли пронизать ее насквозь.

Кровь волной прилила къ ея щекамъ, залила все ея лицо до корней волосъ.

— Почему ты такъ покраснѣла, Марія?

Его голосъ дрожалъ и прерывался.

— Я покраснѣла?

Марія съ шумомъ отодвинула свой стулъ.

— Я покраснѣла отъ злости! Какъ будто я не все время съ тобою? Какъ будто не каждый мой шагъ у тебя на виду?

— А та ночь, Марія? Помнишь, когда ты скрылась

такъ неожиданно? Та ночь мнѣ дорого стоила. Я не говорю о своихъ страданіяхъ, не въ нихъ дѣло, но я потерялъ вѣру въ твою любовь.

— Если ты мнѣ не вѣришь, то стоитъ ли оправдываться? Когда ты доведешь меня до бѣшенства, я нарочно стану кричать, что измѣнила тебѣ. Всю ту ночь я провела у *madame* Вейккой. Допроси ее.

— Это прошлое. Поставимъ на него крестъ. Я хочу, чтобы мнѣ принадлежало твое будущее. До сихъ поръ ты была моей возлюбленной, теперь ты моя невѣста. До сихъ поръ я могъ только „умолять“, теперь я получилъ право „требовать“.

Онъ напомнилъ о предстоящемъ ей торжествѣ, и снова ее озарилъ лучъ радости. Нѣтъ, сегодня она не должна капризничать, не должна ссориться. Чуткимъ любящимъ сердцемъ онъ угадываетъ правду, но пусть эта правда остается въ прошломъ.

Бракъ принесетъ ей такъ много, что можно пожертвовать минутными капризами и подарить ему вѣрность.

И она отвѣтила крѣпкимъ пожатіемъ на его пожатіе.

— Вотъ и форесть!

Появилась торжествующая хозяйка съ маленькимъ, продолговатымъ, дымящимся котелкомъ въ рукахъ.

— Еще полчаса тому назадъ она плавала въ этой водѣ и нѣжилась, подставляя солнцу свою крапленую спинку. А вотъ и картофель. Его собрали сегодня утромъ въ нашемъ парникѣ. А масло, *madame*! Часъ тому назадъ я его собственноручно сбилъ изъ самыхъ густыхъ сливокъ.

Хозяйка исчезла на нѣсколько мгновеній и опять явилась съ запыленной бутылкой.

— Вино особенно рекомендую, оно лежитъ въ моемъ подвалѣ безконечное число лѣтъ. Когда его привезли, моимъ скромнымъ посѣтителемъ оно показалось слишкомъ дорогимъ и пролежало у меня цѣлые годы.

Эмиль наполнилъ бокалы виномъ, — золотистымъ, густымъ, ароматнымъ.

— За наше будущее, Марія! Я не хочу быть эгоистомъ. Ты большой талантъ, и этотъ даръ долженъ принадле-

жать всему цивилизованному міру. Но я жажду, чтобы твоя слава слилась съ моей славой.

Они чокнулись.

— Ты слишкомъ долго пишешь свою оперу, — капризно улыбулась Марія.

Онъ осушилъ бокаль.

— Дѣйствительно, замѣчательное вино! Я готовъ купить весь погребокъ этой доброй женщины. Такъ, ты укоряешь меня, Марія, за медленность работы? Ты несправедлива. Я слишкомъ хорошо и долго изучалъ музыку, и, конечно, могъ бы закончить свою оперу уже давнымъ-давно. Но я не хочу ни одной рассчитанной ноты. Вся опера должна быть сплошнымъ вдохновеніемъ моей любви къ тебѣ. Каждый разъ, когда я люблюю тебя на сценѣ, Марія, въ твоемъ талантѣ я открываю все новыя и новыя черточки и новымъ вдохновеніемъ загорается мое сердце.

— Но ты до сихъ поръ скрываешь отъ меня не только мелодіи, но и сюжетъ твоей оперы.

— Постой...

Онъ потрясъ звоночекъ, стоявшій на столѣ.

— Что прикажете, monsieur Руже? — подбѣжала хозяйка.

— Можетъ быть, у васъ найдется піанино?

— Въ большой угловой комнатѣ стоитъ огромный рояль, monsieur Руже.

Глаза доброй женщины такъ и сверкали.

— Неужели мнѣ суждено услышать музыку знаменитаго Руже въ моемъ скромномъ уголкѣ?! Это чудесный рояль, monsieur Руже. Я его купила по случаю. Его привезли для богатой американки. Она высидила у насъ всего три недѣли и за безцѣнокъ продала мнѣ рояль. Правда, онъ, можетъ быть, не совсѣмъ въ порядкѣ, часто тутъ бренчали заѣзжіе кутилы.

— Послѣ завтрака я осмотрю вашъ рояль, madame. А теперь прикажите подавать пулярдку.

Огромная пулярдка, начиненная трюфелями и обложенная тонкими ломтиками ветчины, была восхитительна.

— Вотъ ты говоришь о сюжетѣ моей оперы, — про-

должалъ Эмиль Руже. — Знаешь ли, какъ трудно было выбрать этотъ сюжетъ? Мнѣ хотѣлось тебѣ дать что-нибудь особенное. Въ тебѣ такъ много разнообразія, Марія. Талантъ, добродѣтель, красота, порывъ, порокъ... все сплетается. И получается странная сказочно-красивая гармонія. Я искалъ женскій образъ, который могъ бы передать всѣ твои настроенія.

— Ты его нашелъ?

— Нашелъ. Это исторія монашенки, сестры Беатрисы.

— О, Эмиль, — раскохоталась Марія. — Неужели во мнѣ ты нашелъ сходство съ монашенкой?

— Странная судьба этой монашенки привлекла мое вниманіе. Сначала чистая душой, какъ ангель, она всѣмъ существомъ своимъ отдавалась любви къ Мадоннѣ. Но потомъ, соблазненная земной любовью, она оскорбила свою монашескую рясу и бѣжала. Святая Мадонна цѣпила ея сердце. Она знала, что Беатрису раскаяніе снова приведетъ въ келью, и она заранѣе простила грѣхъ Беатрисы. Бѣлая, мраморная Мадонна ожила, сошла съ своего пьедестала, приняла образъ Беатрисы и стала выполнять всѣ ея обязанности. Монахини не замѣтили этой чудесной замѣны и только горько оплакивали исчезновеніе мраморнаго изображенія Мадонны, которую онѣ всѣ любили.

— Красиво, — задумчиво проговорила Марія. — А что же Беатриса?

— Беатриса послѣдовала за красавцемъ, который увлекъ ее земною страстью, и пала... Увы, пресыщенный любовью бывшей монахини, красавецъ оттолкнулъ ее и избралъ себѣ новую утѣху. Наслаждаясь въ продажныхъ объятіяхъ, онъ смѣялся надъ слезами и тоской Беатрисы.

— И она его не задушила? — сверкнули глаза Маріи.

— Нѣтъ. Развѣ это не было бы слишкомъ банально? Тогда Мадонна не вступилась бы въ судьбу Беатрисы! Беатриса катилась по наклонной плоскости. Она переходила изъ объятій въ объятія, пока не очутилась въ грязной тавернѣ, гдѣ, обнаженная, плясала передъ пьяными матросами. Внутренній огонь сжигалъ ее. Окончательно униженная, разочарованная, почти умирающая, приползла она

къ воротамъ обители, которую беспощадно покинула. Только теперь оцѣнила она прелесть тишины, чистоты душевной, святой молитвы. Кроткая Мадонна снова вернулась на свой пьедесталь. Монахини ликовали, воспѣвая ей чудесное возвращеніе. А Беатриса проливала слезы раскаянія и умиленія у мраморнаго пьедестала.

— Хорошо... — задумчиво проговорила Марія. — Красиво.

— Представляешь ли ты себѣ этотъ образъ? Сначала чистое, святое сердце, не тронутое жизнью, экзальтированное, отдавшееся молитвѣ. Потомъ порывъ страсти, съ которымъ нѣтъ силъ бороться. Идеалы разбиты и прахомъ летятъ въ пропасть! Беатриса наслаждается преступной страстью. Это уже новая Беатриса! Увы! И это разбито. Жгучая ревность! Какъ болить ей сердце! Какъ она унижена. Мечтая отомстить жизни, она мститъ самой себѣ. Мы видимъ ее вакханкой. Сколько огня въ ея пляскѣ. Она забывается мгновеніями, но рана ея сердца глубока. Она борется и не хочетъ признать себя побѣжденной. Чѣмъ сильнѣе она унижается, тѣмъ легче на душѣ. Переломъ... Она сознала всю тщетность и преступность своего паденія. Только бы умереть, обливаясь слезами у изваянія Мадонны, которую она такъ оскорбила. Прощеніе, святое прощеніе! Вдохновляетъ ли тебя этотъ образъ, Марія?

— Эмиль! Образъ Беатрисы проходитъ передъ моими глазами. Я вся дрожу отъ вдохновенія и восторга. О, Эмиль, заканчивай скорѣе оперу! Этотъ образъ будетъ моей славой... и твоей. Нашей славой!

Хозяйка приноситъ вазу съ фруктами.

— Это потомъ, — нервно говоритъ Марія. — А сейчасъ проведите насъ въ комнату, гдѣ рояль. Эмиль, я хочу... Ты долженъ мнѣ проиграть то, что уже создано тобой.

Взволнованный, смѣясь съ восторгомъ соглашается.

— Пойдемъ, Марія...

Эмиль у рояля.

Восхищенная хозяйка успѣла сообщить всѣмъ своимъ

посѣтителѣмъ и слугамъ, что знаменитый Руже исполнить новыя, созданныя имъ мелодіи, никому еще неизвѣстныя.

О, французы такъ любятъ свое родное, такъ берегутъ свои таланты, такъ благоговѣютъ передъ ними! Какое счастье таланту родиться во Франціи!

Подъ окномъ угловой комнаты собрались и посѣтели, и слуги. Толпа слушателей все разрасталась... Собрались изъ другихъ отелей, изъ маленькихъ домиковъ, сбѣгались проходившіе и проѣзжавшіе по улицѣ.

Какъ блѣдно лицо Эмиля Руже, и какъ горятъ его глаза! Холеные, длинныя пальцы, трепетно вздрагивая, лежать на клавишахъ рояля.

— Какъ тиха жизнь въ обители, святая жизнь, напоенная святой молитвой... — тихо произносить онъ.

Волшебные звуки льются. Торжественно играетъ органъ; чистые, молодые голоса несутся къ небу. Умолкла пѣснь... и такъ тихо. Слышенъ легкій шелестъ вѣтра, отчетливо раздается мелодичное чириканье птишекъ. Подъ лаской вѣтерка перешептываются цвѣты.

— Эмиль, я готова плакать отъ восторга!

— А тутъ, — тихо продолжаетъ Эмиль Руже, — въ невинномъ сердцѣ загорается первая страсть. Искра брошена. Яркое пламя разрастается и сжигаетъ свѣтлые идеалы. Все пошатнулось.

Мелодія длится — тоскливая, предостерегающая. Рѣзкимъ порывомъ земная страсть врывается въ святой уголокъ. Беатриса не будетъ сопротивляться, не можетъ, не хочетъ. Она идетъ за нимъ, за тѣмъ, кто такъ дерзко сорвалъ первый поцѣлуй съ доселѣ невинныхъ устъ. Ураганъ страсти уноситъ Беатрису. И опять тишина, — скорбная, облитая слезами сожалѣнія.

Чу! Раздается небесный голосъ. Это Она, всепрощающая...

Мраморъ ожилъ и Мадонна медленно сходитъ съ пьедестала. Она замѣняетъ временно Беатрису. Трагедія души Беатрисы останется между нею и святой Мадонной. О великомъ грѣхѣ, потомъ смытомъ искупленіемъ, на землѣ никто не узнаетъ...

— Это первый актъ, — произноситъ однѣми губами Эмиль.

Марія порывисто цѣлуетъ его руки.

— Эмиль!

Его глаза встрѣчаются съ ея молящимъ взоромъ, и его пальцы снова опускаются на клавиши.

XXXVII. ЖРЕБІЙ БРОШЕНЪ

— Второй актъ еще не совсѣмъ законченъ, — говоритъ Эмиль Руже, пробѣгая пальцами по клавишамъ. — Но отдѣльные моменты вылились. Сейчасъ я рисую тебѣ очаровательный уголокъ, гдѣ Беатриса наслаждалась своей первой страстью и гдѣ вкусила первыя страданія. Сквозь бѣлыя колонны виднѣется сверкающее синевой на солнцѣ море. По золоченому трельяжу вьются душистыя, бархатныя розы. Алыя, какъ кровь, онѣ рельефно выдѣляются на бѣломъ мраморѣ. Вдали мы видимъ Беатрису. Ея тонкій профиль, вся ея стройная фигура божественными линиями вырисовываются на фонѣ небесной лазури.

Пока еще она вся въ туманѣ своей страсти, она не замѣчаетъ пропасти, надъ которой стоитъ. Заглушенная страстью, звучитъ ея пѣсня.

— Красота! — восхищается Марія.

— Богиня моя, не попробуешь ли ты, хоть вполголоса, пройти эту арію. Тутъ все время звучитъ мелодія.

— Я боялась тебѣ это предложить, Эмиль. Твое вдохновеніе захватило меня, и я съ наслажденіемъ пытаюсь спѣть хотя часть божественной мелодіи.

Она вступила, сначала неувѣренно и робко, потомъ осваивалась все больше и больше, и ея чудный голосъ разрастался, все наполняя могучими звуками страсти и наслаждения. Прозвучала послѣдняя нота. Аккордъ оборвался.

— Марія, Марія! Это наша слава. Повтори еще разъ эти строфы.

И она повторяла еще разъ, и другой, и все увѣреннѣе, мощнѣе звучалъ ея голосъ.

— Я люблю тебя, — сказалъ онъ вдохновенно. — Ни одну женщину въ мірѣ я не могъ бы полюбить такъ, какъ тебя. Благословенна встрѣча съ тобой, она зажгла пламенемъ не только мое сердце и мою кровь, но и мое вдохновеніе. Первая проба, кажется, будетъ блестящей, и, въ дружной работѣ, освѣщенной божественнымъ огнемъ, сольются наши жизни. Скорѣе бы сбросить всѣ условности, скорѣе бы назвать тебя женой!

Объ руку они снова вышли на открытую веранду. Тамъ тайные слушатели устроили имъ неожиданную овацію.

— Въ Gorge du Loup сегодня праздникъ! — кричала хозяйка, шумно хлопая въ ладоши.

Лучшіе фрукты, ароматный кофе, ликеры, шампанское... все это мгновенно появилось на столикѣ.

Какъ голубки, ворковали Эмиль и Марія, восхищенные, очарованные другъ другомъ.

— Однако, солнце клонится къ западу и слѣдуетъ возвращаться домой.

Эмиль потребовалъ счетъ.

— Счетъ? — всплеснула руками хозяйка. — Нѣтъ, monsieur Эмиль, не оскорбляйте меня. Я счастлива, я горжусь, что могла васъ принять и угостить въ своемъ домѣ.

— Теперь скорѣе домой, — прошептала Марія, откидываясь на спинку автомобиля.

Съ быстротою молніи мчался автомобиль; какъ въ панорамѣ мелькали виды. Вотъ уже не слышно журчанья горныхъ рѣкъ, и въ открытыя окна врывается ароматъ цвѣтовъ. Вотъ они подъѣзжаютъ къ страусовой фермѣ. А вотъ Ницца...

— Теперь ужъ близко... — шепчетъ Марія и головка ея склоняется къ плечу Эмиля.

Онъ нѣжно прижимаетъ ее къ груди, а она говоритъ трепетно вздрагивающимъ голосомъ:

— Я не знала, что ты такой большой человекъ. Только сегодня я тебя оцѣнила. До сихъ поръ я тобой восхищалась, какъ мужчиной, утонченнымъ рыцаремъ, умѣющимъ любить. Теперь я преклоняюсь передъ тобой.

— Не смотри такъ, Марія. Когда я вижу этотъ

взоръ, я теряю рассудокъ. Или ты хочешь, чтобы я задушилъ тебя въ своихъ объятыхъ?

— Я этого хочу!

Наконецъ они дома, въ полномъ уединеніи: ни одинъ нескромный взоръ не нарушитъ ихъ счастья.

— .. твоя возлюбленная, я твоя раба, — шепчетъ Марія, обнимая его колѣни.

Онъ склоняется къ ней, нѣсколько мгновеній онъ смотритъ на нее влюбленными сіяющими глазами.

— Ты у моихъ ногъ, Марія? Ты! — растерянно шепчетъ онъ и вдругъ порывисто поднимаетъ ее и прижимаетъ къ своей груди.

Любовь, любовь! Какъ быстро ты уносишь мгновенья жизни!

— Если придется мнѣ погибнуть изъ-за тебя, Марія, то въ послѣдній мигъ я вспомню пережитое сейчасъ блаженство и примирюсь, со всѣмъ примирюсь.

Лукавая, но гибкая, какъ змѣя, она обвивается вокругъ его шеи.

— Но сегодня ты создашь еще одну мелодію... Да?

Въ его глазахъ — вдохновеніе.

— Да, Марія. До сна ли теперь? Подъ покровомъ волшебной ночи я попытаюсь работать.

Она провожаетъ его до дверей и онъ цѣлуетъ ея руки безъ конца.

Онъ ушелъ. Марія медленно подходитъ къ открытому окну и смотритъ въ садъ. Передъ ея окномъ разстилаются пряды цвѣтовъ. Сладкимъ ароматомъ наполняютъ они ея дыханіе. Волшебная ночь. Тайственный свѣтъ луны озаряетъ фантастичныя счертанія растений, и шопотъ, таинственный и нѣжный, несетъ изъ глубины сада.

— Я люблю Эмиля... — тихо говоритъ Марія.

Въ это мгновеніе она всѣмъ своимъ существомъ ощущаетъ эту любовь, и она вѣритъ собственнымъ словамъ.

Вдругъ вспоминаетъ она о Корниловѣ, и неприятная дрожь пробѣгаетъ по ея тѣлу. Это надо забыть.

— Никто никогда не узнаетъ, — шепчетъ она, — и Эмиль не узнаетъ.

Вся полная нѣги, томленія, она отходитъ отъ окна, сбрасываетъ свои легкія одежды и на мягкой постели погружается въ объятія сна.

И въ этомъ сладкомъ снѣ ея губы нѣжно улыбаются... Какъ будто ждутъ онѣ новаго поцѣлуя. Развѣ черезъ часъ-другой, охваченный безумной любовью, Эмиль не склонится надъ ея изголовьемъ? И губы ея улыбаются, словно ждутъ поцѣлуя.

Эмиль Руже у рояля. Надъ клавишами горитъ лампа, весь остальной залъ погруженъ во мракъ.

Пальцы скользятъ по клавишамъ... но вдохновенія нѣтъ, нѣтъ мелодіи. Словно огонь страсти испепелилъ вдохновение.

Нѣсколько неудачныхъ попытокъ... и съ шумомъ захлопнулась крышка. Эмиль отходитъ отъ рояля.

Погасла лампочка. Въ большія окна мягко вливается лунный свѣтъ.

Эмиль машинально открываетъ зеркальную дверь и спускается въ садъ. Въ этотъ садъ, напоенный ароматомъ цвѣтовъ и таинственнымъ шопотомъ.

Эмиль все углубляется въ аллею, навстрѣчу этому шопоту. Увы, шопотъ словно смѣется надъ нимъ, удаляясь при его приближеніи. И, чѣмъ быстрее его шаги, тѣмъ поспѣшнѣе удаляется шопотъ.

Утомленный, обезсиленный, онъ опустился на скамью и закрылъ лицо руками.

Да, сегодня большой день въ его жизни. Переломъ... Жребій брошенъ.

Къ прошлому нѣтъ возврата, и печальными тѣнями оно кружится въ его воспоминаніяхъ. Образы, несмотря ни на что — дорогіе и близкіе сердцу, такъ ярко встаютъ передъ нимъ.

Жена! Милая Марго, посвятившая ему всю свою жизнь. Она шла подъ вѣнецъ цвѣтушая, какъ весна, улыбающаяся, полная надеждъ на счастье! Оба юные, влюбленные, какъ много минуть блаженства они пережили!

А потомъ... Его мятежная душа искала новыхъ ощущений, глаза восхищались другой красотой, иные поцѣлуи

и ласки зажигали его кровь. Но въ сердцѣ царила только она, его жена, его милая Марго. Къ ней онъ возвращался умиленный ея чистотой, ея гордой стойкостью, ея вѣчной любовью.

Знала ли она о его измѣнахъ? Никогда ни единого слова не проронила она. И его возвращеніе каждый разъ привѣтствовала искренней радостью. Можетъ быть, эту вѣчную силу давало ей сознаніе, что она навсегда сохранитъ своего легкомысленнаго мужа? Только Марго была его гордостью. Только съ нею объ руку появлялся онъ въ обществѣ... И какъ часто ему завидовали!

— Какая у васъ прекрасная жена!

И ему казалось, что всѣ его увлеченія мимолетны и не могутъ оскорбить ея любовь.

А потомъ, когда онъ, наконецъ, утомонится, ихъ ждетъ на склонѣ лѣтъ прекрасная семейная жизнь въ кругу дѣтей и внуковъ. И милая Марго будетъ привѣтствовать лавровый вѣнецъ славы на его сѣдой головѣ.

Дѣти... красивыя, рослыя, талантливыя, трудящіяся... О, каждый отецъ долженъ былъ бы гордиться этими дѣтьми! И только теперь, отрекаясь отъ нихъ, Эмиль чувствуетъ, какъ сильно онъ ихъ любить.

Да, онъ отрекается... Жребій брошенъ.

Какъ перенесетъ открытый разрывъ Марго?

Онъ вздрогнулъ. Придется завтра же написать ей. Лучше было бы избѣжать личнаго свиданія.

И долго, до самаго разсвѣта, просидѣлъ онъ на скамьѣ, охваченный думами и сомнѣніями.

Первые лучи солнца вернули его къ дѣйствительности: онъ поднялся и побрелъ къ дому, сотнувшись, какъ будто постарѣлъ на цѣлые десятки лѣтъ.

Напрасно ждала раскрытая дверь спальни Маріи, напрасно ждали ея уста поцѣлуя.

Эмиль Руже вернулся въ свою комнату. Голова его, тяжелая, словно налитая свинцомъ, опустилась на подушки. Кошмарный сонъ сковалъ его вѣки.

Жребій брошенъ! Онъ не отступитъ.

Въ своей личной спальнѣ отдыхаетъ Раиса.

Сумерки сгущаются. Время близится къ семи.

Скорѣе бы отправился ея мужъ въ театръ! Въ открытую дверь Раиса видитъ только ноги Бориса Сергѣевича, небрежно расположившагося на диванѣ.

Ровно въ семь часовъ она должна выйти изъ дому. Вчера она бродила по набережной противъ своего отеля съ семи до девяти. Тщетно. Тотъ, кого она ждала, не пришелъ.

Куда же онъ скрылся, Эдвардъ? Неужели все еще празднуетъ радость встрѣчи со своей воспитательницей?

Неужели и сегодня ея ожиданіе будетъ такъ же бесплодно? Все равно, каждый вечеръ, отъ семи до девяти, она будетъ бродить по набережной и будетъ ждать.

Краска стыда покрываетъ ея щеки. Думала ли она въ своей былой гордости, что когда-нибудь такъ унижится? Бродить, какъ тѣнь, вздыхаетъ, томится, ждетъ. А тотъ, къ кому стремится ея сердце, можетъ быть, и не думаетъ о ней.

Неужели все назначеніе ея жизни въ томъ, чтобы вѣчно гнаться за призраками? Напрягать всѣ усилія, преодолевать преграды, — снова стоять передъ новыми призраками. Эта вѣчная погоня уже утомила ее.

Когда она рѣшила избрать Корнилова, ей казалось, что этотъ бракъ устроить ея жизнь. И что же? Никакого удовлетворенія. Ничтожна душа ея мужа, тяжелы брачныя цѣпи.

И вотъ, въ минуту жестокаго оскорбленія, казалось, сама судьба ей посылаетъ утѣшеніе.

Только теперь она поняла, что и ея сердце способно горячо, страстно, безавѣтно любить. Эдвардъ!... Красота, элегантность, порода, рыцарство, — все въ немъ сочеталось.

Его тонкій умъ и его познанія порой ее пугаютъ. Тотъ неизвѣстный міръ, о которомъ онъ говоритъ красивыми намеками, тотъ міръ, что даритъ его покоемъ, сча-

ствомъ и величіемъ, манить Раису. Она вѣритъ, что только тамъ, съ нимъ, найдетъ она свою цѣль.

И никакихъ „но“, никакой прозы! Любовь чистая, прекрасная, облагороженная, утонченная. Не надо думать о завтрашнемъ днѣ, о прозѣ человѣческаго существованія. Эдвардъ носить знаменитое имя лорда Дутлей; онъ богатъ. Онъ даже самъ не помнить, сколько у него домовъ, имѣній, замковъ. Онъ тратитъ золото безъ счета и, кажется, нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы въ банкахъ не лежали крупные вклады, доставшіеся ему по наслѣдству.

Всю жизнь утопать въ лучахъ его гордой любви, знать, что страсть, которую онъ ей даритъ, принадлежитъ ей одной. Уважать любимого, восхищаться его взглядами, его поступками, его рыцарствомъ. Развѣ не это блаженство, развѣ не цѣль, къ которой безсознательно стремилась ея душа?! Стоять наверху и съ высоты, съ добрымъ желаніемъ помочь, смотрѣть на тысячную толпу, борющуюся и погибающую во тьмѣ. Съ высоты съ доброй улыбкой протягивать руку помощи.. Видѣть благодарность, ощущать восторгъ. Быть кумиромъ, которому поклоняется боготворящая толпа. Ея избранникъ вознесетъ ее такъ высоко, что даже зависти не будетъ мѣста.

Въ толпѣ этихъ жалкихъ людей она увидитъ изнемогающаго Корнилова и съ улыбкой презрительнаго сожалѣнія броситъ ему свою помощь. Онъ жадно и раболопно склонится передъ нею и будетъ молить о прощеніи. Развѣ онъ своей грубой, дерзкой рукой не осмѣливался наносить ей тяжкія оскорбленія?

О, только бы скорѣе увидѣть Эдварда! Захватить его своимъ чувствомъ. Ей больно и страшно. Ей кажется, что Эдвардъ ускользаетъ. О, только бы увидѣть его сегодня!...

Часы бьютъ семь. Раиса вскакиваетъ, лихорадочная, взволнованная. Въ открытую дверь она видитъ ноги супрута, небрежно раскинушагося на диванѣ.

— Вставай же, Боба, — быстро входитъ она. — Развѣ ты забылъ, что сегодня участвуешь въ „Ритолетто“?

Онъ открываетъ глаза, зѣваетъ, потягивается.

— Да, чортъ возьми, сегодня первый выходъ Тарновской. Наши русскіе пѣвцы и пѣвицы наводнили Монте-Карло. Тарновская не придется по вкусу Мальцевой. Интересно знать, понравится ли новая Джильда нашей публикѣ?

Корниловъ, все еще потягиваясь, медленно поднимается съ дивана.

— Не люблю спать передъ спектаклемъ. Рѣшилъ почитать газеты и поваляться, а вотъ вздремнулъ.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Пять минутъ восьмого. Ты хорошо сдѣлала, что разбудила меня, Рая. Костюмы мои уже въ театрѣ.

Онъ взялся за шляпу.

— А ты, Рая, развѣ не интересуешься новой дебютанткой? Развѣ ты сегодня не придеешь въ театрѣ?

— По всей вѣроятности, приду. Мнѣ надо еще переодѣться. Потомъ пройдуся; я сегодня весь день просидѣла въ комнатахъ.

— Ну, мнѣ съ тобой некогда разговаривать. Надо бѣжать!

Онъ ее фамиллярно пѣхлопалъ по плечу и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Раиса вздрогнула и невольно схватилась за плечо. Краска негодованія обожгла ея щеки. Какъ смѣетъ онъ такъ съ ней обращаться!? Какъ грубо прикоснулась рука этого жалкаго ничтожества къ ней, избранницѣ лорда Дуглей!

Четверть восьмого, а она еще медлитъ!

Раиса набросила на плечи легкое манто и черное испанское кружево на голову.

Когда она вышла изъ дверей отеля, сумерки уже почти спустились. И Казино — огненный драконъ — сверкаетъ передъ нею множествомъ огней. Повсюду огни. Зажглись фонари уличные и фонари экипажей, засвѣтились электрическія лампы въ окнахъ, яркимъ фонаремъ поднялась луна въ небесной высотѣ.

Теплый и вмѣстѣ свѣжій воздухъ былъ напоенъ ароматомъ растений, откуда-то доносились томящіеся и сладостные звуки струннаго оркестра.

Раиса торопливо повернула на набережную. Осмотрѣлась во всѣ стороны. Немало снуетъ прохожихъ по тротуарамъ! Между пальмами и цвѣтами мелькають тѣни. Но увь, знакомой тѣни нѣтъ.

Какъ маятникъ снуетъ Раиса по набережной мимо грандіознаго отеля. Теперь она уже не думаетъ ни о будущемъ, ни о прошломъ. Всѣ ея мысли и нервы напряжены ожиданіемъ. Ея глаза зорко останавливаются на каждомъ проходящемъ, стараются заглянуть вдаль и провѣряютъ стрѣлку часовъ. Чѣмъ ближе эта стрѣлка къ восьми, тѣмъ сильнѣе разгорается ея волненіе. Восемь! За вѣтный часъ. А Эдварда все нѣтъ и нѣтъ.

Вдругъ ея вниманіе привлекъ плескъ воды. Она быстро повернулась къ морю. Изящное очертаніе яхты, освѣщенной голубыми фонариками, показалось ей знакомымъ.

Неужели? Она остановилась, прижимая руки къ груди.

Яхта причалила. Раздался какой-то странный звукъ, словно охотничій рожокъ.

Раиса замерла въ ожиданіи. Ея напряженный взоръ не отрывался отъ пристани.

— Ахъ!

Тихое восклицаніе вмѣстѣ со вздохомъ сорвалось съ ея устъ. Это онъ, это онъ!

Она узнала его тонкую, стройную фигуру. Спокойно, легкими шагами идетъ онъ къ ней! И она спѣшитъ ему навстрѣчу, пересѣкая улицу.

— Лордъ Дуглей! — задыхаясь, тихо произноситъ она.

— Добрый вечеръ, милое дитя. Я опоздалъ на цѣлыхъ пять минутъ. Это непростительно. Не правда ли?

Добродушно, мягко звучитъ его голосъ. Теплая рука пожимаетъ ея руку, свѣтлые глаза ласкають.

— Я ждала васъ и вчера... Я здѣсь бродила съ семи до девяти, — признается она.

— Напрасно. Если бы вы пришли безъ пяти восьми и ушли въ пять минутъ девятаго, было бы совершенно достаточно. Сегодня я опоздалъ на цѣлыхъ пять минутъ.

Но и этого почти не случается. Я немного задержался сегодня въ морѣ, близъ Ниццы.

Въ его голосѣ смущеніе. Или это ей показалось?

— Вы предпочитаете прогуливаться здѣсь на набережной, или мы посидимъ гдѣ-нибудь?

— Я бы предложила вамъ пройти въ мои комнаты... но мнѣ хотѣлось бы избѣжать излишнихъ и неприятныхъ толковъ.

— Развѣ... есть что-нибудь дурное въ нашихъ встрѣчахъ?

Она порывисто возражаетъ:

— О, нѣтъ! Въ нашихъ встрѣчахъ такъ много хорошаго, свѣтлаго, интимнаго, что не хотѣлось бы ихъ отдавать на несправедный судъ толпы.

— Я твердо смотрю въ будущее и никогда не боюсь мнѣнія толпы. Я самъ сознаю правду своего сердца, я ничего не долженъ бояться. Если бы я смѣлъ давать вамъ совѣты, я сказалъ бы:

„Всегда гордо и прямо идите впередъ, не бойтесь своихъ поступковъ, не отрекайтесь отъ своихъ словъ“.

— Я такъ скоро проникаюсь вашими совѣтами, — съ нѣжной улыбкой сказала она, — что приглашаю васъ пройти ко мнѣ. Приглашаю васъ на чашку вечерняго чая.

Лучистыми, сіяющими счастьемъ глазами она заглянула ему въ глаза.

— Вы принимаете мое приглашеніе?

Онъ улыбнулся ей такъ, какъ взрослый улыбается ребенку.

— Принимаю.

И озабоченно онъ спросилъ:

— А вашъ супругъ?

Она нахмурилась.

— Корниловъ? Онъ сегодня занятъ. Поетъ въ „Риго-летто“.

— Какъ сухо вы говорите о немъ.

— Онъ лучшаго не заслуживаетъ. Я рада, что онъ сегодня занятъ и не помѣшаетъ нашей бесѣдѣ.

Она вздрогнула.

— Я не знаю, о чемъ я буду говорить съ вами, но я чувствую, что такъ много мнѣ нужно сказать вамъ! Встрѣча съ вами перевернула всѣ жалкія основы, которыми держалась моя жизнь. И столько новыхъ мыслей, ощущеній, желаній. Я такъ бы хотѣла подѣлиться съ вами. Можеть быть, я опять стою на ложномъ пути.

— Вы мнѣ все, все расскажете. Конечно, я сумѣю вамъ дать совѣтъ. Я опытиѣ васъ. Иногда, когда я о васъ думаю, вы мнѣ кажетесь безпомощнымъ, милымъ ребенкомъ.

Такъ бесѣдуя, они незамѣтно подошли къ отелю.

— Лордъ Дуглей, прошу васъ.

Какъ хорошо на балконѣ въ эту чудную южную ночь! Огни погашены, но луна свѣтитъ такъ ярко, и отблескъ фонарей падаетъ на лица. Ароматная тишина прорѣзается доносящимися издали тягучими и нѣжными звуками музыки.

— Какъ прекрасна эта ночь!...

Раиса прислушивается къ собственному голосу, и онъ кажется ей какимъ-то новымъ, въ немъ звучать струны, какихъ она еще никогда не слышала.

— Да, если бы вѣчно такая ночь... вѣчно такое настроеніе, тогда можно было бы назвать жизнь счастливой. Увы, такія мгновенія быстро проходятъ и уступаютъ мѣсто тяжелымъ, долгимъ днямъ.

Улыбка горькой ироніи промелькнула по губамъ лорда Дуглей. Такъ онъ еще ни разу не улыбался.

— Люди, — сказалъ онъ печально, — вѣроятно, такъ уже созданы, что они стремятся къ тому, чего у нихъ нѣтъ. Тѣ, которыхъ сломала буря, тѣ жаждутъ покоя.

Онъ договорилъ чуть слышно:

— Увы, я думалъ до сихъ поръ, что тѣ, которые нашли покой, будутъ наслаждаться имъ вѣчно. Кажется, я ошибся.

Тонкими, длинными пальцами провелъ онъ по блѣдному лбу, какъ будто хотѣлъ отогнать докучливыя мысли.

— Дѣло не во мнѣ, не въ моей философіи. Для этого у меня слишкомъ много времени, когда я на моей яхтѣ. Поговоримъ о васъ, милое дитя.

Съ нѣжнымъ, почти отеческимъ участіемъ онъ коснулся ея руки.

— Вы мнѣ сказали, что встрѣча со мной перевернула всѣ основы вашего прошлаго. И вы хотѣли бы подѣлиться со мной новыми мыслями, новыми ощущеніями и желаніями. Вы боитесь, что снова станете на ложный путь. Видите, какъ я запомнилъ каждое ваше слово, и вы не должны сомнѣваться въ моемъ глубокомъ участіи, милое дитя.

Да, когда она встрѣтилась съ нимъ сегодня послѣ томительной разлуки, ей казалось, что она откроетъ ему всю свою душу. Но теперь смущеніе сковывало ее.

— Что жъ вы молчите? — еще мягче, еще нѣжнѣе спросилъ онъ.

— Не знаю... Такъ много было мыслей, такъ много нужно было вамъ сказать, а теперь я не могу... не знаю.

— Вы какъ будто меня боитесь, — улыбнулся онъ.

Ея глаза были опущены.

— Напрасно, — усмѣхнулся онъ, какъ бы смѣясь надъ самимъ собой. — Я такой же человѣкъ, самый обыкновенный. Условія жизни моей таковы, что я могъ бы сдѣлаться благороднѣйшимъ, но...

Онъ только махнулъ рукой и не окончилъ своей мысли.

Она смотрѣла на него изумленными, широко открытыми глазами.

— Не узнаю васъ сегодня. До сихъ поръ каждое ваше слово звучало ясно, увѣренно, дышало спокойствіемъ. Откуда эти тревожныя, растерянныя нотки? Или я такъ запуталась въ своихъ настроеніяхъ, что мнѣ это только кажется?

Онъ отвѣтилъ ей шутливымъ вопросомъ:

— Развѣ мы встрѣтились сегодня, чтобы говорить обо мнѣ? Я васъ понимаю. Человѣческое сердце это самый утонченный, самый капризный инструментъ. Сегодня

нѣтъ настроенія, такъ отложимъ нашу интимную бесѣду до другого вечера. Завтра или послѣзавтра...

— Да, конечно, — прошептала она. — Въ жизни такъ много безцѣльныхъ часовъ и дней, что ихъ не жаль.

Милая, чарующая улыбка промелькнула по ея свѣжимъ устамъ.

— А я думала, что вы меня совсѣмъ, совсѣмъ забыли.

— Я не такъ легко иду на встрѣчу. Я вглядываюсь. Когда я убѣжденъ, что мною понято сердце, я приближаюсь къ нему. Иногда порывисто, внезапно. Но разъ я приблизился, я не отхожу. Итакъ, завтра или послѣзавтра мы увидимся въ это же время.

Онъ что-то вынулъ изъ кармана, приложилъ къ губамъ, и раздался звукъ, похожій на звукъ охотничьяго рожка.

— Что это значить?

— Предупреждаю моего матроса, что скоро вернусь на яхту.

— Развѣ вы уже уходите?

Глубокое разочарованіе звучало въ ея голосяхъ.

— Вѣдь, ненадолго, можетъ быть, даже до завтра.

Ей хотѣлось крикнуть:

— О, останься, я люблю тебя!

Но языкъ не повиновался, невольный страхъ сковывалъ уста. Рука ея, которую онъ только что пожалъ, прощаясь, повисла, какъ плеть.

Какъ будто Раиса не замѣчала, что онъ уходитъ. Она ни разу не повернулась, не вздрогнула, когда хлопнула дверь. Ея глаза пристально смотрѣли въ одну точку, гдѣ виднѣлся силуэтъ яхты. Вотъ еще разъ раздался звукъ рожка. Яхта заколебалась. Мелькнули тѣни. Яхта медленно оторвалась отъ берега и плавно заскользила по спокойному морю.

Напряженный взглядъ Раисы слѣдовалъ за яхтой. Вотъ она уже въ глубинѣ моря, и озаренный луной, возвышается силуэтъ лорда Дутлей.

Кончено. Яхта скрылась.

Снова чиста линия горизонта, какъ будто изящная голубая яхта была лишь мимолетнымъ видѣніемъ.

Теперь только шевельнулась и вздрогнула Раиса, теперь только она почувствовала свое жалкое одиночество. Какъ ждала она этой встрѣчи, сколько надеждъ было на это свиданіе! Только бы скорѣе увидѣть Эдварда, захватить его своимъ чувствомъ!

Такъ думала она. А теперь... теперь его уже нѣтъ. Она припоминаетъ каждую его фразу. Ея сегодняшнее свиданіе кажется пустымъ и бессодержательнымъ...

Глупая робость! Что за бессмысленный страхъ? Развѣ не призывалъ онъ ее къ откровенности нѣжными словами и легкимъ, ласковымъ прикосновеніемъ?

Можетъ быть, и онъ съ трепетнымъ волненіемъ ждалъ ея перваго слова, не хотѣлъ быть навязчивымъ? Да, безусловно такъ. Вѣдь, когда она съ нимъ встрѣтилась, онъ былъ другимъ... Сегодня въ немъ что-то новое, чуть замѣтное, почти неувловимое.

Можетъ быть, эта перемѣна создана чувствомъ?

Трепетная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Чувство! Вѣдь это чувство можетъ быть только къ ней! О, какъ глупо, что она молчала! Но вѣдь свиданіе отложено только до завтра! И она уже не будетъ молчать. Зачѣмъ тревожить его и себя? Если она проведетъ до новой встрѣчи тяжелые часы сомнѣній, то кто знаетъ, не обрекаетъ ли она и его на сомнѣнія?

Рѣшимость окрѣпла. Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ она не оттолкнетъ своего счастья.

Раиса быстро поднялась. Чтобы не навлекать новыхъ подозрѣній, надо сейчасъ же пойти въ театръ и прослушать ненужное ей „Риголетто“.

XXXIX. СЪ САМИМЪ СОВОЙ

Яхта медленно оторвалась отъ берега и плавно заскользила по спокойному морю. Опытная рука матроса управляла ею, какъ игрушкой.

Лордъ Дуглей стоялъ на носу, неподвижный въ своей задумчивости. Залитый луннымъ сіяніемъ, ярко выдѣлялся его силуэтъ.

Все дальше берега. Вотъ они скрылись, и лордъ Эдвардъ въ своемъ любимомъ уединеніи. Преданный, молчаливый матросъ уединенія не нарушаетъ.

Море! Безбрежное, величавое. Ты всегда приносило душѣ лорда Эдварда мудрое успокоеніе. Словно вмѣстѣ съ берегами уходила обычная жизнь.

Плыли мысли одна за другой, — красивыя, свѣтлыя, огромныя, какъ облака, озаренныя солнцемъ. И мысли — облака переносили душу въ иной міръ, наполняли ее краткимъ величіемъ.

Лордъ Дуглей вооружался телескопомъ и наблюдать жизнь неба.

Часы пролетали, какъ мгновенія. Первые лучи солнца пробуждали его отъ чарующихъ грезъ. Грудь, высоко вздымаясь, наслаждалась утреннимъ воздухомъ, ровно и сильно билось сердце, кровь, зажженная новой энергіей, пробѣгала по жиламъ. На обычно-блѣдномъ лицѣ переливался нѣжный румянецъ, глаза сіяли.

Благоговѣйная молитва, какъ торжествующая пѣснь, неслась къ Творцу вселенной.

— Жизнь спокойная, величавая, какъ ты хороша!... — шептала онъ. — Безбрежна и глубока, какъ это море, согрѣтое лучами утренняго солнца!

И теперь онъ старался возстановить равновѣсіе въ душѣ, воскресить въ сердцѣ чарующее спокойствіе.

Увы! Тревожныя мысли ему не повиновались. Сердце безпокойно и неровно билось, прерывистое дыханіе колыхало грудь.

Берега скрылись, но не унесли обычной жизни. Величавое море, глубокое и безбрежное, казалось чужимъ и олимпійскимъ спокойствіемъ скорѣе раздражало, чѣмъ баюкало.

Съ досадою онъ перешелъ въ каюту.

Внутри каюта была обита тишеною мягкой кожей.

Кушетка, два кресла, шкафчикъ и столъ — вотъ вся ея мебель.

Въ другой каютѣ, въ обиталищѣ матроса, былъ устроенъ буфетъ, комнатный ледникъ и хранилась провизія.

Лордъ Дуглей расположился на кушеткѣ и поднялъ окно. Во всемъ своемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ вялость, но спать ему не хотѣлось.

Уйти отъ самого себя!... Не всматриваться въ „новое“, вдругъ пробудившееся въ каждомъ атомѣ его существа!... Если бъ это было возможно!

Въ странномъ томленіи закрылъ онъ глаза, подставляя разгоряченное лицо дуновенію вѣтерка. Развѣ этотъ ароматный зефиръ могъ охладить его кровь?!

Послѣднее усиліе... и уже нѣтъ борьбы. Покоренный, онъ отдается новымъ презамъ!...

И ему кажется, что откуда-то издалека доносится женская пѣсня. Грудной голосъ, — бархатный и нѣжный — невинными словами говорить о красотѣ Божьяго міра, о прелести тишины и безмятежнаго счастья вдали отъ суеты людской.

Милыя слова, невинный лепетъ! Но почему въ самомъ звукѣ голоса, въ бархатныхъ нотахъ слышится робкій, трепетный, жадный призывъ?

Кого призывала она, эта красавица-дѣвушка, поразившая воображеніе лорда Дуглей, перевернувшая все его, какъ ему казалось, такое прочное существованіе?

Глаза его закрыты, но онъ ясно видитъ ее, эту Алису, освѣщенную серебристымъ мѣсяцемъ, неподвижную и прекрасную, какъ мраморное изваяніе. Только порывы вѣтра мгновеніями колеблютъ ея распущенные волосы, ея легкую бѣлую одежду.

Такъ любовался онъ ею издали, замирая. А потомъ... когда онъ видѣлъ ее такъ близко, спящую, вздыхавшую во снѣ глубоко и нѣжно?! О чемъ вздыхала она? Почему такъ трепетно вздымалась ея невинная, юная грудь?

И онъ, трепещущій, не зналъ — чѣмъ больше восхищаться: ея ли устами, гордыми и нѣжными? Или бѣло-мраморными, словно выточенными рукой гениальнаго вая-

теля, чертами? Или длинными пушистыми рѣсницами? Или высокимъ гордымъ челомъ? Или волнами пышныхъ волосъ? Или тонкими граціозными линіями дѣвичьего тѣла?

А потомъ... когда дрогнули ея вѣки и поднялись, какъ крылышки вдругъ вспорхнувшей бабочки? И когда глаза ея — огромные, освѣщенные внутреннимъ огнемъ, послѣ дремы — особенно свѣтлые и прозрачные — глянули ему въ душу?!

Она испугалась, какъ газель, вдругъ заслышавшая отдаленный звукъ охотничьяго рожка. Ея нѣжныя щеки покрылись густымъ румянцемъ. Смущенная, она оправляла одежду, подхватывала свои разсыпавшіеся чудесные волосы.

Какъ горѣла его рука, когда къ ней прикоснулись холодные, дрожащіе пальчики! Она такъ быстро ихъ отдернула, словно ихъ обжегъ онъ своимъ внутреннимъ огнемъ.

Не смѣяться ли? Эдвардъ Дуглей и „внутренній огонь“!

„Я нелюдимка и дикарка, — звучитъ ея мягкое чарующее контральто. — Мнѣ общество не нужно. Среди моихъ книгъ и природы я, право, живу отлично. Но... друзья моей Анны — мои друзья“.

Еще нѣсколько фразъ — и они простились. Но развѣ не унесъ онъ съ собой ея образъ?

— Что со мной? Развѣ не выросъ я вдали отъ суеты людской? Развѣ я не „забронированъ“? Развѣ и мнѣ доступны и страшны мелкія страсти?

Или это „искушеніе“?... Онъ долженъ побѣдить его, чтобы душа еще глубже погрузилась въ вѣчное, царственное, могучее спокойствіе. Испытаніе ли — эта встрѣча?

Онъ не находилъ отвѣта.

Посоветоваться съ Анной. Что она скажетъ? Вѣдь до сихъ поръ она читала въ его душѣ, какъ въ раскрытой книгѣ!

Стыдно! Ложный стыдъ его сковываетъ! Вспомнить все то, что говорилъ онъ ей прежде, гордый въ своей стойкости! И вдругъ теперь признаться въ неожиданной слабости, которую нѣтъ силъ побѣдить!

Нѣтъ силъ? Кто это сказалъ? Онъ самъ? Значить, онъ уже сознался самому себѣ въ бесплодности борьбы?

Онъ вскочилъ. Какой ужасъ!

Онъ старался стыдить себя, убѣждать и не могъ.

— Поверни къ берегамъ Ниццы, — вдругъ приказалъ онъ матросу.

Ему хотѣлось физической дѣятельности, которая отвлекла бы его отъ думъ.

— Отдохни, Симонъ. Пройди въ свою каюту. Я займу твое мѣсто.

Эти слова не удивили рослаго, сильнаго, добродушнаго матроса. Не въ первый разъ онъ ихъ слышалъ.

— Благодарю, лордъ.

Большіе свѣтлые глаза матроса съ обожаніемъ глянули на господина, и онъ удалился въ свою каюту.

Теперь лордъ Дуглей одинъ, совсѣмъ одинъ. Рука его смѣло направляетъ яхту къ берегамъ.

„Тѣ“ теперь живутъ полною жизнью. Онъ остановится вблизи виллы, погаситъ огни и... можетъ быть, ему улыбнется судьба, и онъ услышитъ чарующую пѣсню. Если только Алиса на берегу, онъ, вооружившись морскимъ биноклемъ, будетъ наслаждаться ея красотой.

Глупо, преступно, но онъ теперь уже не разсуждаетъ. Его влечетъ непобѣдимое желаніе.

Берега Ниццы! Туда, правѣе. Тамъ вила и берегъ Алисы.

Яхта остановилась въ отдаленіи. Морской бинокль въ рукахъ лорда Дуглей, онъ наводитъ его на виллу и берегъ Алисы.

Въ павильонѣ огни. Онѣ тамъ. Такъ ясно все видно, какъ на ладони.

Ахъ!

Возгласъ сорвался съ его устъ.

Она! Въ бѣлой легкой рубашкѣ Алиса, еле касаясь земли, спѣшитъ къ морю. Густая сѣтка покрываетъ ея волосы и спускается на лобъ до бровей.

Быстро-быстро минуетъ она песчаный берегъ и бросается въ морскія волны. Какъ сифида, плыветъ она,

обхватывая руками пѣнящуюся воду. Все дальше отплываетъ отъ берега.

Вотъ повернулась на спину. Плыветъ обратно, скрестивъ руки на груди, запрокинувъ голову. Какъ прекрасно ея лицо, озаренное серебристымъ сіяніемъ! Широко открытые, полные тоски глаза не отрываются отъ необъятнаго неба.

Лордъ Дуглей слѣдитъ за нею, затаивъ дыханіе.

XL. СВѢТЪ

Прекрасная Сильфида быстро плыветъ къ берегу. Вотъ ея рука коснулась первого камня. Вотъ быстро-быстро направляется она къ павильону. Скрылась за дверью, а Эдвардъ все еще смотритъ, не отрываясь, ей вслѣдъ.

Павильонъ какъ на ладони. Распахнулось окно и показался силуэтъ Анны.

Не проще ли протелефонировать ей? Вѣдь она ждетъ его — не дождется, своего дорогого друга. Онъ навѣститъ Анну, и случайно ему придется столкнуться съ Алисой.

Пока онъ колеблется, въ дверяхъ снова появляется Алиса. Она уже успѣла переодѣться; на ней бѣлая туника. Волосы распущены...

Вотъ маленькая горбунья. Съ ея помощью Алиса выноситъ арфу съ золотыми струнами.

Все ближе подвигаются онѣ къ морю. За каменной стѣной на площадкѣ располагается Алиса.

Ея губы шевелятся, она что-то говоритъ своей спутницѣ. Маленькая горбунья нехотя уходитъ.

Алиса въ уединеніи. Ей кажется, что ее никто не видитъ. Вѣдь не можетъ же она знать, что издали съ яхты въ морской бинокль за ней наблюдаютъ мужскіе жадные глаза.

Неужели онъ сейчасъ услышитъ волшебную пѣсню?

Обхвативъ арфу рукой и прильнувъ къ ней головкой,

она не отрываетъ глазъ отъ морской дали, отъ тихихъ волнъ, серебряныхъ подъ лаской мѣсяца.

Вотъ нечаянно опустилась рука и коснулась струнъ. Словно кто-то нѣжно простоналъ. Молодая дѣвушка вздрогнула и глаза ея устремились на золотившіяся струны. Нѣсколько унылыхъ аккордовъ жалобно простонали... и замерли.

Глаза снова пристально смотрятъ въ морскую даль, на серебящіяся волны, отражающія въ глубинѣ золото звѣздъ. Сколько тоски въ этихъ глазахъ. Жадный вопросъ — безъ отвѣта.

Вотъ она схватилась за голову, какъ будто собственные мысли ее страшили. Вотъ порывисто поднялась и блѣдными, мраморными руками тянется къ морю. Арфа упала, звенять струны...

Алиса опомнилась, испуганно озирается. Подняла арфу, опустилась на камень, вся съежилась. Глаза какъ-то странно заблестѣли. Слезинки на длинныхъ рѣсницахъ. Она ихъ не замѣчаетъ, а онѣ медленно катятся по лицу.

Лордъ Дуглей дрогнулъ. Безумный порывъ, безумная жажда сейчасъ утѣшить ее, успокоить. О чемъ эти слезы?

И вотъ мысль ядовитой стрѣлой пронзила его сердце. Что, если она безнадежно любитъ? Кто тотъ счастливецъ?

Надо съ нею увидѣться какъ можно скорѣе! По ея глазамъ, по самому звуку ея голоса онъ пойметъ, онъ все пойметъ. Или въ своемъ новомъ безуміи онъ разучился читать въ сердцахъ людей?

— Симонъ! — крикнулъ онъ весь во власти своего желанія.

Вѣрный матросъ передъ нимъ.

— Направь яхту къ берегу. Видишь, тамъ маленькая пристань?

Матросъ большими сѣрыми глазами съ удивленіемъ взглянулъ на господина. Этого еще никогда не бывало; голубая яхта еще никогда не причаливала къ чужой пристани. Онъ повиновался волѣ господина.

„Чего я такъ волнуюсь? — думалъ лордъ Дуглей. — Развѣ не сказала она мнѣ, что друзья Анны — ея друзья? Развѣ не разрѣшила посѣщать ея виллу?“

Такъ что жъ преступнаго въ его визитѣ?

Яхта плавно, медленно приближается къ пристани виллы Алисы.

Проводивъ лорда Дуглей послѣ его перваго визита, Анна застала Алису неподвижную, съ безпомощно повисшими вдоль тѣла руками. Лицо молодой дѣвушки пылало огнемъ.

— Что съ тобой, Алиса? Не простудилась-ли ты?

— О, нѣтъ! — быстро возразила молодая дѣвушка. — Развѣ можно простудиться въ такую чудесную теплую ночь?

Анна обняла молодую дѣвушку, стараясь заглянуть ей въ глаза. Увы, потемнѣвшій взоръ Алисы избѣгалъ взора Анны.

— Ты, можетъ быть, недовольна, что я пригласила своего друга? Нарушила твое обычное уединеніе?

— Что ты, Анна? — усмѣхнулась молодая дѣвушка. — Ты меня считаешь за дикарку съ необитаемыхъ острововъ.

— Можетъ быть, ты устала и хочешь отдохнуть?

— Нѣтъ, нѣтъ! — почти отстранила свою любимицу Алиса. — Развѣ ты забыла, что я сегодня жду гостью? Каждую минуту можетъ пріѣхать моя Héléne.

Алиса опустила въ кресло, закинувъ руки, глаза ея устремились въ раскрытое окно къ небу, усыянному звѣздами.

— Какое впечатлѣніе произвелъ на тебя мой другъ? — спросила Анна, осторожно наблюдая.

Она не могла видѣть лица Алисы, не замѣтила вдругъ проступившую на ея щекахъ краску.

— Кажется, онъ очень симпатичный, — съ дѣланнымъ спокойствіемъ отвѣтила Алиса. — Во всякомъ случаѣ, я довѣряю твоему мнѣнію.

— Это единственный человекъ въ мірѣ, за котораго я могу ручаться.

— А развѣ за меня ты не можешь ручаться?

— Дорогое дитя, не сердись, я прежде всего правдива. Я могу ручаться за твое прошлое и настоящее. Но будущее... хотѣлось-бы его оберечь. Въ тебѣ слишкомъ много темперамента, Алиса.

Послышался натянутый смѣхъ.

— Вотъ еще новость! Я считала тебя такимъ устойчивымъ человекомъ, Анна. А ты теперь начинаешь быстро мѣнять свои мнѣнія.

Анна какъ-будто не слышала упрека, она съ робкой улыбкой проговорила:

— Я бы очень хотѣла, чтобы ты подружилась съ Эдвардомъ. Онъ такой уравновѣшенный, въ немъ такъ много спокойствія. Правда, онъ молодъ, но далеко не мальчикъ, а искушенія жизни его еще не задѣли.

— Развѣ меня они задѣли?

Въ этомъ вопросѣ чуткое ухо Анны уловило скрытую тревогу.

— Думаю, что нѣтъ... Но ты и Эдвардъ... До сихъ поръ ты непроницаемой стѣной была отдѣлена отъ жизни. У тебя не было искушеній... Развѣ только твоя собственная фантазія. Эдвардъ — напротивъ. Нѣсколько мѣсяцевъ въ году онъ — среди жизни и ея искушеній. Можно только любоваться его стойкимъ, равнодушнымъ презрѣніемъ. Моего Эдварда никто не поколеблетъ, въ этомъ я увѣрена.

— Можетъ быть, кто-нибудь и поколебалъ, почему ты знаешь? Ты давно съ нимъ не видѣлась.

— Но еще недавно получила отъ него письмо. Нашъ определенный почтовый ящикъ — *poste restante* — въ Парижѣ. Каждому изъ насъ приходится нѣсколько разъ проѣзжать черезъ Парижъ. Такимъ образомъ наше письменное сообщеніе не прекращается.

— Ты такъ часто рассказывала мнѣ о своемъ Эдвардѣ, но я совсѣмъ иначе себя его представляла. По твоему въ этомъ человекѣ соединились всѣ достоинства.

— Всѣ, и мнѣ очень хотѣлось, чтобы ты съ нимъ познакомилась поближе. Душа у него тонкая, возвышенная, высоко-культурная и благородная.

— Кого это вы такъ расхваливаете? — послышался пріятный женскій голосъ.

Алиса бросилась на шею вошедшей.

— Hélène, вы запоздали!

— Вижу, дорогая Алиса, что вы безъ меня соскучились!

— Еще бы, вѣдь вы приносите струю жизни! — вырвалось невольно у Алисы.

И опять взгляды Анны, удивленный, внимательный, остановился на молодой дѣвушкѣ.

— Чѣмъ васъ угощать?

— Я сегодня поздно обѣдала и могла-бы выпить только чашечку кофе.

— Сю минуту, madame, — засуетилась Люцина.

Анна поставила на столъ корзину съ сочными, ароматными персиками.

Алиса нервно прогуливалась отъ окна къ окну, словно не находила себѣ мѣста.

— Что-же ты насъ покинула? — шутливо освѣдомилась Анна.

— Не то, — улыбнулась Алиса. — Я просто ожидаю, когда можно похитить Hélène. Я вѣдь сегодня почти не гуляла.

— Если позволите, возьму два персика, и къ вашимъ услугамъ, — поднялась Вецкая.

— Гуляйте, гуляйте, — добродушно махнула рукой Анна. — А я тутъ разберусь въ новыхъ книгахъ.

— Наконецъ-то! — полной грудью вздохнула Алиса, когда онѣ съ Вецкой очутились въ саду.

— Чувствую, что вы хотите со мной чѣмъ-то подѣлиться! — улыбнулась Вецкая.

Серебристая луна озарила ея улыбку, сверкнувшую бѣлоснѣжными зубами. Было что-то волшебное въ ея неправильномъ, нѣжномъ лицѣ, въ великолѣпныхъ, черныхъ глазахъ подъ густыми бровями, въ бѣлоснѣжной, словно покрытой инеемъ, шапкѣ волосъ.

— Какая вы славная, какая вы красивая!

— Чѣмъ-же вы хотите со мной подѣлиться?

Алиса потушилась.

— Неожиданными мыслями, непонятными ощущениями, тѣмъ страннымъ и смутнымъ безпокойствомъ, которое охватило всю меня. Только съ вами я могу говорить откровенно. Я люблю Анну, я вѣрю ей, но она меня пугаетъ своимъ неземнымъ спокойствіемъ. Вы меня понимаете, Hélène?

— Какъ мнѣ не понять васъ, милое дитя. Вѣдь, жизнь для васъ — таинственно-запечатанная книга, а для меня — уже давно прочитанный томъ.

— Пройдемте вглубь сада, подальше отъ моря, отъ его безпокойнаго рокота. Въ темную аллею, гдѣ серебристый мѣсяцъ, насмѣшливый и любопытный, не заглянетъ мнѣ въ лицо. Анна углубилась въ свои книги и, конечно, вспомнить о насъ не раньше, чѣмъ мы сами того пожелаемъ.

И вотъ онѣ въ укромной бесѣдкѣ, густо прикрытой вьющимся геліотропомъ, среди цвѣтущихъ магнолій. Сладкій, пряный аромат великолѣпныхъ цвѣтовъ опьяняетъ. И мысли отчетливѣе, и рѣчи смѣлѣе! Въ сумракѣ не видно пылающихъ ланитъ. Волненіе выдаетъ только голосъ...

— Вотъ вы сейчасъ сказали, Hélène, что жизнь для васъ „давно прочитанный томъ“. Земная жизнь, которую я научилась презирать... А развѣ можно презирать то, чего не знаешь?

XLІ. ЖИЗНЬ

Вещка съ удивленіемъ взглянула на Алису.

— Вы заговорили на новомъ языкѣ, милочка... Что случилось?

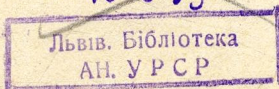
— Что у насъ можетъ случиться? Всѣ живы... значитъ, ничего новаго...

Она опустила голову.

— Только... такъ много времени для думъ... и вотъ... хочется провѣрить свои выводы.

— Вы вѣдь такъ много читаете, Алиса.

10.639.

— О, эти книги! Развѣ въ нихъ жизнь?

— До сихъ поръ онѣ васъ удовлетворяли.

— До сихъ поръ... Но вѣдь съ каждымъ днемъ я становлюсь все старше... и любознательнѣе... Когда стоишь вдали отъ искушеній, то не заслуга быть стойкой... И потомъ книги... Въ нихъ много фантазіи, неправды. А мнѣ хотѣлось бы заглянуть въ глубину жизни. Вотъ вы, Hélène, вы прожили немало лѣтъ въ самомъ кипучемъ центрѣ. Неужели вы не могли бы мнѣ рассказать, какъ вы жили?

— Мое прошлое вамъ не будетъ понятно, Алиса.

— Почему?

— Вы слишкомъ чисты... а я была натурой страстной, несдержанной. Я бурно начала свою жизнь и себя не щадила. Сколько разъ я была обманута и сколько разъ приходилось страдать моему бѣдному сердцу. Вы этого не поймете, Алиса. Прежде всего, вы родились среди роскоши и довольства, вы не знаете, что такое недостатокъ. Вы не знаете, что такое желать и не получить желаемого. Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда я осталась сиротой. Конечно, мнѣ назначили опекуна. Онъ мнѣ не мѣшалъ жить такъ, какъ я хочу, потому что я не мѣшала ему расточать мое наслѣдство.

— Неужели найдутся люди, способные ободрать доверенную имъ сироту?

— О, если бы только это! Зло разсѣяно по всему міру... и какихъ только преступленій оно не изобрѣтаетъ! Въ пятнадцать лѣтъ я меньше всего думала о деньгахъ. Моя голова была набита романическими фантазіями и желаніями. Тутъ и разнузданные романы сыграли свою роль. Я вѣдь ихъ не мало поглотила. А главное — примѣры. Но всѣмъ моимъ мечтамъ наступилъ неожиданный конецъ. Опекунъ заставилъ меня выйти замужъ за почти чужого мнѣ человѣка. Плодомъ этого брака былъ единственный сынъ, который теперь отравляетъ мое существованіе.

— У васъ сынъ?

— Да, взрослый сынъ. Сначала я относилась къ моему мужу равнодушно, а потомъ возненавидѣла. Чтобы какъ-нибудь забыться, я увлеклась. Увлеченія смѣнялись одно

другимъ быстро-быстро, какъ въ калейдоскопѣ. Сначала меня обманули, потомъ обманула я. И такъ, вѣроятно, длилось бы до безконечности, если бы настоящая любовь не захватила бы моего бѣднаго сердца.

— Настоящая любовь? — медленно переспросила Алиса. — А какъ вы распознали настоящую любовь?

— Милое дитя, вы спрашиваете, потому что вы никогда не любили. Когда я съ „нимъ“ встрѣтилась впервые, я сразу, инстинктомъ, почувствовала, что такъ не пройду мимо него.

— Какъ же вы это почувствовали? — тихо-тихо спросила Алиса.

— Всѣ эти ощущенія такъ неуловимы, такъ плохо поддаются описанію. Трепетъ какой-то охватилъ меня всю. Дыханіе стало прерывистымъ и тяжелымъ. Сердце забилося, какъ испуганная птичка, а потомъ замерло. Вѣдь вотъ сколько лѣтъ прошло, а я не забыла этого, и до могилы не забуду. Такое чувство охватило меня, какъ-будто я давно его знала, какъ-будто онъ всегда мнѣ былъ дорогъ и близокъ. И голосъ его, и взглядъ, и улыбка... все казалось мнѣ знакомымъ и дорогимъ.

Въ полумракѣ бесѣдки блестяли черные, полные жизни, глаза Елены. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражалось пережитое.

— А потомъ?

— Потомъ... я сама ему шла навстрѣчу, какъ безумная. Я была жалкой игрушкой въ его рукахъ. Несмотря на молодость, онъ былъ очень опытенъ и безпощаденъ. Онъ зналъ, что можетъ меня послать на самое страшное преступленіе, и зналъ, что я пойду, потому что я его люблю. И теперь страшно говорить о томъ, что было, особенно замъ, Алиса.

— Говорите, Hélène. Пусть преступленія, пусть весь этотъ ужасъ, пусть! Все-таки — жизнь, а не стоячее болото.

Насмѣшливая горечь слышалась въ голосъ молодой дѣвушки и... жажда жить.

— Прежде я тщательно скрывала прошлое, но теперь

я стала горда и разучилась лгать. Я уже замолила грѣхи прошлаго, очистилась отъ нихъ. Подъ вліяніемъ моего возлюбленнаго, я вмѣстѣ съ нимъ тогда обобрала мужа и бѣжала.

Вещкай вздохнула.

— Страсть намъ даетъ наслажденія. Но когда она соединяется съ любовью... выше этого ничего нѣтъ. Наконецъ-то мы принадлежали другъ другу, и никто намъ не могъ мѣшать. Любимыя губы прикоснулись къ моимъ губамъ. Трепещущая и жадная, я отвѣчала безумными ласками на его ласки. Онъ повезъ меня въ Парижъ, въ сердце міровой жизни. И тамъ мы наслаждались и бросали золото, не считая. О, чудный сонъ! Какъ мучительно и тяжело было пробужденіе...

— Почему же пробужденіе?

— „Онъ“ любилъ мое золото, оно давало ему возможность наслаждаться всѣми благами. Я — только въ придачу. Когда мое золото приходило къ концу, онъ уже зналъ, откуда добудетъ новое. Онъ уже подыскалъ „замѣстительницу“. Алиса, вы не поймете, что я переживала, когда узнала, что онъ бросилъ меня, — любящую, молодую, красивую, все ему отдавшую, — ради какой-то богатой старухи.

— Это ужасъ! Я понимаю. Но развѣ васъ онъ со всѣмъ не любилъ?

— По своему любилъ, какъ красивую игрушку, дарившую его наслажденіями, какъ любятъ эгоисты. Когда я уже пережила весь ужасъ нашего разрыва и научилась его презирать, онъ въ своей безмѣрной наглости явился ко мнѣ. Онъ мнѣ предложилъ вмѣстѣ съ нимъ обманывать богатую старуху.

— Вы его выгнали?

— Не сразу. Я сначала вдоволь надъ нимъ потѣшилась.

— Я понимаю васъ! — горячо вырвалось у Алисы.

Вещкай съ глубокимъ удивленіемъ взглянула на молодую дѣвушку. Кажется, тишина и обособленность, та

стѣна, которую искусно создали между Алисой и жизнью, не ступевала ея темперамента.

— Это была ваша первая и послѣдняя любовь? — съ жаднымъ любопытствомъ спросила молодая дѣвушка.

— Была еще одна... но лучше о ней не говорить. Такъ безпощадно оскорбленная, я поняла, какая сила—золото. Я стала мечтать о денежной самостоятельности, и мнѣ удалось составить небольшой капиталъ, который могъ мнѣ обезпечить независимую жизнь. Казалось, я нашла равновѣсіе и счастье, но... я еще не осушила чашу предназначенныхъ мнѣ страданій. Безумно влюбилась въ красиваго юношу, который искалъ только моихъ средствъ. Но наученная горькимъ опытомъ, я крѣпко держала золото въ своихъ рукахъ. Трудно вѣрить тому, что я сейчасъ вамъ скажу, а между тѣмъ, это правда. Юнецъ рѣшился меня ограбить, а такъ какъ я сопротивлялась, онъ готовъ былъ зарѣзать меня, какъ цыпленка, чтобы поживиться моимъ капиталомъ. Меня спасъ мой маленькій револьверъ, который и сейчасъ всегда со мной. Когда преступный трусишка увидѣлъ его въ моихъ рукахъ, онъ бросилъ ножъ и постыдно бѣжалъ.

— Неужели и это возможно?

— О, жизнь, когда въ ней кипятъ мелкія людскія страсти, способна на все!.. И, представьте, среди массы тѣней моего прошлаго, именно этому негодяю я посылаю самую глубокую мысленную благодарность. Вѣдь его позорный поступокъ отрезвилъ меня, открылъ мнѣ новый горизонтъ. Теперь уже не страшны мнѣ мелкія, пошлыя искушенія жизни. Мое счастье — здоровье, умѣнье наслаждаться природой, культурой и міровыми талантами. Я никуда не тороплюсь, ничего не ищу, ко всѣмъ доброжелательна. И вотъ почему я теперь просыпаюсь утромъ веселая, бодрая, энергичная, а вечеромъ засыпаю — счастливая.

Она нѣжно пожала руку Алисы.

— Вы счастливые меня. То, къ чему я пришла долгимъ путемъ разочарованія и мукъ, вамъ далось съ первыхъ же дней вашей жизни. Алиса, дорогой другъ, не разрушайте стѣны, которая отдѣляетъ васъ отъ грѣховныхъ соблаз-

новъ. Если вспыхнетъ молодая кровь, напрягайте всѣ усилія и гасите ее.

— Неужели въ цѣломъ мірѣ нѣтъ людей чистыхъ и прекрасныхъ?

— Я не встрѣчала. Можетъ быть, и найдутся рѣдкія исключенія. Но это все равно, что выиграть двѣсти тысячъ въ лотерею.

Лучи солнца золотили востокъ, когда Алиса вернулась послѣ продолжительной бесѣды съ Вецкой въ свою спальню. Озаренная утренней зарей, стояла молодая дѣвушка у раскрытаго окна. Грустно скользилъ ея взоръ по знакомой красивой картинѣ. Какъ любила она этотъ садъ, величавое море, безконечное небо. А теперь? Почему теперь не только съ равнодушіемъ, но съ какимъ-то тупымъ раздраженіемъ смотритъ она на любимый уголокъ? Надоѣло все это!.. Хочется новаго...

Алиса отошла съ досадой отъ окна, сняла свое бѣлое одѣяніе и прилегла. Ея красивая головка потонула въ мягкихъ бѣлыхъ подушкахъ.

Сонъ прежде приходилъ такъ быстро, а теперь вѣки ея не смыкаются. Такъ много думъ, и юная, неопытная—она съ ними не справляется.

Долгая бесѣда съ Нелене потрясла Алису. Неужели все такъ, какъ она сказала? Неужели люди такъ ужасны?

„Не разрушайте стѣны, которая отдѣляетъ васъ отъ грѣховныхъ соблазновъ. Если вспыхнетъ молодая кровь, напрягайте всѣ усилія и гасите ее“.

Легко разсуждать Нелене, все испытавшей, пресытившейся всѣми наслажденіями. Развѣ одна несложившаяся жизнь можетъ быть закономъ для всѣхъ остальныхъ?

Тихо растворилась дверь, и на темномъ фонѣ показался свѣтлый силуэтъ Анны.

— Твои глазки раскрыты, Алиса... Ты не спишь? Почему?

— Я думаю.

— О чемъ ты думаешь, мой милый мудрецъ? — стараясь своимъ словамъ придать оттѣнокъ шутки, проговорила Анна.

— Обо всемъ. И о тебѣ, Анна.

— Обо мнѣ?

— Вѣдь ты же хорошо знаешь жизнь. Ты такъ красиво ее ругаешь. Но почему ты мнѣ не рассказываешь, какъ ты жила прежде?

Прозрачное лицо Анны стало особенно блѣднымъ, глаза ея потухли.

— Или чаша искупленія еще мною не выпита до дна, — съ ужасомъ прошептала она.

— Что ты сказала? Чаша искупленія! — быстро схватила Алиса.

Она приподнялась и схватила прозрачную, теперь почему-то дрожавшую руку Анны.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не ускользнешь, Анна. Ты должна мнѣ все рассказать о своей жизни.

— Когда-нибудь потомъ... Не сегодня...

— Нѣтъ, сегодня, сегодня.

Энергичное, горячее требованіе покорило Анну, и она нехотя опустилась на край постели.

— Мнѣ тяжело объ этомъ говорить. Старая рана уже давно зажила. Многіе десятки лѣтъ за нею.

— Конечно, это какая-нибудь любовь, — нервно под- сказала Алиса.

— Дѣтское увлеченіе. Развѣ тогда я знала, что творила? Невинная голубка, я попала въ руки дикаго коршуна, и онъ посмѣялся надъ моей чистотой. Насильемъ онъ подчинилъ меня своимъ ласкамъ.

Что это? Анна, всегда спокойная, уравновѣшенная, высоко парящая надъ землею, и вдругъ она плачетъ?

Алису охватила жалость. И тихо-тихо она спросила:

— И ты любила его?

Анна молчала.

— И это было такъ: — когда ты „съ нимъ“ встрѣтилась впервые, ты сразу, инстинктомъ почувствовала, что такъ не пройдеши мимо него. Тебя всю охватилъ какой-то трепетъ. Дыханіе прерывистое и тяжкое. Сердце забилось, какъ испуганная птичка, а потомъ замерло. И

много десятковъ лѣтъ прошло, и ты его не забыла и не забудешь до могилы!

— Чьи слова ты повторяешь, Алиса? — со страхомъ спросила Анна, и жгучія слезинки высохли на ея глазахъ.

Но молодая дѣвушка повторяла какъ въ бреду.

— Когда ты встрѣтила „его“ впервые, онъ казался тебѣ близкимъ и дорогимъ. И голосъ его, и взглядъ, и улыбка, все казалось знакомымъ и дорогимъ. Я угадала, Анна! И такъ всегда бываетъ, всегда!

Возбужденная, трепещущая, она цѣловала руки Анны.

— Анна, ты была моимъ сердцемъ, моимъ разумомъ, моей волей. Теперь я стою передъ глубочайшей жизненной загадкой, и я должна ее разгадать или умереть.

— Отъ меня, Алиса, — медленно начала Анна, — ты, дитя, потребовала правды. Шаловливой рукой ты бессознательно коснулась глубины моего сердца. Тамъ — забытая рана. Десятки лѣтъ къ ней не прикасалась даже легкая мысль. Я боялась провѣрить самое себя. Но ты, дитя, осмѣлилась. И ты видѣла мои первыя слезы. Десятки лѣтъ были сухи мои глаза. Слабость... Но я сумѣю ее поборотъ. Обида еще жива, она спала крѣпкимъ сномъ, но она боится пробужденія.

И опять глаза Анны стали прозрачными и сіяющими, и теперь они устремились на Алису.

— И, если я была съ тобой откровенна, то вправѣ того же ждать отъ тебя. Съ тобою творится что-то новое. Гдѣ причина? Съ кѣмъ ты встрѣтилась? Гдѣ? Мнѣ казалось, что я знаю каждый твой шагъ.

— И ты не ошибаешься, каждый мой шагъ у тебя на виду.

— Нѣтъ, Алиса, за твоими словами „кто-то“ стоитъ. Можетъ быть, повліяли на тебя рассказы Вещкой?

Алиса опустила на подушки. Лицо ея выглядѣло утомленнымъ, вѣки сомкнулись.

— Не знаю, — прошептала она, — можетъ быть.

Анна склонилась надъ изголовьемъ своей любимицы.

— Я не буду тебѣ мѣшать, дитя. Сонъ — лучшее успокоеніе. Завтра мы вернемся къ этому разговору.

Алиса чуть замѣтно кивнула головой.

Медленно и неслышно, какъ свѣтлая тѣнь, выплыта Анна изъ ея комнаты.

Молодая дѣвушка обѣими руками обхватила подушки и прижималась горячей щекой къ холодному полотну наволочки.

Она шептала:

— Да, да, все это такъ. Когда я его увидѣла впервые, невольный трепетъ охватилъ меня всю. И дыханіе мое стало прерывистымъ и тяжелымъ, и сердце забилося, какъ испуганная птичка, и замерло. И голосъ его, и взглядъ, и улыбка, все казалось мнѣ знакомымъ и дорогимъ. Какъ-будто я давно его знаю, и какъ-будто всегда онъ былъ мнѣ и дорогъ, и близокъ.

Ея губы шевелились все медленнѣе и медленнѣе, пока не сомкнулись въ глубокомъ снѣ.

XLII. ГРЕЗЫ

Сумерки слѣдующаго дня уже сгущались, когда проснулась Алиса. Чувство безотчетной тоски сжимало ея сердце. словно вчера случилось что-то тяжелое, ненужное.

Потягиваясь, она медленно поднялась и лѣниво спустила на коверъ босые ножки.

— Ахъ, да!

И ей припомнились рассказы Вецкой о ея прошломъ и о той жизни, къ которой стремилась Алиса. Чудовищные рассказы, чудовищные люди!

А потомъ Анна... Алиса еще ребенкомъ знала ее, — всегда свѣтлую, прозрачную, умиротворенную. И вотъ эти слезы, поблѣднѣвшее лицо, потускнѣвшій взоръ.

Чаша искупленія... Старая рана... Невинная голубка, она попала въ руки дикаго коршуна, и онъ посмѣялся надъ ея чистотой. Насильемъ онъ подчинилъ ее своимъ ласкамъ.

О чемъ онѣ говорятъ обѣ, и Анна, и Hélène? Ласки, страсть, огненные поцѣлуи... или „въ этомъ“ то неизвѣдан-

ное, передъ которымъ теперь, какъ передъ грознымъ рубежомъ, остановилась Алиса, вся трепещущая?

Страсть! Любовь! Не эта любовь, полная чистоты, нѣжной ласки и преклоненія, съ которой сердце Алисы стремится къ Аннѣ, къ Нелѣе, къ Люцинѣ. Не эта любовь, которая учитъ насъ сердечно относиться ко всѣмъ ближнимъ, не христіанская любовь.

Иная! Когда при первой же встрѣчѣ незнакомый мужчина становится дорогимъ женскому сердцу. Любовь, сулящая наслажденія страсти. Какія?

Алиса обѣими руками закрываетъ свои пылающія щеки, словно самой себя она стыдится, отъ самой себя старается скрыть пробудившееся въ ней чувство.

Чѣмъ больше думъ, тѣмъ хуже. Скорѣе одѣться... прогулка, прохладное купанье, книги, музыка, отвлеченная беседа съ Анной. Шаловливыя кегли съ Люциной. Да, да, побольше движенія, физической жизни, отвлеченныхъ мыслей.

Она спустила плотныя шторы и освѣтила комнату электричествомъ. Обычно она звала Люцину, но сегодня ей пріятнѣе одиночество.

Одѣвалась она медленно, словно смакуя каждое свое движеніе. Бывало, подойдетъ къ зеркалу, равнодушная, на одно мгновеніе, чтобы оправить складки одѣянія или закрѣпить узелъ волосъ. А теперь она остановилась передъ зеркаломъ.

„Почему меня всѣ сравниваютъ съ Психеей? Развѣ я похожа на Психею?“

Она почти съ любопытствомъ смотритъ на свое, словно выточенное изъ мрамора, блѣлое безъ кровинки лицо. На свою стройную фигуру, обрисованную тонкими линиями.

Что-то новое въ ея лицѣ, въ большихъ глазахъ. Они словно потемнѣли и больше не свѣтятся. Гордые алыя губы, на нихъ прежде, какъ нѣжный огонекъ, теплилась полуулыбка, теперь онѣ безпомощно сомкнулись. Сдвинулись темно-каштановыя брови, и первая морщинка прорѣзала ея невинное высокое чело.

— Нѣтъ, ты не Психея! — грустно говоритъ молодая

дѣвушка своему изображенію. — Ты не Алиса. Ты чужая. Новая!

Долго стоитъ она у зеркала, сначала неподвижная, съ любопытствомъ вглядываясь, потомъ медленно расчесывая волосы и сплетая ихъ въ пышный узелъ.

Уже совсѣмъ одѣта, а все еще бродитъ по комнатѣ, словно неохота ей спуститься въ садъ. А бывало, какъ онъ манилъ ее вечерней прохладой!

— Неужели вы еще спите, миссъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Люцина, пойдемъ въ садъ.

Алиса радостно встрѣчаетъ горбунью. Этой она еще можетъ, не краснѣя, смотрѣть въ глаза.

Алиса спѣшитъ къ морю. Сбросила одежды и въ рубашкѣ, еле касаясь земли, приближается къ пѣнящимся волнамъ. Живительная прохлада ласкаетъ ея упругое тѣло.

Вотъ повернулась на спину и плыветъ обратно къ берегу. Дивной загадкой раскинулось передъ нею необъятное небо, таинственно блестятъ золотыя звѣзды. Грустно, грустно... Тоска щемитъ сердце.

Понуривъ голову, возвращается въ павильонъ, медленно бредетъ, роняя капли прозрачной воды.

Переодѣлась. Избѣгаетъ Анну. Съ помощью Люцины вынесла арфу на каменную площадку. Отпустила и Люцину.

Теперь она одна. Никто ее не видитъ. Теперь можетъ она отдаться своимъ грезамъ, — неяснымъ, тревожнымъ...

Равнодушно скользнулъ взоръ по золотымъ струнамъ арфы. Не до пѣсенъ, не до музыки. Только случайно рука коснулась струны... и тихій стонъ задрожалъ въ воздухѣ... и замеръ.

Глаза жадно смотрятъ въ морскую даль, гдѣ въ серебрищихся волнахъ тонетъ золото звѣздъ.

Фантазія такъ далеко уноситъ! Вотъ разступились волны, и изъ глубины выплываетъ стройный рыцарь, — рыцарь ея думъ.

„Простите, миссъ, что я нарушилъ ваше уединеніе“, — слышится ей мягкій, трепетный мужской голосъ.

Большіе голубые глаза пронизываютъ ея душу.

„Васъ манить невѣдомое. Вы безотчетно погружаетесь въ него душой. Я это чувствую“.

Призракъ, созданный пылкимъ дѣвичимъ воображеніемъ, все ближе. Вотъ рука, горячая, какъ пламя, прикасается къ холоднымъ пальчикамъ. Огонь!

Сама того не замѣчая, Алиса то схватывается за голову, то блѣдными руками тянется къ морю.

Теперь, когда воображаемое прикосновеніе горячей руки такъ обожгло ее, она рванулась.

Упала арфа и зазвенѣли струны...

Алиса подняла арфу и, уничтоженная, опустила на камень.

О чемъ ея мечта? Зачѣмъ? Гдѣ тотъ покой, безмятежный и чистый, въ которомъ ласково тонула ея душа? И глаза, которые только знали радостную улыбку, теперь обожжены первыми слезами. Первые слезы, какъ хрустальныя капли, медленно катятся по лицу. Но она ихъ не замѣчаетъ.

Какой-то странный шумъ все ближе и ближе. Волны, словно испуганныя, съ плескомъ бросаются къ берегамъ.

Алиса подняла глаза.

Живописная голубая яхта, залитая серебристымъ сіяніемъ, медленно, плавно приближается къ маленькой пристани.

Слишкомъ хорошо запомнила она стройный силуэтъ мужчины, ярко обрисовавшійся на носу яхты. И это блѣдное лицо, озаренное голубыми глазами...

Она замерла, словно приросла къ каменной площадкѣ. И сердце остановилось, и дыханіе...

Яхта причалила. Лордъ Эдвардъ сошелъ на берегъ и спокойно направляется къ Алисѣ.

— Видите, какъ скоро я воспользовался вашимъ разрѣшеніемъ, миссъ.

— Ахъ, пожалуйста, — бормочетъ она, все еще не протягивая ему руки. — Анна будетъ такъ рада...

— Не больше, чѣмъ я, — улынулся онъ.

— Анна тамъ... въ павильонѣ.

Онъ какъ-будто не слышитъ ея словъ и оглядываетъ площадку.

— Вы любите природу и поэзію, миссъ...

Онъ пододвинулъ ей камень.

— Я не хочу, чтобы вы утомлялись, миссъ. Право, я начинаю чувствовать, что нарушилъ ваше счастливое уединеніе.

Она машинально опустила на камень.

— Не извиняйтесь. Въ моей жизни слишкомъ много уединенія.

Эти слова какъ-будто вырвались изъ глубины ея сердца.

Онъ опустился на камень вблизи нея, не сводя съ нея глазъ.

— Если васъ тяготитъ уединеніе, почему вы не измените ему?

— Меня научили бояться жизни, — потушилась она.

— Вѣдь у насъ была одна и та же воспитательница...

— Да... странное совпаденіе... не правда-ли? Но къ вамъ Анна, вѣроятно, относилась съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ ко мнѣ.

— Изъ чего вы это заключили?

— Васъ отъ жизни она не отдѣлила непроницаемой стѣной, какъ меня.

— Можетъ быть потому, что вы — дѣвушка. Ошибка юности не стоила бы мнѣ такъ дорого, какъ вамъ.

И онъ тихо спросилъ:

— И давно вы почувствовали горечь уединенія?

Даже серебристый свѣтъ луны не могъ скрыть краски, залившей ея лицо.

— Нѣтъ... не знаю...

Внезапно появившаяся Люцина остановилась, изумленная.

— Тебѣ что-нибудь нужно, Люцина? — нетерпѣливо спросила молодая дѣвушка.

— Я хотѣла сказать, что ужинъ готовъ.

— Хорошо. Мы сейчасъ придемъ. Скажи Аннѣ, что у нея гость, и прибавь лишній приборъ.

Людина поспѣшно удалилась.

— Вы не сердитесь?

— Почему же я долженъ сердиться?

— Я такъ безцеремонно рѣшила, что вы останетесь съ нами ужинать.

— Я боялся быть навязчивымъ... но вы угадали мое желаніе.

— Такъ пойдемте. Теперь Анна уже знаетъ, что вы здѣсь... Ахъ, да, — еще эта арфа!

— Я перенесу ее.

Сильной рукой Эдвардъ поднялъ арфу и понесъ ее, какъ игрушку.

— Не тяжело?

Онъ разсмѣялся.

— Я кажусь вамъ такимъ „слабенькимъ“?

Они торопливо приближались къ домику. Казалось, оба забыли свои сомнѣнія и безпокойныя мысли. Хорошо и радостно. А почему? Не все-ли равно почему?

— Всѣ эти дни я много думалъ о васъ, — вдругъ сказалъ онъ.

— Почему?

— Прежде, чѣмъ съ вами встрѣтиться, я случайно о васъ слышалъ.

— Отъ Анны?

— Нѣтъ! Дѣвочка-подростокъ встрѣтилась на берегу съ моей знакомой и рассказывала ей „странныя вещи“ о васъ и о вашей виллѣ, и о моей Аннѣ. Она, кажется, подъ вашимъ покровительствомъ?

— Ахъ, это, вѣроятно, Мэдж! Съ кѣмъ же она могла бесѣдовать? Вѣдь она никого не знаетъ въ Монте-Карло.

— Она встрѣтилась на берегу съ одной моей знакомой дамой. И я былъ ей очень благодаренъ за ея простодушную болтливость. По крайней мѣрѣ, она навела меня на слѣдъ Анны.

— Кто же эта дама? Француженка? Англичанка?

— Русская. Мы съ нею случайно познакомились. Встрѣтилъ ее, одинокую, грустную. И пожалѣлъ... захотѣлось ей помочь.

— Гдѣ же вы встрѣтились?

— Въ ресторанѣ на берегу моря. Вижу, она уходитъ. Я за нею. Она проѣхала на своемъ автомобилѣ на Тюрби. И я за нею. Нашелъ ее надъ обрывомъ — одинокую, плачущую... и заговорилъ. Старался утѣшить. Она рассказала мнѣ всю свою жизнь. Я почувствовалъ въ ней человѣка сильнаго, глубокаго, талантливаго. Я сразу понялъ, что она стоитъ на невѣрномъ пути. И... я постараюсь ее спасти.

— И, конечно, эта одинокая, тоскующая дама молода и красива?

— Совсѣмъ молоденькая. Красивой ее назвать нельзя, но... обаятельна... Великолѣпны ея лучистые глаза.

— Почему же она такъ несчастна?

— Пошла по невѣрному пути. Подробности — ея тайна.

— И она съ вами подѣлилась этой тайной?

Эдвардъ улыбнулся.

— Мы вѣдь съ нею друзья.

Въ его глазахъ было много простоты и сердечности.

— А я? — вдругъ спросила Алиса. — Я стою на „правильномъ пути“?

Улыбка погасла на его лицѣ, и серьезный взглядъ остановился на молодой дѣвушкѣ.

— Ну, конечно! Заботы Анны о васъ — ручательство! Жизнь — безмятежная, хрустальной чистоты. Вдали отъ искушеній вы наслаждаетесь природой, книгами, плодотворнымъ трудомъ. Я вѣдь знаю, какъ вы издали невидимо помогаете несчастнымъ, обездоленнымъ. Я убѣжденъ, что это вамъ даетъ удовлетвореніе.

— Вотъ и ты!

Анна стояла въ дверяхъ, протягивая руки.

— Эдвардъ, мой дорогой, Алиса заставила тебя тащить эту арфу...

XLIII. ПЕРЕДЪ СТѢНОЙ

— Ну, можно-ли такъ, Анна! — шутливо упрекнулъ свою воспитательницу лордъ Дуглей. — Я оказываю маленькую услугу миссъ Алисъ и тѣмъ самымъ себѣ большое удовольствіе.

Прошли внутрь павильона и расположились у столика, накрытаго на три прибора.

Анна осторожно наблюдала за своими обоими любимцами, и сердце ея радостно билось.

Отъ тоскливыхъ думъ, безсонной ночи не осталось и слѣда. Щеки Алисы порозовѣли, въ глазахъ блескъ неожиданной радости, въ рѣчахъ оживленіе.

И Эдвардъ потерялъ свой видъ „молодого старика“. Теперь онъ былъ свѣтскимъ юношей, который корректно ухаживаетъ за свѣтской молодой дѣвушкой.

Здѣсь, гдѣ слышались только отвлеченныя рѣчи, теперь закипѣла жизнь. Съ удовольствіемъ уничтожались вегетаріанскія блюда, приготовленныя Люциной. Кокосовое молоко пили, какъ шампанское.

Все ошьяняло... И молодость, и вдругъ загорѣвшіеся сердца, и сладкій ароматъ южной ночи, и ласковое прикосновеніе зефира, шаловливо трепавшаго бѣлыя занавѣси.

Добрыми, ясными глазами смотрѣла Анна на Эдварда.

— Я думала, что ты меня забылъ. Судьба намъ подготовила счастливую встрѣчу, мы должны ее использовать. Кто знаетъ, можетъ быть, скоро разстанемся на долгіе мѣсяцы. Сегодня тебя принесла какая-то волшебная сила. Ни телефона, ни доклада.

— Признаться, я и сегодня не рассчитывалъ видѣть тебя, Анна. У меня было маленькое дѣло, оно могло отнять весь вечеръ. Я освободился совершенно случайно, и меня потянуло сюда. На яхточкѣ я доѣхалъ до вашего берега и воспользовался вашей пристанью.

— Какое же это маленькое „дѣло“, которое „не состоялось“? — лукаво спросила Алиса.

Выдержка, мечтательность, сдержанность — ей измѣ-

нили. Словно коснулась чудодѣйственная волшебная палочка и превратила ее въ шаловливую дѣвушку, полную жизнерадостности.

— Я чувствую въ вашихъ словахъ намекъ, миссъ, — покачалъ головой Эдвардъ.

— Ну, конечно. Предполагаю, что вы „старались указать вѣрный путь“ той очаровательной молодой дамѣ. Я угадала?

— Угадали.

— Вотъ видите. А почему же ваше свиданіе не состоялось?

— Оно отложено на завтра, или, самое позднее, на послѣзавтра.

— На завтра я приглашаю тебя сюда, — неожиданно вмѣшалась Анна. — Ты принимаешь мое приглашеніе?

— Съ восторгомъ... если миссъ не будетъ ничего имѣть противъ.

— Я не вмѣшиваюсь въ дѣла Анны. Завтра вы у нея, а я васъ приглашаю на послѣзавтра.

— Отъ одного изъ этихъ приглашеній долженъ отказаться, такъ какъ далъ слово.

Обида легкой тѣнью пробѣжала по лицу Алисы.

— Это ужъ ваше дѣло.

— Ваше приглашеніе я принимаю, миссъ. Что касается Анны, мы съ нею свои люди — сочтемся.

— Анна, лордъ Эдвардъ уже согласился быть завтра у тебя, и я надѣюсь, ты ему не позволишь...

— Почему ты такъ горячишься?

Яркимъ пламенемъ покрылись щеки Алисы.

— Это намекъ?

Она съ шумомъ отодвинула свой стулъ и выбѣжала изъ павильона.

— Что съ ней? Какъ будто ее подмѣнили, — пожмала плечами Анна.

Эдвардъ печально опустилъ голову.

— Я знаю ее гораздо меньше, чѣмъ ты, но мнѣ кажется, что я больше ее понимаю. Ты отдѣлила ее надежной стѣной отъ грѣховной жизни, отъ грѣховныхъ людей. Те-

перь эта стѣна колеблется, Анна. Какъ ты тамъ хочешь, а она рухнетъ. Алиса вырвется на свободу, и тогда уже все зависить отъ судьбы.

Рука Анны мягко опустилась на руку лорда Дуглей.

— Эдвардъ, — сказала она, — кажется, Алиса произвела на тебя сильное впечатлѣніе?

Онъ вздрогнулъ.

— Не знаю. Со мной творится что-то новое, чего никогда еще не было. Но ты не бойся, Анна, я не измѣню моимъ завѣтамъ.

Онъ быстро поднялся.

— И лучше всего положить конецъ всему этому въ самомъ началѣ. Пока еще надвигаются тучи и не разразилась гроза.

— Куда же ты торопишься, Эдвардъ?

Онъ нѣжно взялъ ее за обѣ руки и притянулъ къ себѣ.

— Анна, ты старалась создать равновѣсіе въ моей душѣ, ты зажгла въ ней свѣтлые идеалы. Я шелъ по намѣченному тобою пути и я былъ счастливъ. Каждое мгновеніе я думалъ о тебѣ и благодарилъ тебя. Обыкновенныя женщины мнѣ не были опасны. Но Алиса, нравственно созданная тобой, прекрасная, какъ лучшая мечта, хрустально-чистая... Передо мною уже „не искушеніе“, я поборолъ ихъ много, а опасность. Единственное средство — бѣжать.

— Эдвардъ!

— Что дѣлать, дорогая Анна, вѣдь каждая минута промедленія увеличиваетъ опасность. Ты скажешь Алисѣ, что ея бѣгство меня задѣло и оскорбило. Надо же выдумать какую-нибудь причину! Ты скажешь, что мнѣ показалось, что мое присутствіе въ ея домѣ ей непріятно. Наконецъ, ты скажешь, что я уѣзжаю завтра же экстренно. Мы съ нею не должны больше видѣться.

— Я бы хотѣла тебѣ сказать о ней, Эдвардъ.

Онъ еще крѣпче сжалъ ея руки.

— Нѣтъ, не надо, ничего не говори. Если можешь, научи меня. До сихъ поръ борьба мнѣ давалась легко, мо-

жетъ быть, потому я и былъ побѣдителемъ. Но теперь я хочу и долженъ бороться. До лучшаго свиданія, Анна.

— Я провожу тебя до пристани.

Объ руку, оба грустные и подавленные, они спустились въ садъ.

Когда яхта медленно отдѣлилась отъ берега и плавно заскользила по волнамъ въ глубину моря, увозя лорда Дуглей, Анна остановилась на пристани, помахивая бѣлымъ платкомъ.

— Анна! — раздался нервный окликъ.

Она невольно обернулась и увидѣла бѣгущую къ ней Алису.

— Онъ уѣхалъ! Нельзя его вернуть?

— Развѣ ты не видишь?

Анна указала на пространство, отдѣлявшее яхту отъ берега.

— Онъ разсердился?

— Ты поступила некорректно, Алиса. Эдвардъ обидѣлся. Ему показалось, что тебѣ непріятно его присутствіе въ твоёмъ домѣ.

— Какія глупости!

— Это первое, а второе — онъ, кажется, завтра же уѣзжаетъ куда-то очень далеко. Врядъ-ли тебѣ еще съ нимъ придется когда-нибудь встрѣтиться... и жаль, что ты его обидѣла.

Алиса нервно теребила кружево своего шарфа.

— Все это выдумки! Скорѣе онъ меня обидѣлъ, онъ хотѣлъ уклониться отъ моего приглашенія изъ-за какой-то...

— Алиса, что съ тобой?

Яркимъ пурпуромъ залились ея щеки.

— Я не знаю. Я сама не знаю...

Она вдругъ громко разрыдалась.

Утѣшая, Анна медленно вела ее къ дому.

— Твои нервы разстроены, дорогое дитя.

Алиса вырвалась изъ объятій Анны. Какъ капризный ребенокъ, бросилась она на кушетку, вздрагивая и всхлипывая.

— Я его обидѣла! Чѣмъ? Я его встрѣтила такъ любезно. Я пригласила его ужинать. Я просила его придти послѣзавтра. Онъ далъ слово этой дамѣ „наставить ее на путь истины“. Развѣ я въ этомъ виновата? Онъ вдругъ сорвался, какъ безумный, и уѣзжаетъ, не простившись. Воспитанный лордъ, нечего сказать! Плохо ты воспитала его, Анна.

Она вскочила и вытерла слезы.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ продолжаться не можетъ. Однимъ ударомъ я сокрошу эту несносную стѣну, которую ты такъ укрѣпила. Въ этой мертвой тишинѣ я не могу найти успокоенія. Мнѣ нужна кипучая жизнь, въ которой я могла бы забыться...

— Алиса!

— Не уговаривай, не возражай. Все будетъ напрасно. Долой глупыя бѣлыя одѣянія! Завтра же я вызываю лучшихъ портнихъ Ниццы и Монте-Карло. Я хочу веселиться! Хочу видѣть людей.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ придется разстаться со мной.

Анна стояла передъ воспитанницей и ея глаза, полные грустнаго укора, словно хотѣли заглянуть въ душу молодой дѣвушки.

— Развѣ ты не пойдешь за мной? — съ нѣкоторымъ испугомъ спросила Алиса.

— О, нѣтъ, — покачала головой Анна. — Мой міръ, въ которомъ ты живешь сейчасъ, полонъ тишины, покоя, равновѣсія, а тотъ міръ полонъ страстей и преступленій. Нѣтъ, эти два міра не примирятся. Алиса, пока еще не поздно...

Она порывисто обняла молодую дѣвушку.

— Остановись, Алиса, дорогое дитя, родная моя крошка, остановись. Это минутное томленіе, тоска, все это пройдетъ. Немного силы воли, борьбы... Мы уѣдемъ отсюда. Ты вѣдь давно хотѣла побывать въ Индіи. Тамъ у меня много друзей. Тамъ много новаго откроется передъ тобой. Святое и великое охватитъ твою душу. Всѣ твои сомнѣнія будутъ забыты. Тамъ ты увидишь высокіе при-

мѣры. Тамъ ты услышишь о пережитыхъ жгучихъ страданіяхъ въ мірѣ страстей, къ которому ты такъ стремишься. Алиса, еще разъ послушай меня. Если я тебя не сумѣю успокоить, тогда поступай какъ знаешь. Но прежде, чѣмъ ты бросишься въ открытое бурное море, попытайся найти радостный покой у тихой и свѣтлой пристани.

Нѣсколько мгновений Алиса молчала, прикинувъ головой къ груди своей воспитательницы. Анна ощущала дрожь, пробѣгавшую по тѣлу молодой дѣвушки.

— Не надо колебаній, дорогое дитя. Довѣрься мнѣ, той, которая никогда тебя не обманывала.

Тихій трепетный голосъ Анны проникалъ въ душу Алисы. Можетъ быть, она и пошла бы за этимъ голосомъ правды, но... но въ ея воображеніи выросъ стройный красивый образъ, глубоко ранившій ея сердце, и это блѣдное лицо, освѣщенное чудесными голубыми глазами.

Развѣ не ему она отдала свои первыя грезы? Развѣ не шла она ему навстрѣчу съ открытымъ сердцемъ? А онъ? Онъ ушелъ навсегда, даже не сказавъ ей послѣдняго прости!

Гдѣ найти его? Какъ отомстить ему? Какъ утишить сердечную боль?

Развѣ эта мертвая жизнь даетъ ей успокоеніе? Опять эти ночи безъ сна, эти кнители, эта музыка, этотъ однотонный рокотъ моря... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Она отшатнулась отъ Анны и выпрямилась. Ея лицо было блѣдно, брови сдвинуты, она смотрѣла на Анну враждебными потемнѣвшими глазами.

— Ты бы хотѣла меня обречь на вѣчныя страданія? Почему? Развѣ твоя жизнь можетъ быть примѣромъ? Это только случай. Тебя оскорбили, а, можетъ быть, я сама сумѣю кого нибудь оскорбить. Нѣтъ, Анна, не пытайся меня уговаривать. Или ты хочешь довести меня до отчаянія?

Она снова придвинулась къ своей воспитательницѣ.

— Знаешь-ли, что сегодня, когда я купалась въ морѣ, мнѣ хотѣлось уплыть такъ далеко, чтобы возврата уже не

было. Нужно было много усилий, чтобы преодолѣть это искушеніе.

Холодными пальцами она крѣпко сжимала дрожавшую руку Анны.

— Все кончено. Ты сама виновата. Вмѣстѣ съ появленіемъ твоего Эдварда дыханіе жизни коснулось меня.

И она закончила, рыдая:

— Онъ навсегда ушелъ... навсегда... твой Эдвардъ, но я уже отравлена дыханіемъ жизни!

— Я еще надѣюсь, что ты одумаешься, Алиса. Я за тобой не пойду. Разъ ты рѣшишься меня оставить, мнѣ придется поручить тебя Вецкой. Если твое рѣшеніе только мимолетная вспышка, если та жизнь оттолкнетъ твое чистое сердце, ты всегда будешь знать, гдѣ меня найти. Но я еще надѣюсь, я вѣрю, что ты одумаешься. Дѣтскій порывъ, капризная вспышка... Завтра ты заговоришь иными словами.

Холодно взглянули на Анну потемнѣвшіе глаза Алисы, она рѣзко повернулась и подошла къ телефону. Анна услышала номеръ телефона Вецкой.

— Вы дома? Какъ я рада. Сама судьба мнѣ покровительствуетъ. Съ какой я просьбой? Не можете-ли вы мнѣ завтра утромъ рано командировать лучшихъ портнихъ съ образчиками матерій и модными журналами? Да, да, я хочу франтить. Я хочу жить, Hélène. Вы всё вмѣстѣ совершаете преступленіе, лишая меня лучшаго дара — жизни. О, я теперь не живу, а прозябаю. Обо всемъ этомъ — завтра. Я васъ жду какъ можно раньше.

Алиса опустила трубку.

— Спокойной ночи, — холодно проговорила она.

Полными слезъ глазами Анна смотритъ ей вслѣдъ.

XLIV. ДВА ПИСЬМА

Борисъ Сергѣевичъ Корниловъ неожиданно проснулся. Темно. Онъ зажегъ лампочку на ночномъ столикѣ и взглянулъ на часы. Третій часъ. Глубокая ночь и потому такая глубокая тишина.

Онъ потушилъ лампочку и пытался заснуть. Увы, сонъ не приходилъ.

Право, эта маленькая Ренье преслѣдуетъ его и денно, и ночью. И сейчасъ онъ ее видѣлъ во снѣ. Среди сада ея виллы, всю залитую брилліантами. Она смотрѣла на него дразнящими глазами, и пурпуровыя губки ея шевелились, какъ бы призывая его къ поцѣлуу. И голова кружилась.

Онъ такъ ясно представлялъ себѣ виллу Ренье, всю залитую луннымъ сіяніемъ, погруженную въ глубокій сонъ.

Мысленно онъ открывалъ дверь и поднимался по марморнымъ ступенямъ, проходилъ по королевскимъ комнатамъ, украшеннымъ зеркалами, бронзой, произведеніями искусства.

Вотъ мысль его проводитъ въ спальню. Онъ не видѣлъ этой спальни, но онъ представляетъ себѣ, какая это роскошь!

На широкой бѣлоснѣжной постели раскинулась очаровательная молодая женщина. Какъ сладко спитъ она въ объятіяхъ своего принца. Онъ будитъ ее жгучимъ поцѣлуемъ и переживаетъ блаженство, о которомъ втайнѣ тщетно мечтаетъ Корниловъ.

Краска выступаетъ на лицѣ Бориса Сергѣевича. Онъ съ досадою кусаетъ губы.

„Неужели я буду вѣчно такъ томиться? — почти со злобой думаетъ онъ. — Неужели нѣтъ способа проникнуть на эту виллу? Или мнѣ придется натолкнуться на гнѣвъ персидскаго принца? Да, надо сознаться, предпріятіе не изъ безопасныхъ. Азіаты — люди съ большимъ темпераментомъ и въ минуту пылкой ревности на все способны“.

Но соблазнительный образъ mademoiselle Ренье придавалъ Корнилову храбрости.

— Вѣдь я же знаю, — утѣшалъ себя Борисъ Сергѣевичъ, — поставлю на своемъ и... разомъ пройдетъ блажь.

Но пока „блажь“ не проходила. Не только красота Ренье опьяняла Корнилова, но и роскошь, ее окружавшая.

И онъ „отдавалъ должное“ уму Ксюши и ея ловкости. Вѣдь, чѣмъ она была и чѣмъ стала!

Корнилову вспоминались далекія времена, когда онъ еще былъ „только велосипеднымъ гонщикомъ“. Кажется, что отъ этого прошлаго его отдѣляетъ цѣлая вѣчность, а, между тѣмъ, вѣдь совсѣмъ не такъ давно все это было.

Вспоминается ему убогая комната и старушка-мать. Сердце сжалось. Бѣдная матушка, онъ совсѣмъ забылъ о ея существованіи. И не писалъ давно, и не думалъ даже о ней.

А она? Борисъ Сергѣевичъ зажмурилъ глаза и ему такъ живо представилась сѣдая голова, горестно склоненная передъ образомъ Спасителя.

Въ порывѣ жалости, раскаянія, сыновней любви онъ вскочилъ. Набросилъ халатъ, туфли и торопливо подошелъ къ письменному столу. Быстро заскрипѣло перо. Слезы умиленія блестя въ глазахъ Бориса Сергѣевича.

„Матушка, родная моя. Ты не думай, что я забылъ тебя. Люблю, какъ и прежде, когда скромно жили мы съ тобой въ коморкѣ. Все хорошо, матушка. Успѣхъ на сценѣ большой, и денегъ мнѣ даютъ очень много. И хорошо тутъ. Солнышко. Радость жизни. Тутъ я встрѣтилъ Ксюшу. Ты ея не забыла? Теперь она богаче меня стала, живетъ, какъ принцесса. Матушка, помолись за меня. Крѣпко цѣлую тебя, моя родная.

Твой Борюшка“.

Адресъ написанъ и Корниловъ снова ложится. А сна нѣтъ. Образъ mademoiselle Ренье влечетъ и дразнитъ.

— Сегодня она выступаетъ!

Вѣдь и два дня тому назадъ, когда она выступала, онъ пытался къ ней проникнуть, но въ ея уборной безсмысленно „дежурить“ принцъ Шезметъ.

— Я попрошу Гинзбурга передать ей мое письмо.

И опять онъ у письменнаго стола.

„Мои мученія вамъ, очевидно, доставляютъ удовольствіе. Всѣ мои попытки увидѣться съ вами безплодны. А между тѣмъ я хочу, я долженъ васъ ви-

дѣтъ. Почему вы прячетесь? Вы боитесь меня? Или „да“, или „нѣтъ“. Я не умѣю долго страдать. Или „да“, или „нѣтъ“? Я способенъ все бросить и бѣжать отсюда. Нарушу контрактъ, заплачу неустойку и уѣду, куда глаза глядятъ. Только подальше отъ васъ. Да или нѣтъ?

Борисъ Корниловъ“.

Кажется, написано достаточно сильно.

Корниловъ спряталъ письмо подъ подушку и, наконецъ, успокоился.

— Что же это ты спишь, Боба? Тебя вызываютъ на репетицію!

Онъ протеръ глаза и съ неприязнью взглянулъ на жену. Еще такъ хотѣлось спать!

— Оставь меня въ покоѣ, самъ знаю, что пора на репетицію.

Она презрительно пожала плечами и вышла изъ его комнаты.

На репетицію Корниловъ опоздалъ и пришлось извиняться передъ режиссеромъ и ожидавшими.

Уловивъ минутку, онъ передалъ посланіе Гинзбургу, не глядя ему въ лицо.

— Будьте, какъ всегда, благодѣтелемъ, передайте mademoiselle Ренье.

Рауль погрозили ему.

— Берегитесь.

Онъ шутливо улыбнулся.

— Развѣ вы не знаете, что mademoiselle Ренье стережетъ ея принцъ? Не хотѣлъ бы я быть объектомъ его ревнивой злобы!

— „Чему быть, того не миновать“ — такъ говоримъ мы, русскіе.

— Знаю, знаю, — засмѣялся Рауль. — Я вѣдь долго жилъ въ Россіи. „Авось“, всегда „авось“.

Репетиція кончилась поздно и Корниловъ домой не вернулся. Гнѣвъ Раисы его уже не беспокоилъ. Онъ охваченъ однимъ желаніемъ: добиться благосклонности made-

moiselle Ренье, и этому желанію все готовъ принести въ жертву...

Гинзбургъ вручилъ письмо Корнилова mademoiselle Ренье, когда она выходила на сцену.

Танцовщица вспыхнула, прочла письмо и спрятала его на груди.

Въ антрактѣ она передала маленькій листокъ Гинзбургъ.

„Отвѣтъ“ въ рукахъ Бориса Сергѣевича. Дрожащими пальцами онъ развернулъ листокъ.

„Вы хотите меня видѣть, я не противъ этого. Способъ только одинъ. Сегодня въ два часа ночи вы пройдете въ садъ моей виллы. Маленькая желѣзная дверца будетъ открыта. Подъ окномъ моей спальни вы найдете спущенную веревочную лѣстницу. Поднимитесь. Я буду васъ ждать у окна. Опасный планъ, конечно, но кто „сильно желаетъ“, тотъ не боится опасности“.

XLV. ПЕРЕДЪ ОПАСНОСТЬЮ

Mademoiselle Ренье мелкими шажками прогуливается по своей спальнѣ. Въ лихорадочномъ волненіи теревить она свои руки.

Въ глубокомъ креслѣ, съ видомъ самодовольнаго обладателя развалился принцъ Шезметъ. Жгучіе глаза его съ жадной лаской останавливались на стройной фигуркѣ и золотистой головѣ.

Поворачиваясь къ нему, она улыбалась, но, когда онъ не могъ видѣть ея лица, ея брови сдвигались и губы кривились.

— У тебя, кажется, нѣтъ ни въ одномъ глазу сна, звѣздочка?

— Напротивъ, безумно хочу спать, я такъ устала. Развѣ ты забылъ, что я сегодня танцевала?

— Такъ хочешь, я тебя уложу въ постельку и буду любоваться твоимъ сномъ.

Она вдругъ подошла къ Шезмету и, ласкаясь, какъ кошечка, капризно заговорила:

— Уложи меня, Шезметъ, но только не мѣшай мнѣ спать.

— Я не пошевелинусь, звѣздочка.

— Въ твоихъ глазахъ такъ много огня и страсти, они всегда тревожатъ мой сонъ. Ты такъ настойчивъ, какъ будто сегодня же мы должны съ тобой разстаться. Какъ будто у насъ нѣтъ впереди большого будущаго.

Шезметъ уже разстегивалъ такъ хорошо знакомыя ему пряжки ея любимата халатика.

И вотъ она въ постели, притворно зѣваетъ и потягивается, закрываетъ глаза.

Пробилъ часъ, и она невольно вздрагиваетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу спать. Ты такъ на меня смотришь, Шезметъ. Ты мнѣ мѣшаешь.

— Хорошо, хорошо... ухожу.

Онъ наклонился и нѣсколько разъ нѣжно и страстно цѣлуетъ ея червонную головку.

— Спи, моя звѣздочка, спи, моя свѣтлая луна.

Онъ уходитъ на цыпочкахъ. Она слышитъ, какъ закрылась дверь. До рокового часа надо притвориться спящей.

Она думаетъ о Корниловѣ. Его письмо взволновало ее до глубины души. До сихъ поръ она стойко выдерживала свою роль. Она заковала себя въ броню равнодушія и избѣгала встрѣчъ, даже мимолетныхъ. Она нарочно приводила Шезмета въ свою уборную, когда играла.

Принцъ съ дѣтской радостью покорялся новому капризу своей звѣздочки. Онъ помогалъ горничнымъ и портникамъ одѣвать ее. Ея номеръ заканчивался, она являлась въ уборную радостная, за нею несли свидѣтелей ея триумфа — роскошныя корзины и букеты цвѣтовъ.

Съ той же заботливостью Шезметъ помогалъ ей снять костюмъ и наряжалъ ее въ домашній халатикъ, покрывалъ изящнымъ манто, искусно сплетеннымъ изъ газа,

шелка, кружевъ и дорогихъ мѣховъ, и бережно увозилъ, какъ лучшее сокровище.

О, Корниловъ бѣсился, въ этомъ mademoiselle Ренье была увѣрена! И вотъ — это письмо. Она помнить его наизусть. Особенно нѣкоторыя фразы.

„Мои мученія вамъ доставляютъ удовольствіе. Я способенъ бросить все и бѣжать отсюда. Да, или нѣтъ?“...

Да, конечно, да! но только не сразу... „Да“, когда онъ придетъ къ ней, готовый всѣмъ пожертвовать.

Ренье смотритъ на часы. Безъ четверти два. Надо приготовиться.

Дверь закрыта на ключъ. Кокетливо набрасывается кружевной пенюаръ съ разнѣнными рукавами. Длинный газъ, спадающій широкими складками по спинѣ, придаетъ фигурѣ особенную воздушность. Лицо блѣдно, — это ничего, но губы надо немного подкрасить. А лыя губы манять къ поцѣлуямъ, къ страсти.

Безъ пяти два. Распахнула окно. Спускаетъ веревочную лѣсенку. Ясно слышнть, какъ конецъ лѣстницы ударяется о песчаную дорожку сада.

Часы бьютъ два. Mademoiselle Ренье — вся слухъ и вниманіе. Вотъ задрожала съ головы до ногъ и еще больше поблѣднѣла.

Теперь замерла въ ожиданіи, неподвижная и блѣдная, какъ мраморное изваяніе.

Осторожные шаги, его шаги. Веревоочная лѣстница заколебалась. Она видитъ поднимающуюся голову Корнилова.

Вотъ они другъ передъ другомъ, и взоры ихъ встрѣтились.

— Скорѣй!

Сильными руками онъ опирается на подоконникъ. Мгновенье... и онъ въ спальнѣ.

Кокетливо смѣясь, она протягиваетъ ему обѣ руки.

— Я получила ваше письмо... и испугалась. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ способны были бѣжать, даже не простившись со мною?

— Я потерялъ надежду съ вами встрѣтиться.

— Когда мало желанія, надежда скоро пропадаетъ.

— Мало желанія?! — пылко возразилъ онъ. — Какъ вы несправедливы! Въ вашемъ письмѣ вы старались утратить меня опасностью. Развѣ я побоялся?

— О, герой!

Иронія звучитъ въ ея голосъ.

— Вы опять готовы смѣяться надо мной. Когда я прочелъ ваши строки, вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Нѣсколько часовъ ожиданія — знаете-ли, чего они мнѣ стоили? Но теперь я съ тобой, въ твоей спальнѣ, и нѣтъ той силы, которая могла бы насъ разлучить.

Голова *mademoiselle* Ренье кружится. Сладки слова любви! Тягостна борьба. Онъ передъ нею, ея любимымъ. Одно движеніе... и лучший сонъ исполнится наяву.

Но нѣтъ, нѣтъ, еще рано, еще нельзя!

Она оттолкнула изнемогавшаго отъ страсти Корнилова.

— Или ты думаешь, я не сумѣю взять силой то, что не дается моимъ мольбамъ?

Весь красный отъ волненія, со сверкающими глазами, съ полуоткрытымъ алымъ ртомъ, онъ приближается къ ней. Нѣсколько быстрыхъ шаговъ, и она очутилась за высокимъ столикомъ, какъ за маленькой крѣпостью!

Въ ея рукахъ что-то блеснуло, и Корниловъ... невольно отступилъ.

— Постой, постой, — задыхаясь, шептала она. — Ты долженъ выслушать все, что я тебѣ скажу. И какъ ты мнѣ сегодня написалъ, такъ и я тебѣ говорю: „да“ или „нѣтъ“? Ты долженъ меня выслушать. Ты видишь, — я не безоружна.

Ея розоватый пальчикъ лежитъ на куркѣ крохотнаго револьвера.

— Я клянусь тебѣ, что, если сейчасъ ты ко мнѣ прикоснешься, то мы оба перестанемъ существовать, — и ты, и я. Но ты долженъ меня выслушать, прежде чѣмъ уйдешь отсюда.

Блѣдный, смирившійся, но озлобленный, онъ машинально опустился въ кресло. Наполеоновскимъ жестомъ

онъ сложилъ руки на груди. И свой страхъ старался скрыть саркастической усмѣшкой.

— Я напому тебѣ далекія времена, конечно, забытыя тобой. Я была скромной, жалкой портнишкой, но сердце мое гораздо большаго стоило, чѣмъ теперь. И какъ оно тебя любило. Развѣ ты былъ тогда знаменитъ и богатъ? Тебя любило мое сердце и за тобой я пошла бы на край свѣта. Съ тобой бы я раздѣлила нищету, горе, страданія. А ты... ты вдругъ увидѣлъ новый міръ. Чужая роскошь заманчиво блеснула передъ тобой. И ты грубо, безпощадно оттолкнулъ меня, растопталъ любящее сердце.

— Бесплодная борьба меня утомила, Ксюша.

— Молчи! Можешь ли ты понять, какъ я страдала? Но я любила тебя больше, чѣмъ себя, чѣмъ свою чистоту, чѣмъ свою гордость. Ради тебя я всею пожертвовала. Я знала, и чувствовала, что я тебя найду.

— И ты нашла меня, Ксюша.

Въ торчкомъ смѣхъ искривились ея губы.

— Нашла! Да, я тебя нашла въ объятіяхъ любимой жены, самодовольнаго, самовлюбленнаго. О, если бы я тебя могла растерзать въ первую же минуту нашей встрѣчи! Увы, я слишкомъ тебя люблю!

— Почему же теперь ты меня отталкиваешь, теперь, когда я пришелъ къ тебѣ съ сердцемъ, полнымъ любви?

— Мы встрѣтились, я поразила твое воображеніе. Я сдѣлала больше, чѣмъ ты, хотя у меня не было таланта. Это потому, что мною руководила сила любви, а тобою — жажда карьеры. Мы оба ни передъ чѣмъ не останавливались: — ты по пути къ своей карьерѣ, — я по пути моего сердца.

— Но теперь — почему ты меня гонишь?

— Если бы я могла тебя прогнать! Но минутное подавненіе разгоряченной страсти меня не удовлетворитъ.

Роковой ультиматумъ поставленъ, и онъ невольно вздрогнулъ.

— Мы оба связаны, и цѣпи, меня сковавшія, сильнѣе.

Она обожгла его взоромъ, полнымъ презрѣнія и негодованія.

— Я не желаю за спиной обманывать твою жену. Или я, или она. Сколько любви, сколько обаятельной нѣжности и заботы даетъ мнѣ принцъ Шезметъ, и я — преступница, если я его отвергну. Я знаю, что тебѣ нуженъ блескъ золота, что среди лишеній ты задохнешься. И ради тебя я иду еще на одинъ компромиссъ со своей совѣстью.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Я заберу свое золото, брилліанты, — пользуйся ими, какъ хочешь. Это — большое богатство, но мы должны бѣжать отсюда. Ты разойдешься со своей женой, я — съ принцемъ Шезметомъ. Я ему оставлю письмо, полное раскаянія, я открою ему всю тайну моего сердца. Онъ слишкомъ меня любитъ: пойметъ, проститъ. Вотъ выбирай. Да, или нѣтъ? Все, или ничего!

Онъ медленно поднялся. Его сверкающіе глаза любовались красотой этого полуобнаженного тѣла. Ни унижительный страхъ, ни ея отказъ не поколебали его желанія. Никогда еще страсть такъ не захватывала его, какъ теперь.

— Ты молчишь? — спросила она съ глубокимъ укоромъ.

— Такъ неожиданно ты поставила передо мною вопросъ жизни. Однимъ ударомъ ты заставляешь меня разрубить то, что я создавалъ годами. Я чувствую, что скажу „да“, но надо подумать.

Она наклонила головку.

— Какъ въ старой сказкѣ: — три ночи я буду ждать тебя въ этотъ же часъ. Если ты не придешь на третью ночь, значитъ — „нѣтъ“.

— Дай мнѣ ручку. Я уйду. Одинъ поцѣлуй.

— Нѣтъ, нѣтъ, я тоже человѣкъ, и моихъ силъ не хватитъ.

Медленно, словно нехотя, онъ подошелъ къ окну.

— Три ночи, — какъ эхо, повторила она.

Когда послышался шелестъ въ саду, она подбѣжала къ

окну. Въ глубинѣ аллеи еще разъ мелькнула его тѣнь. Скрипнула желѣзная дверца и все затихло.

Она уронила голову на подоконникъ и плечи ея дрогнули въ беззвучныхъ рыданіяхъ.

XLVI. НЕПОНЯТЫЙ

— Что-то на сегодня назначено, — думала Марія, одѣваясь и хмурия свои тонкія бархатистыя бровки.

— Ахъ, да! Во-первыхъ, сегодня придетъ Лакристи, а во-вторыхъ, придетъ моя Сашенька.

Быстро одѣлась и торопливыми шагами вышла на балконъ.

На стеклянной верандѣ ее уже ждалъ накрытый столъ, уставленный булочками, сливочнымъ масломъ, сливками, вареньемъ, медомъ, ветчиной и разной снѣдью, одинъ запахъ которой увеличилъ и такъ немаленькій аппетитъ Маріи.

Всѣ шторы были подняты и стеклянная галерея полна свѣта. Марія распахнула огромное окно и усѣлась къ столику.

„Какъ отказаться отъ этой прелести?“

Не успѣла она положить сочный розовый кусокъ ветчины на свою тарелку, какъ ей подали визитную карточку Лакристи.

— Просите.

Лакристи въ дверяхъ, — элегантнѣй, корректнѣй.

— Я, кажется, помѣшалъ вашему завтраку, синьора Марія.

— О, нѣтъ, нисколько. Присядьте, Лакристи, и разделите его со мной.

— Если позволите.

Осторожно, словно крадучись, ступали по ковру его тонкія ноги въ лакированныхъ ботинкахъ. Онъ поцѣловалъ руку Маріи.

— Садитесь, садитесь, — сказала она нетерпѣливо и фамиліарно. — Всѣ эти условности не нужны. Я люблю

простоту и со мной держитесь просто. Могу я предложить вамъ чашечку кофе?

— Если вы ее нальете собственными ручками.

— Конечно. Не звать же мнѣ для этого лакея.

Марія налила кофе, поставила его передъ Лакристи и съ аппетитомъ снова принялась за ветчину. Искоса она поглядывала на Лакристи, внимательно наблюдавшаго за каждымъ ея движеніемъ. Какое у него оригинальное лицо! Невысокій лобъ, испещренный голубыми жилками, надъ нимъ свѣтло-каштановая шевелюра, тонкій „римскій“ носъ съ горбинкой и вѣчно насмѣшливая улыбка подъ рыжеватыми усами стрѣлочкой. Эта улыбка, сѣровато-зеленые, странные глаза, овалъ лица, складъ губъ и линіи бровей, — во всемъ этомъ дѣйствительно было что-то мефистофельское. Не даромъ за кулисами Лакристи прозвали „маленькимъ Мефистофелемъ“.

— Ну, рассказывайте, какія тамъ новости, вѣдь я два дня не была въ театрѣ. Какъ ваша новая знаменитость — Тарновская?

Марія небрежно бросала вопросы, уписывая ветчину, потомъ принялась за бутерброды съ масломъ, за булочки съ медомъ.

— Тарновская, — съ большимъ апломбомъ заговорилъ Лакристи, — миленькая женщина, съ небольшимъ колоратурнымъ сопрано, мило играетъ...

— Это достоинства, — сердито пододвигая чашечку, проговорила Марія. — А недостатки?

— Самый большой недостатокъ — детонація и неряшливая передача партіи. Но широкая публика этого не замѣчаетъ и потомъ все въ Тарновской мило, граціозно. Только нѣтъ въ ней „большого“, захватывающаго. На нее пріятно смотрѣть, но нельзя увлечься. Дилетантское исполненіе, сказалъ бы я.

— Такъ чего же она лѣзетъ въ міровыя знаменитости? — зло спросила Марія.

— Разъ ее приглашаютъ, платятъ большія деньги, почему же ей отказываться?

— Конечно, надо обвинять тѣхъ, которые ее приглашаютъ.

— Вамъ она не соперница, синьора Марія.

Ложка полетѣла со звономъ на полъ.

— Еще бы!

— Вы, синьора Марія, большая артистка. Само небо васъ отмѣтило. Красота ваша — яркая, сильная, голосъ могучій, металлическій, бездна темперамента. Въ васъ все соединилось. Каждый атомъ вашего прекраснаго тѣла — это могущество и красота. Вы — извѣстность, но толпа не понимаетъ и не знаетъ вашего таланта, какъ понять его я. Вы — самородокъ, синьора Марія. Крупнѣйшій брилліантъ.

— Не отшлифованный? — насмѣшливо сощурила она глаза.

— Этого я не скажу. Талантъ вашъ самъ себя шлифуетъ безсознательно. А если бы онъ попалъ въ руки геніальнаго рѣзца. О! Чудо поразило бы міръ и, покоренный, міръ со слезами умиленія склонился бы къ вашимъ ногамъ!

— Или вы находите, что Эмиль Руже не геніальный композиторъ и музыкантъ? Я вѣдь попала въ его руки. Развѣ онъ не надеженъ?

Сколько гордой любви звучало въ ея голосѣ, отражалось въ глазахъ. Лакристи поблѣднѣлъ и его рыжеватая рѣсница опустились.

— Да, конечно, Эмиль Руже — большой человекъ. Но вы забываете, синьора Марія, что онъ самъ кумиръ толпы. Себя онъ не забудетъ для васъ. Его поклонники всегда будутъ смотрѣть на васъ со снисходительной улыбкой. Чтобы отшлифовать драгоценный брилліантъ, нужно самому отрѣшиться отъ личной славы.

— Все это глупости, — сказала Марія, наливая себѣ вторую чашку кофе. — Просто вы ядовитый человекъ. Своего счастья вы не нашли, а чужое — вамъ не по вкусу.

Она взглянула на Лакристи и расхохоталась.

— Чему это вы такъ удивляетесь?

— Я наблюдаю за вами, синьора Марія, и ужасъ мой

разрастается. Вы себя не щадите. Въдѣ всего того, что вы съѣли за утреннимъ завтракомъ, я не одолѣю за цѣлый день.

— Что же тутъ ужаснаго? Я еще съѣмъ кисточку розоваго винограда, апельсинъ и ломтикъ ананаса.

— Неужели вы никогда не думаете о послѣдствіяхъ? Вы и такъ пополнили за этотъ сезонъ. Толщина сотретъ классическія линіи, правильность чертъ. Она безпощадно состаритъ васъ на десятокъ лѣтъ.

— До старости мнѣ такъ же далеко, какъ и до чрезмѣрнаго ожирѣнія. Ну, прибавлюсь на десять фунтовъ. Пока живемъ, мы должны наслаждаться жизненными благами. Я люблю вкусную ѣду и ни за что не разстанусь съ нею.

— Вы сами сказали, что любите фрукты, почему бы вамъ не замѣнить мучную ѣду сочными плодами?

— Перестаньте болтать ерунду, и займемся дѣломъ.

Она прошла въ залъ къ большому роялю. Лакристи слѣдовалъ за нею, захвативъ портфель съ нотами.

— По желанію композитора, эта вещьца должна пройти на французскомъ языкѣ, — сказалъ онъ.

— Отлично.

— Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи. Первый актъ на знаменитой венеціанской площади, межъ галлереями... Виденъ ресторанчикъ. Тутъ героиня случайно встрѣчается съ героемъ. Онъ дипломатъ-французъ, она — эксцентричная американка. Загорается любовь по первому взгляду, свободная любовь.

Лакристи проигралъ арію героини и ея дуэтъ.

— Красиво и оригинально, — задумчиво проговорила Марія.

— Это самый неудачный актъ. Второе дѣйствіе изъ двухъ картинъ. Вотъ первая. Въ ресторанѣ шумная компанія пируетъ. Героиня опьянена шампанскимъ, она танцуетъ, кокетничаетъ, она вся — огонь. Любовь бросаетъ ихъ другъ другу въ объятія. Вторая картина. Балконъ, висящій надъ главнымъ каналомъ. Тутъ разгорается ку-

тежъ. Это лучшее время ихъ любви. Послушайте, какъ эффектна пѣсня, которую героиня поетъ съ бокаломъ.

Марія въ восторгѣ захлопала въ ладоши.

— Вотъ третій актъ. Это ихъ послѣдній ужинъ. Онъ любить ее также безумно, но она чувствуетъ въ своемъ сердцѣ первый холодокъ. Она предлагаетъ ему разойтись безъ сценъ, съ улыбкой, чтобы красивая любовь имѣла красивый конецъ. Съ болью въ сердцѣ онъ примиряется съ неизбежнымъ, а она улыбаясь, прекрасная, какъ сама любовь, уходитъ навсегда. Онъ остается одинъ и безпомощно рыдаетъ.

Быстро пробѣгали по клавишамъ пальцы Лакриети. Послѣдній аккордъ...

— Вотъ и все.

Опустивъ руки, онъ смотритъ на Марію своими странными, теперь словно фосфорическими глазами.

— Конечно, ничтожная опера, но она дастъ вамъ вѣншій успѣхъ.

— Отличная опера. Вы просто завидуете Раулю. Завтра же приступаю къ изученію партіи и танца. Тутъ нужно что-нибудь зажигающее.

Онъ поднялся блѣдный и губы его дрожали.

— Я завидую только одному человѣку въ мірѣ, — сильно проговорилъ онъ. — Я завидую Эмилю Руже.

Марія быстро повернулась, и глаза ихъ встрѣтились. Марія вздрогнула и покраснѣла. Или она разгадала тайну сердца Лакриети?

Теперь, когда она слегка отвернулась, онъ видѣлъ ея тонкій профиль и длинныя стрѣлы пушистыхъ рѣсницъ.

— Я вамъ очень, очень благодарна, Лакриети. Ваша любезность безгранична. Когда-нибудь мы подольше съ вами побесѣдуемъ, но сегодня я должна торопиться, такъ какъ я жду свою любимую подругу изъ Парижа. Я съ нею не видѣлась уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Лакриети закусилъ губу. Чтобы скрыть гнѣвъ, онъ корректно поклонился и быстро вышелъ изъ зала.

Можетъ быть, онъ не замѣтилъ протянутой руки Маріи? Оскорбленная, она густо покраснѣла.

— Дерзкій нахаль, — топнула она ему вѣдъ ногой.

Но гнѣвъ быстро смѣнился улыбкой счастья, такъ какъ въ противоположныхъ дверяхъ она увидѣла Эмиля. Онъ смотрѣлъ на нее грустными, но полными восторга глазами. Душевная борьба въ бессонную ночь такъ ясно положила свою скорбную печать на утомленное лицо.

— Тебѣ нездоровится, Эмиль? — спросила Марія, ласково обнимая его обѣими руками. — Ты такъ блѣденъ!

— А ты свѣжа, какъ майская роза, моя Марія. И это потому, что молодость беззаботна, а старость полна докучныхъ сомнѣній.

— Не смѣй говорить о старости. Развѣ ты не моложе этого Лакриети съ его вѣчной, ядовитой усмѣшкой? она, какъ гримаса, не сходитъ съ тонкихъ устъ. А вѣдь онъ, говорятъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ.

— Мальчишка. Вѣдь еще ему долго ждать, когда стукнетъ тридцать. Такъ это онъ брянчалъ? Что за вздорная, банальная музыка. Неужели ты будешь это пѣть, Марія?

— Ну да. Вѣдь это произведение Гинзбурга. Роль мнѣ нравится и партія красивая. И я буду танцевать негритянской танецъ.

— Какой ты еще ребенокъ, Марія! — улыбнулся онъ ей радостнымъ глазамъ, сверкающей улыбкѣ.

— А вотъ и я! — прозвучалъ грубоватый женскій голосъ, и Марія очутилась въ объятіяхъ подруги.

— Сашенька, дорогая!

Подруга Маріи гораздо старше нея. Въ простомъ англійскомъ костюмѣ не было и тѣни элегантности. Но въ некрасивомъ лицѣ Сашеньки много доброты и благородной откровенности. И съ какимъ обожаніемъ смотрѣла она на свою Марію.

— Иди скорѣе въ мою комнату, умойся, приведи себя въ порядокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Сашенька, освѣженная про-

хладной водой и чистымъ батистовымъ платицемъ, обнявъ Марию, стояла на балконѣ.

— Какъ вы тутъ хорошо живете! Глядишь и не въришь собственнымъ глазамъ. Какъ въ сказкѣ!

XLVII. ПЕРЕДЪ НОВЫМЪ

Обѣ двери спальни заперты на ключъ. Алиса сбросила одежды и мечется полуобнаженная. Ей жарко. Она подбѣгаетъ къ окну и полной грудью вдыхаетъ воздухъ. Близо къ разсвѣту.

Она хватается за свои пышные волосы и безъ сожалѣнія рветъ ихъ. Ей хочется физической боли. Острыми ногтями впивается она въ свои обнаженные руки. Боль въ груди, острая боль! Она ощущаетъ ее такъ ясно, какъ физическую. А между тѣмъ, это болить оскорбленное сердце.

— Я его обидѣла! — шепчетъ она. — Какая ложь! Это грубый предлогъ, чтобы никогда со мною не встрѣчаться. Но развѣ я звала его?

Она мечтала на берегу. Развѣ не ея право мечтать? Онъ нарушилъ ея покой, безмятежный, чистый, въ которомъ ласково тонула ея душа. Онъ зажегъ въ ея сердцѣ первое чувство и вызвалъ первыя слезы.

Онъ подкрался на своей розовой яхтѣ въ тотъ моментъ, когда вся ея душа была полна только имъ.

Какъ она взволновалась! Дыханіе замерло, сердце остановилось. Развѣ она обидѣла его встрѣчей? Она только боялась выдать ему свое волненіе!

Зачѣмъ онъ ей сказалъ:

— Всѣ эти дни я много думалъ о васъ.

Онъ думалъ о ней! Почему? Это ложь! А она приняла тогда его слова за правду, и такъ радостно, такъ свѣтло стало на сердцѣ...

Потомъ все объяснилось. Онъ думалъ о ней, потому что о ней напомнила ему красивая русская дама. Онъ самъ

сказаль: обаятельная, съ великолѣпными лучистыми глазами, одинокая и грустная...

Притворщица! Развѣ можно быть одинокой и грустной, когда „онъ“ съ нею, когда „онъ“ любить ее!

— А мнѣ какое дѣло! — почти крикнула Алиса. — Я-то почему волнуюсь? Мнѣ больно! Почему мнѣ больно?

Если Алиса разсердилась и ушла, то онъ самъ въ этомъ виноватъ. Онъ такъ безтактно подчеркнулъ свое предпочтеніе къ той. А она унижалась. Первый разъ унижалась, просила его придти, но онъ упрямо стоялъ на своемъ. „Та“, русская, ему дорога!

Ушелъ... Навсегда ушелъ.

Она не замѣчала, какъ жгучія слезы скатывались одна за другой, такъ быстро-быстро, словно догоняли другъ друга.

И лучше, что онъ ушелъ. Въ нѣсколько дней ея чувство не могло зайти далеко. Ей удастся вырвать эту болъную любовь. Только не здѣсь, не въ этой тишинѣ, гдѣ каждый мигъ напоминаетъ о роковой встрѣчѣ. Туда, въ водоворотъ жизни. Прорваться черезъ непроницаемую стѣну, разрушить ее.

Ахъ, скорѣй бы утро! Скорѣй бы пріѣхала Hélène. Уравновѣшенная, умудренная жизненнымъ опытомъ, только она одна можетъ помочь Алисѣ.

И это утро настало, а Алиса еще не сомкнула глазъ!

— „Да, да, рѣшено... — думала она, стоя у открытаго окна передъ восходящимъ солнцемъ. — Все это, что было мнѣ навязано, будетъ безпощадно сломано!“

На нѣсколько мгновеній передъ нею вырисовалось прозрачное лицо Анны, — блѣдное, съ глазами, полными грусти.

— Развѣ я ее бросаю? — гордо поднимаетъ голову Алиса. — Я не виновата, что она не хочетъ идти за мной.

Утомленная, она бросилась въ кресло и закрыла глаза. Утренний вѣтерокъ обвѣвалъ ее волосы.

— Къ вамъ можно, Алиса? — послышался за дверью голосъ Вецкой.

Алиса вздрогнула.

— Кто? Кто это? Ахъ, это вы, Hélène!

Алиса обняла Вещкую и беззвучно зарыдала.

— Боже мой, Алиса, что съ вами? Почему вы такъ неожиданно телефонировали вчера ночью? Что случилось?

Но вопросы ея затихли, она чувствовала, что надо дать молодой дѣвушкѣ выплакать ея первое горе.

Алиса успокоилась.

— Я къ вамъ съ просьбой, — потупившись заговорила она. — Я круто мѣняю образъ жизни. Вы поможете мнѣ совѣтами, я буду на вашемъ попеченіи, такъ какъ Анна упрямо остается по эту сторону „каменной стѣны“. Она куда-то уѣзжаетъ, навѣрно, со своимъ Эдвардомъ, т. е. лордомъ Дуглей, хотѣла я сказать.

Алиса покраснѣла.

Опытной Вещкой нетрудно было догадаться — сердце молодой дѣвушки загорѣлось первой любовью. И этого надо было ждать. Алиса полна темперамента. Сколько разъ Вещкая предупреждала Анну, что Алису не удержать за „каменной стѣной“.

— Безмятежна была моя жизнь, — потупившись, заговорила Алиса. — И вы это знаете. Я сознательно избѣгала „водоворота“, я берегла свое сердце. Но часъ пробилъ неожиданно. Случайная встрѣча, и покой души нарушенъ.

Вещкая чувствовала, какъ трудно дается признаніе гордой Алисѣ.

— Я такъ много слышала хорошаго о лордѣ Дуглей. Моя мечта порывисто рвалась къ нему. И я не подумала о томъ, что его сердце уже занято. О своемъ чувствѣ я ему ничего не говорила, не знаю, почему онъ такъ круто отъ меня отвернулся. Не простившись, разстался навсегда. Мнѣ нужно успокоиться. Мнѣ необходимо забвеніе. Здѣсь я его не найду. Здѣсь каждое мое дыханіе мнѣ будетъ напоминать о немъ. Все то, что я любила, мнѣ стало противно. Эта вилла, вѣчно рокошующее море, садъ, напоенный сладкимъ ароматомъ... И вотъ я обращаюсь къ вамъ, Hélène.

— Дорогое дитя, вы знаете, какъ я васъ люблю! Только жаль Анну.

— О, — усмѣхнулась Алиса, — ея Эдвардъ ей дороже. А я хочу иной жизни. Хочу веселья. Анна утѣшится въ своемъ блаженномъ спокойствіи. Разлука со мной въ ея глазахъ будетъ лишь новымъ испытаніемъ, посланнымъ ей небомъ. Когда она поборетъ и эту слабость, все существо ея будетъ еще прозрачнѣе, еще свѣтлѣе.

— Вы хотите покинуть эту очаровательную виллу? — спросила Вецкая.

— Я бы хотѣла остановиться въ шикарномъ, шумномъ, элегантномъ мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется остановить свой выборъ на Hôtel de Paris. Это — самый элегантный, самый шумный, полный блестящей жизни отель.

— А туалеты?

— Я кое-что уже сдѣлала. Лучшія модели, какія только нашлись въ Монте-Карло, я вамъ привезла.

— Уже здѣсь?

— Да, Алиса. Картоны съ моделями и портнихи ждутъ въ пріемной.

И вотъ, вертлявыя, говорливыя портнихи и модистки раскладываютъ передъ Алисой свои лучшія сокровища. Глаза Алисы горятъ, въ ней заговорила женщина. Газъ, шелкъ, вышивки, художественныя отдѣлки, — все здѣсь переплетается. Нѣкоторыя модели какъ будто сшиты на Алису.

Она тщательно осматриваетъ себя въ зеркало, а говорливыя портнихи и модистки осыпаютъ похвалами ея необычайную красоту.

Почти все, что ей привезли, Алиса оставила за собой и заказала еще несмѣтное количество туалетовъ — утреннихъ, вечернихъ, бальныхъ.

— Комнаты въ Hôtel de Paris уже заказаны, — заявила Вецкая.

— Отлично. Пусть подаютъ автомобиль.

— А ваши вещи, вашъ гардеробъ, Алиса?

— О, мнѣ не хотѣлось бы заниматься укладкой, — поморщилась молодая дѣвушка. — Это надо поручить Люцинѣ.

Алиса слегка вздрогнула.

— Кто знаетъ, можетъ быть, теперь и Люцина откажется отъ меня.

Вещка выпроводила маленькую армію портнихъ и модистокъ.

Въ ожиданіи Люцины Алиса осматривала себя въ зеркало. Совсѣмъ другая женщина. Лучше или хуже?

Алиса чуть замѣтно улыбнулась. Ну, конечно, лучше!

Все-таки она взглянула на свою бѣлую тунику съ сожалѣніемъ, какъ смотрять на дорогого покойника.

— Миссъ меня звала? — остановилась въ дверяхъ Люцина, пораженная „новымъ“ видомъ госпожи.

— Да, Люцина. Подойди поближе, дружокъ. Намъ нужно переговорить съ тобой серьезно.

— Что значить этотъ костюмъ, миссъ? — робко приближается горбунья.

— Сейчасъ ты все узнаешь. Видишь ли, эта уединенная жизнь можетъ довести меня до могилы. Безмятежное спокойствіе мнѣ опротивѣло. Я хочу бурной жизни, которою живутъ милліарды людей. Я не хочу быть исключеніемъ. И вотъ однимъ ударомъ я срываю стѣну, отдалившую меня отъ людей, и врываюсь въ самое сердце жизни.

Молодая дѣвушка обняла горбунью.

— Я очень люблю тебя, Люцина, и... разстаться съ тобой мнѣ было бы слишкомъ тяжело. Пойдешь ли ты за мною, Люцина?

XLVIII. РАЗЛУКА

Люцина порывисто цѣловала руки своей госпожи.

— Пойду ли я за вами, миссъ? Да развѣ безъ васъ я могу существовать? Покой, типина. Да вѣдь я, — ничтожный, маленькій уродецъ, — я найду покой и среди бурной жизни. Кому я нужна? Только вамъ, миссъ. И возьмите мою жизнь, потому что вамъ принадлежитъ моя душа.

Чуть замѣтныя слезинки радости блеснули въ глазахъ Алисы.

— Я ваша вѣрная слуга до гроба, миссъ. Какъ могли вы въ этомъ сомнѣваться?

— Не слуга, а другъ, лучший другъ. Сейчасъ я уѣду. Слуги пусть не беспокоятся, на виллѣ все остается по-прежнему. Изрѣдка мы будемъ заѣзжать сюда. Пока ты останешься здѣсь, Люцина. Надо собрать всѣ мои вещи, къ которымъ я привыкла.

— И книги? И арфу?

— Нѣтъ. Это останется здѣсь. А тамъ свои книги и свои пѣсни.

Алиса энергично поднялась.

— Пора!

— Мистриссъ Анна поѣдетъ съ вами или со мной?

— Анна, — съ горечью проговорила Алиса, — остается за „каменной стѣной“. Она уѣзжаетъ куда-то.

— Разлука съ вами будетъ для нея слишкомъ тяжелой.

— Что дѣлать! Она сама ее избрала. Я иду впередъ, а она останется позади.

Алиса задумчиво смотрѣла на свои руки, затянутыя въ перчатки цвѣта „бѣжъ“. Люцина ей напомнила о существованіи Анны, забытой въ этой суматохѣ. Вѣдь надо съ нею проститься. Тяжелую минуту надо пережить.

— Люцина, предупреди Анну, что я сейчасъ уѣзжаю. Я хочу проститься съ нею. Придетъ ли она сюда, или позволить мнѣ зайти въ ея комнаты?

Въ ожиданіи отвѣта Алиса нервно теребила шелковый зонтикъ съ золотой ручкой, изображавшей головку лебедя.

Дверь скрипнула, и появилась Анна, — блѣдная, прозрачная, съ ясной улыбкой на добрыхъ устахъ.

— Ты такъ скоро собралась, дѣточка... Впрочемъ, сегодня или завтра, не все ли равно?

Алиса порывисто обняла воспитательницу.

— Ты не сердись, Анна?

— Нѣтъ причины для гнѣва. Кто обуздаетъ буйный вѣтеръ? Вчера я тебѣ сказала все, что я могла сказать, больше у меня нѣтъ словъ. Иди... Это твоя судьба.

Она поцѣловала склоненную голову молодой дѣвушки и ея чистая слеза потонула въ пышныхъ волосахъ.

— Я еще сюда заѣду, и не разъ... Надѣюсь, ты не сразу насъ покинешь?

— Я пробуду здѣсь еще нѣсколько дней. Мнѣ не такъ легко собраться. Вѣдь путь мой очень-очень дальній.

Она нѣжно прижимала къ груди Алису.

— Дорогая дѣвочка, можетъ быть, новая жизнь тебя разочаруетъ, тогда — вспомни обо мнѣ. И какъ бы ни было велико разстояніе, которое насъ раздѣлитъ, я прилечу къ тебѣ.

Опять что-то жесткое, недружелюбное промелькнуло въ лицѣ Алисы.

— Напрасно ты мнѣ предсказываешь разочарованіе. Я къ прошлому не вернусь. Презрѣніе твоего Эдварда положило начало моему презрѣнію къ самой себѣ, къ той Алисѣ, которою я была до сихъ поръ!

Анна не слышала ея холодныхъ словъ, она горячо молилась.

— Богъ да сохранитъ тебя, Алиса... — прошептала она.

Святая красота этой минуты снова захватила молодую дѣвушку. Она притихла, казалось, что и она молится вмѣстѣ съ Анной.

— Автомобиль поданъ.

Люцина поняла, что она вошла не во-время, она отступила, но... поздно... разрушено тихое очарованіе.

Алиса, опять жизнерадостная, сверкающая, вырвалась изъ объятій своей воспитательницы. Послѣдній разъ наскоро ее поцѣловала и выбѣжала изъ своей дѣвичьей спальни, гдѣ оставляла первыя грезы.

— А какъ же Мэджъ? — спросила Алису Вецкая.

— Мэджъ? Что жъ, мы достанемъ ей еще вторую гувернантку, и будемъ ее навѣщать. Не могу же я свою жизнь принести ей въ жертву. Мы напишемъ ей родителямъ, они могутъ ее взять къ себѣ, если перемѣна, о которой я имъ сообщу, не придется имъ по вкусу.

Радостная, оживленная, выходитъ она изъ главныхъ дверей виллы. Робкіе, любопытные слуги незамѣтно за

нею наблюдаютъ. Въдѣ они видѣли свою госпожу только одинъ разъ, когда она пріѣхала на эту виллу, но и тогда густой вуаль покрывалъ ея лицо.

Невольно каждый думаетъ:

„Какая она красавица!“

Вотъ Алиса въ автомобилѣ... Граціозно откинулась на подушки... Рядомъ съ нею Вещкая. Мгновенье... и автомобиль быстро уноситъ ихъ по ровному шоссе, оставляя далеко за собою виллу.

И съ высоты балкона грустными свѣтлыми глазами провожаетъ свою любимицу одинокая Анна.

Долго стояла она такъ неподвижно, пока не развѣялся столбъ пыли. И опять даль ясна...

— Я уѣзжаю, мистрисъ Анна.

Въ скромномъ дорожномъ костюмѣ стояла передъ Анной Люцина.

— Это хорошо, что ты не оставляешь нашу Алису, — Анна обняла Люцину. — Я бы и сама послѣдовала за нею, но чувствую, что не могу. Среди людского говора и неумолчнаго шума я буду невыносимо страдать. Береги нашу дорогую Алису, Люцина. Я буду за васъ молиться. Въ минуту опасности ты пошлешь мнѣ телеграмму. Я дамъ тебѣ адресъ. Гдѣ бы я ни очутилась, оттуда мнѣ переписать твою телеграмму.

— Не беспокойтесь, мисисъ Анна, все будетъ сдѣлано, какъ вы хотите. Признаюсь, я и сама имѣю плохое понятіе о шумной жизни, которую мы всѣ избѣгали. Можетъ быть, и мисъ Алиса отвернется отъ нея съ ужасомъ.

Вернулся автомобиль, отвозившій Алису, и увезъ Люцину. Какъ-то особенно ярко почувствовала Анна свое одиночество. Она вернулась въ спальню, раздѣлась и прилегла.

Нѣсколько капель снотворнаго лѣкарства, привезеннаго изъ Индіи, быстро сомкнули ея глаза.

Темная ночь спустилась надъ землею, когда Анна проснулась. Сразу вспомнила она все происшедшее, и стало на сердцѣ тоскливо и пусто. Сонъ былъ лучше дѣйствительности.

Она прошла въ павильонъ. Тамъ застала она младшую сестру Люцины, веселую дѣвушку съ черными глазками-изюминками. Люцина показала ей, какъ надо служить, и она уже все приготовила къ ужину госпожи.

— Какъ тебя зовутъ, малютка?

— Марта, госпожа.

Анна не коснулась ѣды. Она ласково погладила темную головку веселой дѣвушки и прошла во вторую часть павильона, гдѣ хранились всѣ книги. Если не утѣшеніе она найдетъ здѣсь, то забвеніе.

Между тѣмъ Алиса, въ сопровожденіи Вецкой, подъѣхала къ „Hôtel de Paris“. И тутъ ея рѣдкая красота притягивала вниманіе. Со словъ Вецкой всѣ уже знали о ея сказочномъ американскомъ богатствѣ.

Алиса обошла комнаты своего номера. Элегантная обстановка не могла ее поразить, — въ сравненіи со сказочнымъ великолѣпіемъ, ее всегда окружавшимъ, тутъ все мизерно. Она сбросила шляпу.

— Вы, вѣроятно, освѣжитесь ванной, переодѣнетесь, и мы спустимся къ завтраку? — спросила Вецкая.

— О, нѣтъ.

Алиса потянулась и зѣвнула.

— Я чувствую себя утомленной. Я вѣдь не сомкнула глазъ въ эту ночь.

— Въ такомъ случаѣ, примите ложку брома и отдохните. Зато къ обѣду вы появитесь свѣжая и нарядная.

Около шести Вецкая разбудила Алису. Сообща быть выбранъ туалетъ.

Въ четверть восьмого Алиса объ руку съ Вецкой вошла въ ярко освѣщенную столовую „Hôtel de Paris“. Всѣ взгляды были направлены на нее. Раздавался шопотъ восхищенія.

Американка была сказочно-красива въ открытомъ, обѣденномъ туалетѣ цвѣта морской волны, въ элегантной черной шляпѣ, съ драгоцѣнными крупными жемчугами на бѣлоснѣжной шейкѣ.

Молодая дѣвушка волновалась, какъ школьница на экзаменѣ. Вотъ она жизнь, къ которой она стремилась!

Заль, залитый огнями, льются веселые звуки музыки, слышится кокетливый женский смѣхъ. Блескъ брилліантовъ, модныхъ туалетовъ, обнаженныхъ женскихъ плечъ...

Элегантные мужчины во фракахъ... пѣнящіеся бокалы. Шумъ грѣховной жизни и ея аромать.

Сердце Алисы бьется такъ быстро-быстро, глаза ея сверкаютъ. Она чувствуетъ всѣ эти восхищенные взоры, устремившіеся на нее. Она слышитъ шопотъ, восхваляющій ея красоту.

Вотъ къ ихъ столу приближается элегантная дама. Она издали улыбается Вещкой.

— Madame Hélène, вы совсѣмъ насъ забыли, только случайно можно васъ встрѣтить.

— Княгиня, какъ я счастлива! — пожимаетъ ей руку Вещка и знакомитъ Алису съ „княгиней Рубини“.

— Вы тутъ скучаете вдвоемъ, присоединитесь къ намъ.

Княгиня Рубини такъ просто и мило обращается къ Алисѣ, и сразу заслуживаетъ ея довѣріе и уваженіе.

Княгиня Рубини знакомитъ Алису со своимъ мужемъ, итальянскимъ дипломатомъ, — маленькимъ старичкомъ съ живыми, хитрыми глазами. Здѣсь цѣлая компанія. Все крупныя имена. Всѣ очарованы красотой американки. Завязывается общая бесѣда. Льется шампанское.

Голова Алисы кружится, — она вѣдь не привыкла къ этой пѣнящейся влагѣ... Она становится веселой, почти игривой. Вмѣшивается въ общій разговоръ. За нею ухаживаютъ, ею восхищаются. Новая атмосфера кружить ея голову.

Неутомимая княгиня Рубини на завтра организуетъ поѣздку въ Санъ-Ремо. Она до тѣхъ поръ не отпускаетъ руку Алисы, пока молодая дѣвушка не дастъ ей слова присоединиться къ этой прогулкѣ.

— А послѣзавтра, — торжественно объявляетъ княгиня, — утромъ завтракаемъ въ ресторанѣ „Резервъ“, а на вечеръ — уже заказаны мѣста въ театрѣ на премьеру. Идетъ „Тоска“, съ участіемъ знаменитой русской пѣвицы — Маріи Мальцевой.

Кавалеры провожаютъ Алису до лифта, а вернувшись

въ столовую, говорятъ о ея необыкновенной красотѣ и сказочномъ богатствѣ.

— Ну что?

Вещка заглядываетъ въ глаза Алисы.

— Первая струя жизни меня немного завертѣла. Тутъ, право, я нахожу забвеніе. Побольше шума и веселья... и горе забудется.

Она задумчиво добавила:

— Кто знаетъ, можетъ быть, я буду благословлять ту встрѣчу, которую теперь проклинаю. Если бъ не этотъ Эдвардъ, я не вырвалась бы на свободу. Я, можетъ быть, до конца дней прозябала бы среди мертвой тишины.

XLIX. ПРИЗНАНІЕ

Раисѣ не приходилось хитрить, чтобы выскальзывать въ назначенный часъ. Борисъ Сергѣевичъ не слѣдилъ за нею. Днемъ онъ забѣгалъ на минутку, чтобы переодѣться, а ночью, чтобы выспаться.

— Здравствуй, — небрежно привѣтствовалъ онъ жену.
— Ну что? скучаешь? Люди безъ дѣла всегда скучаютъ.

Онъ проходилъ мимо нея, небрежно хлопнувъ дверью.

Или онъ ее спрашивалъ:

— И что это у тебя видъ мученицы? Какъ будто тебѣ плохо живется? Кажется, по горло сидишь въ довольствѣ. Чѣмъ дуться, какъ мышь на круну, ты бы лучше наслаждалась воздухомъ и природой. Не всегда тебѣ придется жить въ такомъ климатѣ. Не вѣчно же я буду тебя таскать за собой по всеѣмъ гастролямъ. Этакъ у меня ничего никогда не останется отъ заработка, если даже мнѣ будутъ платить тысячи за выходъ. Въ Петроградѣ я нанимаю опредѣленную квартиру и тамъ ты будешь жить постоянно.

Раиса отмалчивалась. Только огоньки зажигались въ ея глазахъ. Придется ли ей пользоваться этой квартирой въ Петроградѣ? Можетъ быть, сегодня или завтра ро-

ковое „люблю“ будетъ сказано... и тогда. О, тогда ни имя Корнилова, ни его помощь не будутъ ей нужны.

Какимъ языкомъ заговорить онъ тогда? Теперь легко издѣваться надъ беззащитной женщиной, надъ женщиной, которая въ полной отъ него зависимости.

Онъ говорилъ ей непріятныя вещи, какъ будто мстилъ ей за то, что ему приходится ее обманывать. Потомъ, нарядный, надушенный, онъ скрывался, даже не простившись съ нею, иногда на многіе часы.

Прежде это ее оскорбляло бы и бѣсило, но теперь она была такъ равнодушна къ нему, такъ поглощена собственными мечтами.

Едва пробило семь, она торопливо отправилась на свой „постъ“. Чѣмъ дольше ждала она Эдварда, тѣмъ отчаяннѣе становилась ея рѣшимость сказать ему все.

Но вечеръ ожиданія былъ безплоденъ. Эдвардъ не пришелъ.

Долго просидѣла Раиса на скамьѣ у моря. Ей казалось, что вотъ-вотъ покажется яхта и, залитая серебрянымъ свѣтомъ луны, медленно и плавно подплыветъ къ пристани.

Ей вспомнилась первая встрѣча съ Эдвардомъ, ихъ разговоръ, внезапно вспыхнувшее въ ея сердцѣ довѣріе. Нѣтъ, не довѣріе это было, а любовь!

Раиса порывисто приподнялась. Вдали замѣтила она знакомое очертаніе яхты. Она крѣпко прижимала руки къ словно рвавшемуся изъ груди сердцу. О, если бы она обладала могучимъ, волшебнымъ голосомъ, съ какой бы силой крикнула она его имя, чтобы призвать его къ себѣ! Увы, ея голосъ слишкомъ слабъ!

Яхта приближается, очертаніе ея все яснѣе... и вдругъ... Она круто повернулась. Уходить... неужели уходить?

Раиса невольно протянула руки къ морю, какъ бы призывая. Увы... яхта скрылась.

Долго еще тщетно чего-то ждала Раиса. Первые лучи разсвѣта блеснули, когда она, поникнувъ головой, побрела къ своему отелю.

Дома мертвая тишина. Она осторожно заглянула въ

спальню мужа — пусто. Тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ, она избавлена отъ грубой сцены.

Гдѣ онъ пропадаетъ? Не все ли равно!

Утомленная, разбитая долгой прогулкой, нервнымъ ожиданіемъ, она засыпаетъ.

Утромъ будятъ ее горячіе лучи солнца. Она забыла опустить шторы.

Осторожно выходитъ она въ гостиную, чтобы узнать, вернулся ли мужъ. Слышится его храпъ. Въ своемъ глубокомъ снѣ она не замѣтила, какъ онъ вернулся.

Смотритъ на часы. Десять. О, сколько еще ждать до семи! И вчера день ползъ такъ медленно, а сегодня... онъ вытянетъ всю душу.

Одѣлась и выскользнула изъ номера, чтобы какъ можно дольше не встрѣчаться лицомъ къ лицу съ мужемъ.

Долго шла все впередъ по прямой линіи. Незамѣтно добралась до Монако. На площади, межъ зеленыхъ пальмъ, за столиками аппетитно завтракали. Запахъ вкусныхъ блюдъ раздражилъ и аппетитъ Раисы. Она расположилась у одного изъ столиковъ и потребовала завтракъ и вино.

Долго она сидѣла за столикомъ, тутъ, среди этихъ зеленыхъ пальмъ, среди всѣхъ этихъ людей, казавшихся ей беззаботными и веселыми. Ихъ говоръ напоминалъ ей жужжаніе пчелъ.

Она ушла одна изъ послѣднихъ. И опять пѣшкомъ вернулась домой. Въ номерѣ она застала „любезную“ записку супруга:

„Когда ты шляешься, чортъ знаетъ гдѣ, слѣдовало бы мнѣ оставлять бѣлье, галстукъ и булавки“.

„Животное, — подумала она, — онъ обращается со мной, какъ съ прислугой!“

Вотъ и семь пробило, и она спѣшитъ внизъ, на набережную.

Она не спускаетъ глазъ съ пристани, а между тѣмъ голосъ лорда Дуглей раздастся совершенно неожиданно за ее спиной.

— Здравствуйте!

Она быстро поворачивается, и вотъ ея руки въ его рукахъ.

— И вчера я васъ ждала. А сегодня все время смотрѣла на пристань, и была увѣрена, что вы подъѣдете на яхтѣ.

Онъ грустно усмѣхнулся.

— Увы, меня море утомило за вчерашній день и вчерашнюю ночь. Я почти не сходилъ съ моей яхты.

Она радостно улыбнулась, она знала, что онъ говорить правду.

— Да, да, конечно. Я вчера видѣла вашу яхту, и мнѣ казалось, что она приближается къ берегу. Я такъ обрадовалась, а потомъ поняла, что напрасна моя радость. Вы ушли въ глубину моря. Зато теперь вы со мной.

Она все еще не выпускала его руки изъ своей.

— Пойдемте. У насъ на балконѣ такъ хорошо. Вы помните? И сегодня такая же чудесная ночь. Огни погашены, но луна намъ свѣтитъ. Скоро конецъ луннымъ ночамъ. Въ ароматной тишинѣ такъ красивы долетающіе издали нѣжные звуки музыки. Пойдемте, пойдемте.

Онъ шелъ за ней. Ему казалось, что она бредитъ наяву. Ея лицо, обращенное къ нему, озаренное луной, сіяло счастьемъ.

— Да, если бы вѣчно длились эти минуты! Увы, онъ исчезаютъ съ быстротою молніи, а тяжкіе дни и ночи ожиданія — такъ долги. Если бы можно было сократить жизнь, оставивъ только лучшіе часы! Она была бы короче, не правда ли? Но такъ лучше!

Вотъ они въ номерѣ. Раиса предложила лорду Дуглей расположиться на диванчикѣ у раскрытой двери балкона.

Электрическая лампочка бросаетъ свѣтъ на его лицо. Почему онъ такъ блѣденъ? Что-то новое въ этомъ лицѣ, словно печать страданія легла на красивыя черты.

— Что съ вами? Вамъ нездоровится или на душѣ тяжело?

Онъ небрежно махнулъ рукой.

— Я, вѣрно, разучился владѣть собою, если даже не умѣю скрыть своихъ страданій!

Ея рука ласково опустилась на его руку.

— Я съ вами была такъ откровенна. Неужели я не заслужила вашей откровенности?

— То, что творится въ моей душѣ, все равно вамъ не будетъ понятно, дорогое дитя. Но если я своимъ совѣтомъ сумѣю улучшить вашу жизнь, то и это принесетъ мнѣ облегченіе. А мнѣ кажется, что вы хотите облегчить мои страданія.

— Только облегчить? — спросила она разочарованно.
— Развѣ ничто не можетъ вамъ помочь?

Онъ отвѣтилъ задумчиво:

— Побольше добрыхъ дѣлъ, побольше счастливыхъ улыбокъ вокругъ меня... Это одно. А еще...

— Что еще? — заглушеннымъ шопотомъ спросила она.

Въ его глазахъ загорѣлись странные огоньки и его блѣдныя щеки вспыхнули.

— Если бы могло совершиться чудо. Если бы могли сбыться сокровенныя мечтанія... Это было бы счастье.

— Эдвардъ, — она невольно назвала его интимнымъ именемъ. — Что могло бы препятствовать вашему счастью? Самыя сокровенныя ваши мечтанія сбудутся. Это я вамъ говорю.

Снисходительная улыбка пробѣжала по его губамъ... но она не замѣтила этой улыбки. Она еще ближе пододвинулась къ нему.

— Я открою вамъ свою душу, Эдвардъ. Или сейчасъ, или никогда.

Она низко склонила голову, а онъ ласково провелъ рукой по ея шелковистымъ волосамъ.

— Говорите все, дорогое дитя. Мое сердце открыто и вы встрѣтите самое искреннее сочувствіе.

— Мнѣ страшно... — пробормотала она.

— Никто никогда не выслушаетъ васъ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ. Страху не должно быть.

— Съ горячимъ сочувствіемъ, — въ блаженномъ упоеніи своего невѣдѣнія повторила она. — Съ горячимъ сочувствіемъ... да, да...

И она заговорила медленно, тихо, какъ въ бреду.

— Все мое прошлое, всѣ неудачи и разочарованія я уже вамъ повѣдала въ первую же нашу встрѣчу. Вы какъ-то сразу завладѣли моимъ довѣріемъ.

— И не раскаиваетесь?

— О, нѣтъ. Наша встрѣча перевернула все мое существованіе, взгляды, мечты. Прошлое разомъ было забыто.

Она вдругъ порывисто приникла къ его плечу.

— Эдвардъ, неужели вы не чувствуете, не понимаете? До встрѣчи съ вами я презирала весь міръ, и вы первый зажгли мое сердце любовью. Съ вами жизнь, Эдвардъ, безъ васъ — смерть. За вами я пойду на край свѣта. Вблизи васъ я готова на всѣ униженія, на всѣ несчастія. Нѣтъ жертвы, которой я вамъ не принесла бы! Я васъ люблю, Эдвардъ.

Роковая минута... роковое молчаніе.

Какъ онъ, считавшій себя сердцеѣдомъ, не понялъ пылкаго женскаго сердца? Непростительная ошибка!

Какъ поступить? Что ей сказать? Однимъ словомъ разрушить ея надежды!

Развѣ онъ приблизился къ ней, чтобы сдѣлать ее еще болѣе несчастной? Надо осторожно коснуться ея сердечной раны, рукою, вооруженной цѣлительнымъ бальзамомъ.

Ахъ, женщина! Развѣ не ясно онъ далъ ей понять въ первую же ихъ встрѣчу, что для обычныхъ земныхъ страстей его душа закрыта? И если бы даже та, прекрасная, не стала на его дорогъ, то все равно эта не зажгла бы въ немъ огня.

Л. БЕЗЪ НАДЕЖДЫ

Молчаніе Эдварда тяготило Раису. Сердце переставало биться, дыханіе замирало. Почему онъ молчитъ?

Но вотъ раздался его голосъ, тихій и ласковый, всегда проникавшій въ ея душу.

— Вы мнѣ открыли свое сердце. Не бойтесь этого. Никто никогда не проникнетъ въ вашу тайну. Въ отвѣтъ

на вашу откровенность, я отвѣчу искренностью, я скажу вамъ то, чего бы не сказала никому на свѣтѣ.

Что-то странное въ его словахъ. Тупою болью отозвались они въ сердца Раисы.

— Когда мы съ вами встрѣтились, я былъ другимъ человѣкомъ: сильнымъ, спокойнымъ, увѣреннымъ въ себя. Самыя сильныя искушенія меня не задѣвали, я съ сожалѣніемъ относился къ этимъ миллиардамъ людей, которые не умѣютъ обуздать свои мелкія страсти. Я вѣрилъ въ свою мудрость и забывалъ, что я только вступаю въ жизнь. Я забылъ, что и меня создала та же великая Рука, которая создала всѣхъ остальныхъ людей. Я забылъ о существованіи законовъ природы, которымъ каждый долженъ подчиниться.

Онъ опустилъ свою отяжелѣвшую, словно налитую свинцомъ голову.

— Безмятежное счастье, о которомъ я вамъ говорилъ, разрушено. Внезапно, съ быстротою молніи. Только одна встрѣча, одинъ взглядъ...

— О комъ вы говорите? — беззвучно спросила она.

— Не все ли равно? Что можетъ сказать имя? Какимъ бы оно ни было, „она“ останется тою же.

И онъ заговорилъ медленно, словно изнемогая подъ тяжестью тоски, страдальческая улыбка змѣилась въ уголкахъ его устъ.

— Вы виновница моего несчастья. Вы меня направили туда, гдѣ я его нашелъ.

— Я?!

— Помните, вы мнѣ рассказали о вашей встрѣчѣ съ дѣвочкой и о вашей бесѣдѣ съ ней. Я сразу догадался, что тамъ я найду своего друга, свою Анну.

— И вы нашли ее?

— Я нашелъ ее, но тамъ я нашелъ и то, что меня сгубило. Когда рушатся идеалы, взлелѣянные съ розовыхъ дней дѣтства и золотой юности, когда вдругъ заколеблется почва подъ ногами, когда весь міръ летитъ въ какую-то пропасть... это гибель!

Глухо звучалъ его голосъ.

— Я ее встрѣтилъ, прекрасную дѣвушку, невинную, какъ голубка, чистую, какъ капля горнаго ручья, гордую, какъ божественный гнѣвъ, прекрасную, какъ мечты. Я полюбилъ ее въ одно мгновеніе... Не отдавая себѣ отчета въ этомъ новомъ для меня чувствѣ.

— А она? — горько спросила Раиса. — Неужели она прошла мимо, не замѣтивъ васъ?

— Что для нея любовь мужчины? И развѣ я когда-нибудь рѣшился бы ей признаться въ своемъ чувствѣ? Что, кромѣ презрѣнія, встрѣтилъ бы я?

Пораженная, Раиса дрожала, какъ слабый лепестокъ въ грозную бурю.

— И „она“ не знаетъ? — поблѣвшими губами спросила Раиса.

— Не знаетъ...

И опять надежда зажглась въ сердцѣ женщины. Не утѣшить ли его Раиса въ горѣ этой призрачной любви?

— Какъ только я взглянулъ въ свое сердце, какъ только понялъ, что люблю ее, какъ безумный, я рѣшилъ разстаться съ нею навсегда. Мы больше никогда не встрѣтимся.

Онъ нѣжно склонился къ горестной Раисѣ:

— Можетъ быть, это васъ утѣшитъ?

Она покачала головой.

— Надежда... Теперь я знаю, что мнѣ уже не вырваться изъ этой жизни. Чего я жаждала? Сломить прошлое, отшвырнуть его далеко, чтобы навсегда его забыть. Чего я хотѣла? Жизни гордой и свѣтлой рядомъ съ любимымъ, которому я могла бы отдать не только свое сердце и свою любовь, но и свое уваженіе, — передъ которымъ я могла бы преклониться. Не торжества я хотѣла, а рабства. И это рабство дало бы мнѣ блаженство. Все кончено! Зачѣмъ говорить о томъ, что кончено?

— Можетъ быть, какъ-нибудь общими силами намъ удастся побороть ваше сердце.

Горькая усмѣшка была ему отвѣтомъ.

— А вы? Развѣ вы сумѣете побороть вашу любовь къ той?

Онъ молча опустилъ голову.

— Почему же вы мое чувство считаете ничтожнымъ? Любви вашей я жажду, а не дружбы. Что дружба для сердца, полного пламенной страсти?

Долго крѣпилась Раиса, стараясь сохранить самообладаніе, но она чувствовала, что силы ей измѣняются. Безпомощная, она откинулась на спинку дивана, закрывъ лицо руками.

Послѣдняя борьба, нѣсколько судорожныхъ движеній, и слезы хлынули изъ ея глазъ.

— Дитя, дорогое дитя...

Его губы братскимъ поцѣлуемъ коснулись ея лба, а она задрожала отъ страсти и томленія.

Онъ отшатнулся, обожженный ея порывомъ.

— Не сегодня, нѣтъ, не сегодня. Я не могу васъ успокоить. Если бы вы могли понять, какъ я глубоко огорченъ. Я хотѣлъ вамъ принести покой, миръ, а принесъ... мятежную бурю. Каждый вашъ вздохъ отражается въ моей душѣ, каждая ваша слеза раскаленной каплей падаетъ на мое сердце. Я растерялся. Я не нахожу словъ утѣшенія. Или, пораженный ядовитой стрѣлой, я потерялъ свою силу? Я приду въ другой день, когда мы оба успокоимся. Вы мнѣ позволите?

— Зачѣмъ?

Какъ безнадежный ударъ погребальнаго колокола, прозвучало это слово.

Еще что-то хотѣла сказать ему она, но спазмы сжимали ея горло, и только безнадежнымъ жестомъ руки она дала ему понять, что просить уединенія.

Еще нѣсколько мгновеній смотрѣлъ онъ на нее, полную отчаянія. Увы, его сердце могло ей предложить только сочувствіе и лучшія пожеланія.

Теперь, когда онъ самъ любилъ, онъ понималъ, какъ оскорбительно сочувствіе въ тотъ мигъ, когда все существо пылаетъ страстью.

Медленно, самъ того не замѣчая, онъ отходилъ къ двери. Раиса опустила руки на колѣни и подняла голову... Его уже не было.

Теперь она могла не сдерживать своего отчаянія. Тяжелымъ свинцомъ давило ее горькое разочарованіе. Можетъ быть, безумныя рыданія облегчатъ эту тяжесть?

Боли, физической боли ей хотѣлось! Она безпощадно царапала свои руки и рвала шелкъ своихъ волосъ.

Самолюбіе! Ея самолюбіе, ея гордость — все растоптано. Если бы „онъ“ не зналъ, то было бы легче. Затаить все въ себѣ, побороть, посмѣяться надъ собой же.

О, ея розовыя мечты, что съ ними стало?

Пойти объ руку съ Эдвардомъ, съ любимымъ, назваться — лэди Дуглей. Сказочное богатство избавило бы ихъ отъ мелочныхъ расчетовъ, щедрой рукой они разсыпали бы вокругъ себя счастье. Его наслажденіе — дѣлать другимъ добро. Какую помощницу онъ нашель бы въ ней! Она безстрашно спускалась бы въ пріюты горя и приносила бы туда утѣшеніе... вмѣстѣ съ нимъ.

Наградой имъ была бы ихъ личная жизнь — вѣчный праздникъ. Въ роскошномъ дворцѣ, среди волшебныхъ садовъ отдыхала бы она отъ чужого горя. Въ дорогихъ нарядахъ сверкала бы ея красота, залитая драгоценностями.

Эдвардъ, обожаемый, прекрасный, осыпалъ бы ее жгучими ласками, дарилъ бы лучшими словами любви. Въ его объятіяхъ познала бы она страсть, настоящую страсть, которая теперь такъ безпомощно кипитъ въ ея крови... безъ отвѣта.

Да, она хотѣла жизни тордой и свѣтлой, а теперь...

Раиса, рыдая, закрыла лицо руками.

Теперь она должна влачить жалкое существованіе рядомъ съ супругомъ, котораго презираетъ.

Лучи разсвѣта уже проникали въ открытую дверь балкона, но Раиса ихъ не замѣчала. Не замѣтила она, какъ тихо растворилась дверь и показался ей супругъ. Онъ не совѣсьмъ твердо стоялъ на ногахъ, дыханіемъ своимъ онъ наполнялъ комнату запахомъ вина.

Онъ замѣтилъ рыдающую, мечущуюся Раису и, пораженный, остановился въ дверяхъ. Хмель разсѣивался.

— Что ты? — грубо и громко спросилъ онъ. — О чемъ ревешь?

Онъ былъ увѣренъ, что ее огорчаетъ его поведеніе и, какъ могъ, старался ее утѣшить.

— Вѣдь я вернулся... перестань же пожалуйста.

Но она уже вскочила. Стыдъ залить кровью ея щеки. Чтобы еще „этотъ“ видѣлъ ея слабость, ея униженіе!

Она выбѣжала на балконъ и закрыла дверь на ключъ.

Пошатываясь, Борисъ Сергѣевичъ подошелъ къ двери, взялся за ручку, толкнулъ ее, но такъ какъ дверь не подавалась, махнулъ рукой и направился въ спальню. Онъ наскоро сбросилъ одежду и черезъ нѣсколько мгновеній раздался его громкій храпъ.

Утро. И первые люди уже появились на улицѣ.

Раиса осторожно прошла черезъ гостиную въ свою комнату. Теперь уже она могла не бояться своего супруга. А когда онъ проснется, оцъ, вѣроятно, забудетъ ночную встрѣчу.

Униженія только начинаются. Ее подчинить мужу матеріальная зависимость. Но прежде съ этой зависимостью было легче мириться. А теперь, когда сердце познало лучшее чувство... какъ теперь будетъ тяжело!

II. ЖЕНА

Послѣ завтрака Сашенька и Марія уединились въ бу-
дуарѣ.

— Ну, рассказывай... что у васъ тутъ новаго?

— Посмотри на меня, Сашенька.

— Смотрю.

— Видѣла ли ты меня когда-нибудь такой счастливой?

— Что тутъ удивительнаго? Великолѣпный климатъ, волшебная природа, роскошная жизнь. И воображаю, какъ о тебѣ заботится твой Эмиль!

— Не тѣ, Сашенька. Ты недогадлива. Сбылись мои самыя лучшія мечтанья.

— Неужели?! Эмиль на тебѣ женится?

Марія душила подругу въ своихъ объятіяхъ.

— Рѣшено. Онъ просилъ моей руки, и я дала согласіе. Это рѣшено. Такіе люди, какъ Эмиль, не шутятъ.

— И съ такой женщиной, какъ ты, шутить опасно, — добавила Сашенька. — Да пусти! Ты меня задушишь.

— Въ этой новости — всѣ мои новости! Все остальное — мелочь, даже моя слава.

Марія небрежно раскинулась на кушеткѣ.

— Ты только подумай, какая это будетъ жизнь! Я жена директора. Я буду царить. Лучшіе литераторы, композиторы, музыканты, критики... все это соединится вокругъ меня и будетъ ждать моей благосклонной улыбки. Я отомщу своимъ врагамъ, жестоко отомщу. Эмиль меня обожаетъ, мое желаніе для него законъ, и все пойдетъ такъ, какъ я хочу. Эмиль богатъ, и потому каждую свою прихоть я могу привести въ исполненіе.

Закинувъ голову, Марія вслухъ мечтала:

— Лучшіе художники будутъ рисовать мои костюмы. Я стану законодательницей модъ. Фабрики будутъ для меня выпускать спеціальныя матеріи. А сколько зависти, Сашенька, сколько зависти вокругъ! Мнѣ, Маріи Мальцевой, приходилось завидовать какимъ-то бездарнымъ ничтожествамъ, такъ пусть же теперь они всѣ лопнутъ отъ зависти!

Сашенька покачала головой.

— Ахъ, Марія, Марія, ты неисправима, ты думаешь не только о своемъ благополучіи, но и жаждешь несчастья другихъ.

— Я только хочу отомстить, — съ улыбкой проговорила Марія.

Въ тѣ же мгновенья, когда Марія предается мечтамъ, Эмиль Руже, задумчивый и грустный, сидитъ на стеклянной верандѣ съ сигарой въ рукѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшилъ свою судьбу, эта грусть его не покидаетъ... словно предчувствіе какое-то.

И въ то же время онъ сознаетъ, что если бы снова пришлось ему рѣшать жизненную задачу, онъ пришелъ бы къ тому же самому. Страсть къ Маріи захватила все его

существо. Послѣдній лучъ, послѣдняя любовь на склонѣ лѣтъ. За нее сердце такъ крѣпко держится.

— Вамъ письмо, monsieur Руже.

Эмиль равнодушно беретъ бѣлый конвертъ.

— Ждутъ отвѣта, monsieur Руже.

— Сію минуту.

Онъ распечаталъ конвертъ. Всего нѣсколько строкъ. Руки Эмиля Руже дрожать, смертельная блѣдность покрываетъ лицо.

„Я пріѣхала. Остановилась въ отелѣ „Эрмитажъ“. Намъ необходимо объясниться. Мое волненіе выше моего самообладанія. Я жду тебя немедленно.

Марго.“

Не поворачиваясь, онъ говоритъ сдавленнымъ голосомъ:

— Скажите, что хорошо. Сейчасъ буду.

Тяжелое предчувствіе сбылось. Марго здѣсь. Надо дать ей отчетъ. Издали это было бы гораздо легче... а теперь!..

Стать лицомъ къ лицу съ женщиной, которая посвятила ему всю свою жизнь, которую онъ беспощадно бросаетъ. Съ нею пережилъ онъ первую любовь, цвѣтущую, какъ весна, и цѣлые годы блаженства. Ей онъ посвящалъ всѣ свои первые труды. Ни одна критика не была ему такъ страшна, какъ критика милой Марго. Умная, образованная, пылко-любящая, она почти никогда не ошибалась въ своихъ сужденіяхъ. Марго была его гордостью. Онъ обманывалъ ее втихомолку, какъ школьникъ обманываетъ своего учителя. И какъ провинившаяся собака, онъ, жалкій самому себѣ, возвращался къ ней. Никогда ни одного упрека. Его семейное счастье было такъ же безоблачно, какъ эта южная ночь... О, это свиданіе будетъ слишкомъ тяжелымъ.

Избѣгнуть его? Скрыться? Написать ей письмо и въ этомъ письмѣ изложить всѣ причины, по какимъ онъ долженъ уклониться отъ личнаго свиданія.

Женщина, оскорбленная такъ, какъ Марго, на все спо-

собна. И, если сознаться самому себѣ, его охватывалъ страхъ не за Марго, а за Марію. Обезумѣвшая, измученная жена, она сюда ворвется, она оскорбитъ Марію, она ихъ разсоритъ!

Да, надо идти... какъ можно скорѣе... пока не помѣшала Марія.

И вотъ онъ робко спрашиваетъ у швейцара отеля „Эрмитажъ“:

— Будьте любезны, скажите, здѣсь остановилась madame Марго Руже?

— Здѣсь, monsieur. Вѣроятно, это васъ онѣ ждутъ? Пожалуйста, monsieur, бельэтажъ, номеръ четырнадцатый.

Онъ идетъ какъ во снѣ. Вотъ и четырнадцатый номеръ. Онъ остановился передъ дверью и разсматриваетъ цифру, долго разсматриваетъ, чтобы выиграть время, чтобы отдалить тяжелую минуту встрѣчи.

— Однако, надо-же рѣшиться. Что за малодушіе.

Онъ постучался.

— Войдите!

Онъ вздрогнулъ. Милый, знакомый голосъ Марго, но въ немъ рѣзкая, надломленная нота.

И опять онъ стоитъ передъ дверью, словно скованный, пока не раздался новый окликъ.

— Войдите-же...

Рука машинально толкнула дверь, и онъ вошелъ какъ во снѣ... Онъ закрываетъ дверь, и ноги его, словно налитыя свинцомъ, медленно подвигаются. Черезъ переднюю онъ входитъ въ салонъ.

Онъ останавливается у порога, опустивъ голову, и боится взглянуть на Марго; онъ только слышитъ легкій шелестъ ея платья.

— Эмилъ, — вырывается изъ сдавленнаго горла.

Онъ поднимаетъ голову, и глаза ихъ встрѣтились. О, эти милые, красивые глаза, какимъ они теперь полны страданьемъ! Какъ въ туманѣ онъ видитъ ея стройную, почти дѣвичью фигурку въ простомъ, элегантномъ костюмѣ, ея

свѣтлую головку, кокетливо причесанную, ея блѣдное лицо, на которое годы и тяжелыя страданія послѣднихъ мѣсяцевъ наложили свою печать. Родная, близкая!

Но вотъ фантазія чертитъ рядомъ съ нею образъ роскошной красавицы, затемнившей его разсудокъ, и въ одно мгновеніе она стала ему чуждой.

Зачѣмъ она явилась сюда, нелюбимая жена? Помѣшать ему? Разрушить его большое, сверкающее счастье?

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не отдастъ того, что ему послано щедрой судьбой. Это его „послѣдній лучъ“!

— Зачѣмъ ты пріѣхала, Марго?

— Ты этого не понимаешь, Эмиль.

Ей хотѣлось ему крикнуть:

„Я пріѣхала спасти тебя“. Но она остановилась.

— До сихъ поръ ты мнѣ еще не подаль руки, Эмиль, а мы съ тобой не видѣлись нѣсколько мѣсяцевъ. Развѣ за это время ты разучился быть вѣжливымъ?

Въ ея натянутой шуткѣ звучали горькія нотки.

— Добрый день, Марго.

Онъ коснулся ея руки.

— Мы всегда можемъ подать другъ другу руку, Марго. Надѣюсь, что мы будемъ уважать другъ друга.

— Еще бы! Я и ты, развѣ это не одно и то же? Мы прожили долгую жизнь душа въ душу. Каждая твоя мысль была моею мыслью. То, что мы пережили съ тобой, не забывается.

— И никогда не забудется, Марго, — подтвердилъ онъ, потупившись.

— Эмиль, — мягко заговорила она. — Я хотѣла бы быть съ тобой вполне откровенна.

Она указала ему на кресло.

— Садись и переговоримъ спокойно. Насколько это возможно.

Онъ покорно сѣлъ, скрестивъ руки на груди, и приготовился слушать. Онъ понималъ, что эту чашу онъ долженъ выпить до дна.

— Прежде всего, Эмиль, мнѣ хотѣлось бы коснуться прошлаго... нѣсколькими штрихами. Когда я встрѣтилась

съ тобой, моя участь была рѣшена. Съ каждымъ часомъ я любила тебя все глубже и пламеннѣе. Первые годы нашего брака, нашего дивнаго блаженства, не забудутся никогда. Нашъ первенецъ, Эмиль, съ какимъ восторгомъ мы встрѣтили его оба! И другія дѣти, одинъ лучше другого. Ихъ четверо! Неужели ты не думаешь о нихъ, Эмиль?

— Дѣти, какъ птенцы, — отвѣтилъ онъ, — мы заботимся о нихъ, пока они въ нашемъ гнѣздышкѣ. Въ этихъ заботахъ не было недостатка, Марго. Потомъ они вырастаютъ и летятъ себѣ, куда имъ вздумается. Гнѣздышко пустѣетъ. Птенецъ оперился, и самъ устраиваетъ свою жизнь, какъ хочетъ.

— Люди не птицы, — возразила Марго, — когда дѣти подрастаютъ, семья не разрушается, — хорошая, честная семья. И потомъ... двое младшихъ еще далеко не оперились. Имъ еще много нужно заботъ, имъ нужна нѣжная, родительская любовь и уваженіе къ тѣмъ, кто далъ имъ жизнь.

— Ты—лучшая мать, Марго, дѣти въ твоихъ рукахъ, и я могу быть за нихъ спокоенъ.

Она чувствовала, что самообладаніе ей измѣняется, но она все-таки боролась съ собой.

ЛII. РАЗРЫВЪ

— Эмиль, — снова послѣ короткаго молчанія заговорила Марго, — вѣдь я была не только твоей возлюбленной, я была твоимъ другомъ. Мы вмѣстѣ работали. Я лелѣяла твой талантъ. Вспомни, сколько вначалѣ было препятствій, сколько мы боролись. Я, слабая женщина, боролась такъ же горячо, какъ ты, мужчина. Или все это забыто, Эмиль?

— Нѣтъ, Марго, э т о не забывается.

Оба молчали, вопросительно глядя другъ на друга. Кто скажетъ первое слово?

— И ты пріѣхала для того, чтобы провѣрить, забыли ли я наше прошлое?

— Я пріѣхала, чтобы спасти тебя. Я получила твое письмо. Въ первое мгновеніе оно поразило меня. Эмиль, сейчасъ я тебѣ открою свою тайну, которую скрывала отъ тебя долгіе годы. Эмиль, я вѣдь догадывалась, я знала, что ты мнѣ измѣняешь. Каждый твой шагъ я знала наизусть. Я молчала. Я была увѣрена, что ты вернешься ко мнѣ, и въ жертву тебѣ и дѣтямъ я приносила свое сердце.

Глаза ея опущены. Ея слова — чуть слышный шопотъ.

— Почему же теперь ты не хочешь такъ же поступить?

— Я не могу...

— Почему, Эмиль? Въ дни нашей молодости еще былъ смыслъ разрывать нашу семью. Можно было создать что-нибудь новое, а теперь...

— Я не могу, — повторилъ онъ.

Волненіе и слезы ея душили, и она напрягала послѣднія усилія.

— Прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ послѣдній шагъ, я навела справки. Эта женщина недостойна твоей любви, она легкомысленная и мѣняла своихъ любовниковъ, какъ перчатки.

— Марго!

— Я не хочу унизить твою любовь. Ты меня знаешь, я умѣла молчать, но правдѣ я никогда не измѣняла. Неужели ты не понимаешь, чего хочетъ отъ тебя эта женщина? Ей нужно твое вліяніе, ей нужна карьера въ Парижѣ.

— Если бы ты ее знала, ты такъ не говорила бы, Марго. Это громадный талантъ, красавица, геніальная женщина. Ея талантъ сдѣлаетъ ей карьеру, ея талантъ вознесетъ и меня на такую высоту, о какой я не смѣлъ мечтать. Насъ соединитъ общій вѣнецъ славы. Ты была прекрасной женой, Марго, но этого ты мнѣ дать не могла.

— Она посмѣется надъ твоими сѣдинами, ея авантюры съ молодыми любовниками покроютъ позоромъ твое славное имя.

— Если бы даже и такъ, я не могу отъ нея отказаться-

ся. За короткое счастье съ нею можно охотно отдать жизнь.

Почва ускользала. Кажется, Марго привела ему всё доводы. Какъ она сразу же не поняла, что все кончено! Къ ея терновому вѣнцу прибавилось еще и это униженіе.

Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ теперь она ухватила за послѣднее.

— Эмиль!

Ея голосъ дрожалъ и прерывался.

— Эмиль, ты долженъ знать, что порываешь съ нами навсегда, и со мной, и съ дѣтьми. Когда я вернусь къ нашимъ дѣтямъ, я имъ скажу, что они потеряли отца.

Онъ молчалъ.

Кроткіе глаза жены вдругъ вспыхнули гнѣвомъ.

— Эта дрянь лишитъ тебя всего и броситъ!

— Перестань, Марго...

— Но тогда все уже будетъ кончено. И мы къ тебѣ не вернемся.

Послѣднія силы отданы, и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Мои малютки... когда я проводила у ихъ изголовья бессонныя ночи, въ тѣ мгновенія ты наслаждался ласками другихъ женщинъ. Я молилась за тебя. И нашихъ дѣтей я учила за тебя молиться. Я учила ихъ уважать тебя, любить, вѣрить тебѣ. А теперь я иду на новую казнь. Я должна имъ открыть правду о тебѣ. Однимъ ударомъ я должна уничтожить все то, что создавала цѣлые годы. Эмиль, Эмиль, неужели въ твоемъ сердцѣ нѣтъ ни капли къ намъ состраданія?

Рыдая, она безпомощно уронила голову.

Когда ея рѣчи звучали гнѣвомъ, когда она указывала на грозящую ему опасность, онъ могъ оставаться хладнокровнымъ. Но теперь, когда она рыдала, какъ безпомощное дитя, — глубокая жалость проникла въ его сердце. Ему стоило только сказать одно слово, чтобы утѣшить ее. Но этого слова онъ сказать не могъ.

— Марго, дорогая, — ласково прошептала онъ, — вѣришь-ли ты, что я страдаю разставаясь съ тобой?

— Развѣ тебя кто-нибудь вынуждаетъ къ этому? Развѣ я мѣшала твоимъ наслажденіямъ? Лишь за одно я держалась крѣпко: я хотѣла сохранить семью. Я хотѣла, чтобы твое имя осталось чистымъ и незапятнаннымъ. И этому я приносила въ жертву свое сердце и свою жизнь. Иногда ты цѣлые мѣсяцы не подходилъ ко мнѣ! Ты избѣгалъ меня. Молодая, красивая, я видѣла цѣлые десятки людей, жаждавшихъ одного моего взгляда, но я ревниво берегла ихъ для тебя. Когда ты возвращался, я встрѣчала тебя такая-же нѣжная, любящая... Ни одного упрека, ни одного слова возмущенія! Я теряла годы для мгновеній. Чему я все это приносила въ жертву? Призраку! Жалкому призраку.

— Марго, твои упреки справедливы... Ты стояла настоящей любви, а я... Я только теперь понялъ настоящую любовь.

Она вдругъ вскочила и порывисто бросилась къ его ногамъ и блѣдными тонкими руками цѣплялась за его колѣни. Какъ жалкая раба ползала она у ногъ этого человѣка, которому отдала всю свою жизнь.

— Эмиль, не бросай насъ, Эмиль!

— Марго!

Онъ насильно ее поднялъ и усадилъ въ кресло.

— Если-бы было возможно что-нибудь вернуть, не надо было бы этихъ униженій. Невозможнаго — не требуй. Любовь моя къ будущей женѣ — стихійная. Она захватила все мое существо. Нѣтъ силы, которая могла-бы меня съ нею разлучить!

Въ судорожныхъ рыданіяхъ билась Марго.

— Если ты хочешь насъ разлучить, убей меня!

Рыданія Марго какъ-то сразу затихли. Она вытерла слезы и поднялась, согбенная, какъ-будто постарѣвшая на многіе годы.

— Ты потерялъ разсудокъ, а сердца у тебя никогда не было. Ты рабъ собственныхъ страстей и низменныхъ наслажденій.

Она выпрямилась, и рука ея твердо указала ему на дверь.

— Ступай. Я выполнила свой долгъ, я сдѣлала все, что было въ моихъ силахъ. Я больше не могу бороться. Я побѣждена, и я это сознаю... Ступай.

— И ты мнѣ не скажешь послѣдняго, добраго „прости“, моя кроткая Марго? — упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Когда вы переступите этотъ порогъ, вы уже потеряете всякое право на меня и на моихъ дѣтей. Если даже обстоятельства переменятся и вы изъ гордаго влюбленного превратитесь въ покинутого и несчастнаго, не пытайтесь стучаться въ нашу дверь. Теперь я сама охотно даю вамъ разводъ. Оставьте меня.

На его взглядъ, полный мольбы, она отвѣтила гордымъ презрѣніемъ. Рѣшено... Кончено... Для нея онъ умеръ, и теперь она спокойно пойдетъ по тому пути, который ей остается.

Глазами полными презрѣнія провожаетъ она своего супруга. Вотъ дверь за нимъ закрылась, и она спѣшитъ повернуть ключъ.

Нѣсколько мгновений стоитъ она, прислушиваясь. Въ отдаленіи замерли его шаги.

Все кончено. Послѣдній актъ трагедіи сыгранъ. Ея руки сразу опустились и повисли, какъ плети. Шатаясь, бредетъ она къ креслу. Ей душно... Она разрываетъ воротъ своей легкой, изящной рубашечки. Опять слезы кажутся градомъ изъ ея глазъ. Все кончено, все кончено!

Теперь никто не услышитъ ея рыданій, никто не помѣется надъ ея гсремъ.

Но вотъ она поднялась. Слезъ уже нѣтъ. На сердцѣ пусто.

Пора и въ путь... Сегодня вечеромъ уходитъ поѣздъ въ Парижъ. Завтра утромъ она опять проснется въ столицѣ Франціи.

Тамъ предстоитъ ей новая мука. Она должна будетъ открыть своимъ дѣтямъ глаза, пусть знаютъ всю правду... Слишкомъ долго страдала она одиноко, молча. Ласки дѣтей ее утѣшать.

Несессерь, наскоро взятый съ собой, уложенъ. Она смотритъ на часы. До поѣзда еще нѣсколько часовъ.

Она ложится на кровать и закрываетъ лицо руками. Въ ея памяти проходить все пережитое.

И свѣтлый день ея встрѣчи съ Эмилемъ, и день ихъ вѣнчанія. Тогда была весна жизни, цвѣтущая, улыбающаяся. И лѣто жизни прошло и осень догораетъ. Такъ горько думать о безцѣльно прожитыхъ годахъ и объ одинокомъ концѣ.

Она вскакиваетъ и мечется, потомъ опять ложится, но горькія думы и печальныя воспоминанія, какъ тѣни, гонятся за нею.

Она вздыхаетъ съ облегченіемъ, когда наконецъ наступаетъ часъ отъѣзда.

Позвонила, потребовала счетъ, уплатила, приняла сдачу, одѣлась и вышла. Все машинально, а горькія думы слѣдуютъ за нею неотступно, какъ тѣни.

Вотъ и вокзалъ, шумный, нарядный. Насилу дождалась Марго своего поѣзда. Передала билеты кондуктору и заперлась въ отдѣльномъ купѣ.

„Впередъ — къ Парижу, къ новой, одинокой жизни!“ стучать колеса поѣзда.

Марго невольно прислушивается къ этому монотонному стуку... Увы, печальныя думы бѣгутъ за нею, какъ тѣни. Не уйдешь отъ нихъ, не уйдешь никуда!

Разставшись навсегда съ женой и со своимъ прошлымъ, Руже быстро направляется къ виллѣ Маріа. Горе Марго отдается въ его сердцѣ и въ то же время словно какой-то тяжелый камень свалился съ его плечъ. Теперь ужъ нѣтъ лжи въ его жизни, онъ свободенъ, онъ свободенъ, онъ весь принадлежитъ Маріи. А Марго? а дѣти? нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ не надо думать!

ЛIII. ВЪ ВОДОВОРОТѢ

Быстро мелькаетъ пестрая, шумная жизнь, она проносится, какъ панорама. Алиса постепенно въ нее втягивается.

— Вы словно созданы для шумной, свѣтской жизни, — смѣется Вецкая. — И подумаешь, что столько лѣтъ вы провели въ тишинѣ и уединеніи!

— Наверстаю! — бравурно восклицаетъ Алиса.

Едва только успѣваетъ подняться утромъ, нарядная спѣшитъ на прогулку, потомъ вмѣстѣ съ Вецкой осматриваетъ модные магазины. Только что полученные изъ Парижа новинки ей часто посылаютъ на домъ.

По нѣсколько разъ въ день она мѣняетъ туалеты, словно наслаждается своей красотой въ этихъ разныхъ изящныхъ рамахъ.

Въ два часа — завтракъ. Княгиня Рубини изобрѣтательна, каждый день что-нибудь новое...

Теперь и у Алисы масса знакомыхъ. Пестрой кинематографической лентой мелькаютъ они, — молодые и старые, красивые и некрасивые, но всѣ элегантные и утонченные. Всѣ они умѣютъ веселиться и наслаждаться жизнью. Пестрымъ хороводомъ они кружатся въ золотой пыли.

Завтракъ, прогулка, пикникъ, катанье, парадный обѣдъ, спектакли, вечеринки — все это мчится одно за другимъ, бѣшено мчится, и день уходитъ за днемъ и уноситъ частицу жизни!

Княгиня Рубини всегда находитъ тысячу причинъ, чтобы поѣхать въ то или иное мѣсто. Тутъ премьера, тамъ появился интересный музыкантъ, гдѣ-то разысканъ замѣчательный поваръ, въ другомъ мѣстѣ интересная гадалка... всѣхъ причинъ и не пересчитать.

Богатство Алисы, ея красота, образованіе, молодость, какъ магнитъ, притягиваютъ къ ней княгиню Рубини. У этой жены дипломата особенное умѣнье сближаться съ людьми. Теперь она обращается съ Алисой болѣе фамиллярно, чѣмъ съ Вецкой.

— Васъ надо выдать замужъ, мой дружокъ, — твердитъ княгиня Рубини. — Жизнь женщины начинается только съ замужествомъ.

Алиса густо краснѣетъ.

— Ахъ, вы еще совсѣмъ дитя. Ну да, жизнь женщины

начинается только съ замужества. Я вамъ представила цѣлый рядъ блестящихъ кавалеровъ. Неужели никто изъ нихъ вамъ не нравится? Я знаю, что каждый готовъ положить къ вашимъ ногамъ свое сердце и свое имя.

Алиса, краснѣя, качаетъ головой.

— Вамъ надо выйти замужъ за богатаго, потому что вы сами богаты. Если вы выйдете за бѣдняка, то отравите себѣ существованіе мыслью, что ему нужны были ваши деньги, а не ваше сердце. Это — первое. Во-вторыхъ, вашъ мужъ долженъ быть титулованнымъ. А теперь, скажите мнѣ откровенно, хотѣли бы вы мужа молодого и красиваго, или симпатичнаго, пожилого? Я остановилась бы на второмъ. Красивыхъ и молодыхъ поклонниковъ вы и не перечтете, а пожилой мужъ будетъ заботиться о васъ и дать вамъ положеніе.

— Я смѣюсь, княгиня, а если вы продолжите эту бесѣду, я буду плакать.

— Не буду, не буду, знаю, что васъ надо постепенно подготавливать къ этой мысли.

И опять начиналась суета блестящей жизни.

Прошло нѣсколько дней... Алиса не знала имъ счета. Можетъ быть, недѣля, а можетъ быть и больше.

Нарядная, стояла она передъ зеркаломъ, натягивая перчатки.

— Вамъ письмо, миссъ, — появилась Люцина. — Вѣроятно, отъ мистриссъ Анны, его привезъ одинъ изъ нашихъ слугъ.

Алиса поспѣшно схватила конвертъ, она ему обрадовалась, какъ старому знакомому. Да, почеркъ Анны.

„Моя дорогая Алиса, обидно, что такъ и не удалось дожидаться твоего приѣзда на виллу. Когда ты получишь это письмо, быстрый поѣздъ уже будетъ мчать меня въ другую сторону, все дальше и дальше отъ этого веселаго края. Думаю о тебѣ и молюсь за тебя. Пока ты наслаждаешься разсѣянной, пестрой жизнью, я тебѣ не нужна. Но когда сойдетъ позолота и ты раскусишь горькую пи-

люлю, вспомни обо мнѣ. Прилагаю адресъ. Да благословить тебя Богъ, дорогое дитя. Крѣпко цѣлуетъ тебя
твоя Анна“.

Отъ этого письма вѣяло тихой грустью, спокойствіемъ и кротостью. словно на нѣсколько мгновеній исчезъ этотъ роскошный, шумный отель. И словно Алиса снова очутилась въ легкомъ бѣломъ одѣяніи, среди роскошнаго сада, среди божественной тишины.

— Отвѣта не будетъ, миссъ?

Алиса вздрогнула. Очарованіе исчезло. снова она вернулась къ дѣйствительности.

— Некому отвѣчать, Люцина. Анна вчера уѣхала.

— Мистриссъ Анна? Куда же?

— Это ужъ ея дѣло, Люцина. Она намъ не даетъ отчета. Отпусти слугу и скажи ему, чтобы завтра насъ ждали. Надо навѣстить маленькую Мэдждъ. И княгиня Рубини давно ужъ проситъ устроить завтракъ на моей виллѣ.

— Вегетаріанскій завтракъ? — наивно спросила Люцина.

— О, нѣтъ, — улыбнулась Алиса, — самый европейскій, настоящій утонченный завтракъ. Старшій поваръ закажетъ его по своему усмотрѣнію. Насъ будетъ чловѣкъ тридцать. Распорядись, Люцина.

Бурнымъ весельемъ Алиса старалась прогнать тоску, внезапно ее охватившую.

— О, это прошлое, — шептала Алиса, — однимъ своимъ прикосновеніемъ оно отравляетъ мою жизнь!

— — — — —

Шелъ шестой часъ, когда шумный, веселый завтракъ подходилъ къ концу. На этотъ разъ компанія прожитателей жизни собралась въ красивомъ палаццо княгини Рубини.

Хозяйка высоко подняла бокаль, наполненный пѣнившимся шампанскимъ.

— Теперь, господа, предоставляю вамъ полную свободу. Дорогие гости, веселитесь, какъ умѣете. Отдыхайте,

если устали. Вечеромъ мы ѣдемъ въ театръ и увидимъ новую оперу Рауля Гинзбурга. Говорятъ, пикантное содержание и опера напоминаетъ оперетку.

Гости благодарили хозяйку, а она, улучивъ минуту, подошла къ Алисѣ.

— Вы мнѣ сегодня не нравитесь, дружокъ, — проговорила она, обнимая молодую дѣвушку. — Веселье ваше нервное, и нѣтъ-нѣтъ, налетитъ облачко грусти на ваше личико. Вы недовольны? Можетъ быть, надо пожурить слишкомъ смѣлаго поклонника?

— Поклонниковъ я умѣю держать на разстояніи, — гордо улыбнулась Алиса, — просто я устала и съ удовольствіемъ отдохну, если вы позволите.

— Я и сама устала, — созналась княгиня, — потому и предложила своимъ милымъ друзьямъ полную свободу. Пойдемте. Черезъ аллею розъ мы проберемся незамѣтно къ маленькой верандѣ, а оттуда въ одинъ изъ моихъ будуаровъ. Тамъ найдется мѣсто для насъ обѣихъ. Вы ничего не имѣете противъ моего общества?

— О, княгиня!..

— Я вамъ не помѣшаю отдыхать...

По аллеѣ розъ онѣ прошли черезъ кокетливую веранду въ обширный блѣдно-розовый будуаръ. Тамъ все было приготовлено къ отдыху. Двѣ оттоманки, покрытыя шелковыми простынями и подушками. Шторы спущены. Большой розовый фонарь зажженъ.

Въ розовомъ полумракѣ таинственными, неясными очертаніями выступаетъ изящная комната. Посрединѣ накрытъ столъ, уставленный фруктами, конфектами и замороженнымъ виномъ. Около каждой оттоманки маленькій столикъ съ десертнымъ приборомъ и кипой новыхъ журналовъ. Тутъ-же пепельница, тонкія дамскія папироски и маленькія ароматныя сигаретки.

Княгиня, посмѣиваясь, наполнила большіе бокалы шампанскимъ.

— За ваше здоровье, прекрасная фея, и за мое!

Маленькій червячокъ тоски все еще шевелился въ сердцѣ Алисы, и она осушила свой бокаль. Кто знаетъ, мо-

жать быть, опьяняющее, холодное вино зальетъ, погасить эту боль?!

Ея голова уже немножко кружилась отъ вина, выпитого за обѣдомъ, а теперь, конечно, кружилась еще больше....

— Я совсѣмъ пьяна, — пробормотала она.

— Ложитесь и постарайтесь заснуть, когда проснетесь, отъ опьяненія не останется и слѣда.

Алиса послѣдовала совѣту княгини, но вино не усыпило ее, напротивъ, приподняло нервы.

— Мнѣ не спится...

Княгиня внимательно заглянула въ глаза Алисы.

— Васъ что-то тревожить?

— Я ищу чего-то... сама не знаю чего... и не нахожу.

Княгиня расхохоталась.

— Какъ вы можете найти, когда не знаете, что ищете?

— Я тоскую. Рана сердца не заживаетъ.

Княгиня насторожилась, любопытная и любящая чужія тайны.

— Рана?

— Я жила въ тишинѣ, въ божественной тишинѣ, — какъ въ бреду говорила Алиса. — Тамъ было счастье, — безмятежное... Я имъ не дорожила, я принимала его какъ должное. Темная туча показалась вдаль, на безоблачномъ небѣ, — я ее не замѣчала. Я опомнилась, когда мое сердце уже было разбито.

Въ порывѣ отчаянія она схватилась за голову.

— Зачѣмъ онъ явился? Зачѣмъ онъ такъ красивъ? Зачѣмъ его взоръ проникъ въ мою душу?

Ея губы произносили чье-то имя, но такъ тихо-тихо.

Княгиня Рубини соскользнула на коверъ. Она уловила это имя — „Эдвардъ“. Но губы Алисы уже не шевелились.

Когда княгиня подняла голову, глаза Алисы были закрыты, скованные глубокимъ сномъ.

LIV. ЛУЧЪ

— Алиса, дорогой другъ, проснитесь! Приѣхали ваши горничныя во главѣ со знаменитой горбуньей и привезли туалетъ отъ Sandias. Уже половина восьмого и у насъ едва хватитъ времени, чтобы переодѣться.

Послѣ долгихъ усилій княгинѣ Рубини удалось разбудить Алису.

— Ахъ, какъ жаль, какъ мнѣ не хотѣлось просыпаться. Какой сонъ! Если бы дѣйствительность была хоть отчасти похожа...

Лукавые огоньки заискрились въ глазахъ княгини, склонившісь надъ розовымъ ушкомъ Алисы, она прошептала:

— Я знаю, кого вы видѣли во снѣ: Эдварда.

Это имя взволновало Алису. Лицо покрылось блѣдностью, широко открытые глаза изумленно смотрѣли на княгиню.

— Это имя?

— О, какъ оно близко вашему сердцу! Вы его произнесли во снѣ.

— Во снѣ?

— Въ сладкомъ бреду, посланномъ вамъ опьяненіемъ!

— Имя, — съ трудомъ проговорила Алиса, — одного моего стараго друга, маленькая тайна моего дѣтства.

Княгиня лукаво погрозила.

— Не оправдывайтесь, дружокъ, я вѣдь не стараюсь проникнуть въ вашу тайну.

И она добавила, смѣясь:

— Только теперь я каждого „Эдварда“ буду осматривать съ особымъ любопытствомъ.

Алиса покачала головкой.

— Этого Эдварда вы никогда не встрѣтите, онъ слишкомъ далеко... Это бѣдный старикъ...

Алиса окончательно запуталась.

— Даже старикъ! — расхохоталась княгиня. — Вы меня считаете совсѣмъ наивной... О старикъ не бредить съ такую страстью и съ такимъ упоеніемъ.

— Вы все шутите, княгиня.

— Можно позвать вашу горбунью?

— Ахъ, да, Люцину... пожалуйста.

Явился цѣлый штатъ горничныхъ съ картонками, во главѣ съ Люциной. Горбунья держала въ рукахъ шкатулочку.

Княгиня съ любопытствомъ разсматривала новый туалетъ Алисы отъ Sandras.

— О, это какая-то мечта!

Серебристо-розовая ткань, съ изумительной фантазіей украшенная кружевомъ и зеленоватымъ бархатомъ!

— Такъ просто и такъ очаровательно!

Княгиня предложила Алисъ пеньюаръ и парикмахера.

Очаровательная голова причесана по послѣдней модѣ виртуозной рукой. Толпа горничныхъ помогаетъ Алисъ одѣться.

Въ полчаса молодая дѣвушка уже готова. Люцина взгромоздилась на стулъ и застегиваетъ чудесное ожерелье изъ брилліантовъ и изумрудовъ. Драгоценная коронка уже сверкаетъ въ волосахъ Алисы. Царственной роскошью большое горностаевое боа покрываетъ ея обнаженные плечи.

Ярко освѣщенъ театральнѣй залъ. Алиса входитъ объ руку съ княгиней Рубини. Всѣ взоры устремляются на молодую американку.

Алиса небрежно опускается въ кресло, княгиня рядомъ съ нею. Ихъ окружаетъ цѣлая свита блестящихъ кавалеровъ.

Антрактъ.

— Пройдемте въ игорные залы, — предлагаетъ княгиня, — въ ожиданіи слѣдующаго акта мы „сразимся“ съ княземъ Монакскимъ.

Всѣ охотно поднимаются.

Вышли изъ театрального зала въ большое фойэ, а оттуда направляются въ игорный залъ.

Большія лампы висятъ надъ длинными столами и ярко освѣщаютъ цифры, золото и склоненныя головы.

Компанія княгини Рубини располагается по разным уголкамъ.

Алиса открыла свой ридикюль, осыпанный брилліантами, и бросила горсть золота на „зеро“.

Вышло „пять“. Ея золото забрали, она зѣвнула и отошла въ сторону.

Медленно проходила она межъ столовъ. Повсюду одна и та же картина. Игроки поглощены игрой, охвачены азартомъ. Холодно, съ презрѣніемъ смотритъ на нихъ Алиса... и вдругъ...

Она закусилла губы, чтобы заглушить крикъ, готовый сорваться...

Въ нѣсколькихъ шагахъ она увидѣла Эдварда; онъ стоялъ у одного изъ столовъ, наблюдая. Его брови были сдвинуты. Грустная тѣнь стелилась по лицу, въ свѣтлыхъ глазахъ отражалась тоска.

Сердце остановилось въ груди Алисы. Онъ ее не видитъ. Заговорить съ нимъ? Сердце вдругъ забилося, запрыгало. Какъ онъ къ ней отнесется? Узнаетъ-ли?

Она осторожно обошла его и стала за его спиной. Онъ нервно передернулъ плечами, какъ-будто почувствовалъ ея пронизывающій взглядъ.

— Лордъ Дутлей, — тихо позвала она.

Онъ обернулся. Глаза ихъ встрѣтились. Облачко грусти растаяло на его лицѣ. Тоски въ глазахъ какъ не бывало, словно озарилъ ихъ яркій солнечный лучъ. Улыбка счастья засверкала на его устахъ.

— Алиса!

О, никогда еще такъ сладко не сжималось ея сердце. Ея руки потянулись къ нему и встрѣтились въ пожатіи. Нужно было все самообладаніе, чтобы не броситься къ нему, не приникнуть головой къ его груди, не заплакать отъ счастья. Волшебное мгновеніе... но только мгновеніе.

Улыбка погасла на его лицѣ, брови сурово сдвинулись, глаза потемнѣли, словно разомъ превратились въ черную бездну. Руки отдернулись отъ ея рукъ и повисли, какъ плети.

— Вотъ гдѣ намъ пришлось встрѣтиться, миссъ! Вы здѣсь однѣ?

Въ недоумѣніи она растерянно отвѣтила:

— Нѣтъ, не одна. Со мной княгиня Рубини, ея супругъ и...

— Не продолжайте, — остановилъ онъ ее жестомъ, — я знаю княгиню Рубини и знаю, какой цикль блестящихъ именъ вы сейчасъ перечислите. Итакъ, вы попали въ самый водоворотъ шумной, блестящей жизни! Вы всегда къ этому безсознательно стремились.

Горечью зазвучалъ его голосъ.

— Какъ бы ни были мудры люди, ихъ воля тутъ безсильна... а у васъ и доброй воли не было.

Каждой фразой онъ смертельно оскорблялъ ее. За что? Она его встрѣтила такимъ порывомъ счастья! Его, такъ ранившаго ея сердце! Чего же онъ еще хочетъ? Растоптать ея самолюбіе? Это ему не удастся! Она сумѣетъ взять себя въ руки, чего бы это ни стоило! Если нѣтъ счастья и любви, то и презрѣнія не надо.

— Когда вы были близки Аннѣ и той жизни, которую она для васъ создала, — безпощадно продолжалъ онъ, — вы были мнѣ понятны и, можетъ быть, дороги. Теперь... что вы сдѣлали съ собою? Отдасте-ли вы себѣ отчетъ въ вашемъ безуміи?

— Довольно! — гордо остановила его Алиса. — Кто далъ вамъ право меня осуждать?

— Моя любовь къ Аннѣ, вы ей нанесли ударъ.

— Да, да, я знаю... Анна и вы хотѣли сдѣлать изъ меня манекень. Вы оба взбѣшены, что это вамъ не удалось.

— Что вы говорите?

— Правду. Анна могла распоряжаться своею жизнью, но не моею. Она безцеремонно захватила власть надъ мной. Почему я должна была принести въ жертву ея идеямъ свою молодость?

Блѣдный, потемнѣвшими глазами онъ обвелъ шумный игорный залъ.

— Здѣсь вы находите жизнь?

— Я не знаю жизни, но я ищу ее. И найду. Я хочу

веселья, поклонения... Хочу пользоваться роскошью и культурой. Развѣ я на это не имѣю правъ?

— Всѣ права, — усмѣхнулся онъ. — Вы молоды, прекрасны, богаты, образованы. И всѣ эти сокровища вы бросаете въ грязь, въ пыль. И вы будете забавляться, когда тысячи ногъ будутъ топтать и вашу красоту, и всѣ щедрые дары природы!

— Вы забываетесь!

— Простите, миссъ...

Онъ вдругъ какъ-то весь съежился.

— Вы правы... Какое мнѣ дѣло до всего этого? Почему я горячусь?.. Наши дороги различны. Одинъ разъ мы уже разошлись въ разные стороны...

— То-есть, вы бѣжали! — вырвалось у нея.

— Бѣжалъ. Я впервые увидѣлъ передъ собой опасность и потому бѣжалъ.

— О какой опасности вы говорите?

— О, нѣтъ, не старайтесь заглянуть въ глубину сердца, которому вы нанесли тяжелую рану. Въ самоотверженіи я почерпну бальзамъ, который ее залѣчитъ... А теперь... прощайте навсегда!

— Лордъ Дуглей!

На мгновенье онъ остановился.

— Чѣмъ могу служить, миссъ?

Она молчала.

Еще разъ онъ корректно поклонился.

— Лордъ Дуглей! — снова позвала она въ невольномъ порывѣ.

И опять онъ остановился.

Глаза ихъ встрѣтились. И ей казалось, что въ его глазахъ она читаетъ глубокое презрѣніе. Ея гордость уязвлена!

— Я найду свою долю. Не тамъ, среди мертвой тишины и отвлеченныхъ исканій, а здѣсь, среди блеска, шума и поклоненія. А вѣнецъ счастья — любовь... и любовь придетъ!

Третій корректный поклонъ.

— Меня это не касается, миссъ... Прощайте навсегда...

Онъ круто повернулся и быстро направился къ выходу, какъ-будто боялся, что Алиса его остановить новымъ призывомъ.

— Веселье меня утѣшить! — бравурно бросила она ему вслѣдъ, но онъ уже не слышалъ ея словъ.

Алиса стояла на видъ холодная и неподвижная, но въ сердцѣ рыдала каждая струна. Онъ ушелъ, навсегда ушелъ.

Чѣмъ утишить эту боль? Поможетъ-ли веселье?

— Алиса, пойдемте, — сейчасъ начинается второй актъ.

Въ голосъ княгини Рубини слышалось игривое веселье.

— Вы подумайте только, сегодня мнѣ удалось выиграть у князя Монакскаго десять тысячъ франковъ. Великолѣпно! Не правда-ли?

Онѣ направились къ театральному залу. Теперь только глаза княгини встрѣтились съ безучастными глазами молодой дѣвушки.

— Что съ вами, дружокъ?

— Мнѣ скучно... люди азарта нагнали на меня тоску... Опера, которую мы слушаемъ, — отвратительна. Мнѣ хочется веселья!

— Какъ же васъ веселить, дружокъ? — съ недоумѣніемъ спрашиваетъ княгиня. — Кажется, мы дѣлаемъ все, что полагается по программѣ веселья.

— Мнѣ пришла въ голову мысль... — вдругъ остановилась Алиса.

— Если удачная, я поддерживаю ее съ восторгомъ!

— Дослушайте оперу, а я ѣду домой и прикажу, чтобы приготовили ужинъ на моей виллѣ. Отъ моего имени приглашайте все наше общество.

— Bravo, bravo! Вы становитесь изобрѣтательны, дружокъ! Не только одобряю, но и принимаю съ восторгомъ вашу мысль.

— Мы проведемъ всю ночь въ весельи!

Глаза Алисы лихорадочно горятъ.

— Такъ поѣзжайте и все устраивайте. Черезъ часъ направимся и мы слѣдомъ за вами.

Княгиня Рубини провожаетъ глазами удаляющуюся Алису.

— Странное существо, — бормочетъ княгиня.

LV. ЗАБВЕНІЯ

— О, да ты такъ рано залегла спать! — шумно ворвалась въ спальню Вецкой Алиса. — Вотъ почему ты отказалась отъ сегодняшняго спектакля. Нѣтъ, голубушка, видно со мной не отдохнешь!

— Право, Алиса, я начинаю думать, что ты сходишь съ ума, — бормотала сквозь сонъ Елена Павловна.

— Отговорки тебѣ не помогутъ! Одѣвайся. Мы сейчасъ ѣдемъ.

— Куда?

— На нашу виллу. Справлять тризну по случаю внезапнаго отъѣзда Анны.

Алиса позвонила.

— Люцина, пошли Жанну, чтобы она помогла одѣться *madame Hélène*. А ты уложи все, что я тебѣ прикажу, и поѣдешь на нашу виллу.

— На нашу виллу? — обрадовалась Люцина.

Вецкая уже окончательно проснулась и поспѣшно одѣвалась. Она бросала безпокойные взгляды на Алису. Кажется, никогда еще молодая дѣвушка не была такой нервной и возбужденной.

Лихорадочныя пятна выступали на щекахъ Алисы, и глаза ея мрачно горѣли.

— Что же прикажете взять съ собой, миссъ?

— Нѣсколько туалетовъ, Люцина, самыхъ разнообразныхъ. Всѣ мои туалетныя вещи, все, къ чему я привыкла.

Быстро мчитъ автомобиль Алису и Вецкую къ Ниццѣ.

— Въ чемъ дѣло, Алиса? — недоумѣваетъ Вецкая. — Ты поѣхала въ театръ, не дослушала оперу, примчалась какая-то странная, вытащила меня съ постели...

— Хочу веселиться, хочу забвенія!

— Въ тишинѣ ты ищешь веселья?

— О, какъ ты наивна! Вся наша компанія, во главѣ съ княгиней Рубини, слѣдуетъ за мной. Люцинѣ отданы всѣ приказанія, и я встрѣчу гостей ужиномъ. Пусть звенитъ веселый смѣхъ, пусть рѣкой льется шампанское! Или ты думаешь, нѣтъ той силы, которая заставила бы меня все забыть?

Она нервно ударила себя въ грудь.

— Но гдѣ же причина?

— Когда слѣдуетъ повеселиться, сама судьба помогаетъ этому... Какая-нибудь случайная встрѣча...

— Ты встрѣтилась съ лордомъ Дуглей?

— Какъ ты догадлива, — голосъ Алисы звучалъ ироніей.

— Вотъ оно что!

— Пожалуйста, не спрашивай, не вывѣдывай. Ты сразу испортишь мое настроеніе.

— Врядъ-ли тебя утѣшитъ этотъ кутежъ.

— Я придумала „новенькое“. Я хочу смѣшать свое настоящее и прошлое. Въ этомъ — доля пикантности! Луна намъ измѣнила, мы ее замѣнимъ блескомъ электричества. Парижскія модели мы замѣнимъ бѣлыми одѣянными невинности.

Она крѣпко сжала руку Вецкой.

— Нѣтъ, ты только подумай, тотъ же берегъ, тотъ же садъ, то же одѣяніе, можетъ быть, сохранившее ароматъ его случайнаго прикосновенія... и эта жизнь, полная блеска и веселья! Шипучее опьяняющее шампанское — вмѣсто кокосоваго молока. Мясо, брызжущее кровью, — вмѣсто риса и плодовъ. Въ этомъ контрастѣ я найду новое ощущеніе.

— А потомъ... когда наступитъ отрезвленіе, все это тебѣ покажется кошунствомъ.

— Можетъ быть... не думаю. Все равно, какой бы ни было цѣной... на сегодня я хочу забвенія...

Вилла утонула во мракѣ, и только кое-гдѣ въ нижнемъ этажѣ свѣтились скромные огоньки.

Любопытные взгляды слугъ уже не смущали Алису, она привыкла къ толпѣ.

— Все ярко освѣтить, готовить ужинъ, накрывать столы въ саду, убрать ихъ цвѣтами, заморозить вино! — повелѣвала она.

Вотъ она въ своей дѣвичей спальнѣ, гдѣ въ каждомъ уголочкѣ притаились ея первыя дѣвичьи грезы.

Алиса не могла побѣдить невольнаго волненія, глаза ея закрылись и она прислонилась къ стѣнѣ.

Онѣ окружали ее, — тѣни недавняго прошлаго. И кроткая Анна съ просвѣтленнымъ лицомъ, и Эдвардъ, — стройный, красивый, — согрѣвший ее своимъ восторгомъ.

Надо овладѣть собой! Дрожащими пальчиками сбросила Алиса свой туалетъ и замѣнила его бѣлой туникой. На босыя ножки она надѣла сандалии, распустила волосы, стѣсненные модной прической, нѣсколькими золотыми шпильками превратила ихъ въ греческій узелъ.

Старая одежда напомнила старыя грезы.

Опустивъ голову, медленно шла Алиса къ павильону.

У дверей ее встрѣтила сестренка Люцины. Все здѣсь по-старому! На маленькомъ столикѣ Алиса находить бѣлый листокъ бумаги, испещренный нѣсколькими строками.

„Здравствуй, моя дорогая Алиса. Издали я привѣтствую твое появленіе. Дорогой мой другъ, вѣрь мнѣ, — наша благодѣтельная тишина дороже безтолковой и блестящей сутолоки. Ты вернешься къ этой тишинѣ, я слишкомъ хорошо знаю твое хрустальное сердечко. Здравствуй, моя дорогая Алиса. Тебя привѣтствуетъ любящая тебя — Анна“.

Съ глубокимъ волненіемъ нѣсколько разъ Алиса перечитала эти строки. Глазами, полными умиленія, она обводила комнату. Вдругъ вздрогнула всѣмъ тѣломъ, охваченная воспоминаніями. Тутъ сладко спала она, ей грезился какой-то неясный ласкающій сонъ, а когда она открыла глаза, то впервые увидѣла лорда Дуглей. Могучая искра тогда зажгла ея сердце, залила кровью ея щеки, наполнила душу смущеніемъ и тѣло сладкимъ трепетомъ.

Тутъ они вмѣстѣ ужинали въ послѣдній разъ. На этомъ стулѣ сидѣлъ лордъ Дуглей.

Идетъ дальше. Вотъ арфа. Лордъ Дуглей самъ поставилъ ее сюда въ послѣдній разъ. Алиса порывисто наклоняется и жарко цѣлуетъ мертвыя золотыя струны.

Опять краска заливаетъ ея щеки, словно она стыдится своего порыва. По ступенькамъ спускается она въ садъ къ морю. Этой дорогой она шла вмѣстѣ съ нимъ.

Невольно приближается она къ площадкѣ, защищенной каменной стѣной, гдѣ, какъ тоскующая Сафо, распѣвала она свои пѣсни.

Послѣдній разъ она пѣла только для него и думала только о немъ. И слезы обожгли ея глаза.

И тогда простерла она руку къ морю. Тамъ она видѣла очертаніе яхты и стройную фигуру. Сегодня этого нѣтъ!

Ей вспомнился его надменный взоръ, его оскорбительный голосъ. Оскорбленія звучали въ ея ушахъ. Они развѣяли грустное очарованіе, ее околдовавшее.

— Къ веселію!

И она снова направилась къ дому. Навстрѣчу ей бѣжала Люцина.

— Миссъ, гости пріѣхали!

— Все-ли готово?

— Все готово, миссъ.

Какъ по мановенію волшебнаго жезла, ярко зажглись огни, озарили вишню и волшебный садъ. Свѣтло, какъ днемъ.

— Какъ вы обаятельны, Алиса! Какое очаровательное одѣяніе! Здѣсь, въ вашемъ саду, все дышитъ древней Элладой. Право, тогда люди умѣли жить не хуже насъ!

Княгиня Рубини нѣжно цѣлуетъ Алису.

Гдѣ-то близко вдругъ раздаются веселые звуки струннаго оркестра. Упоительный вальсъ, весело посмѣиваясь, звенитъ въ воздухѣ.

— Это что? — съ удивленіемъ прислушивается Алиса.

— Это нашъ сюрпризъ! — объявляетъ княгиня Рубини. — Мы захватили съ собой музыкантовъ и пѣвцовъ.

Эlegantные гости окружаютъ молодую хозяйку, всё восхищаются ея вилой и этимъ „новымъ“ одѣяніемъ.

Веселый пиръ, шумные тосты, вино льется рѣкой.

Съ бокаломъ въ рукѣ опьяненная Алиса направляется къ берегу. Гости за ней.

— Люцина, мою арфу!

Вотъ она на площадкѣ. Тонкіе пальцы пробѣгаютъ по золотымъ струнамъ. Раздались первые звуки ея волшебной пѣсни.

Веселые гости притихли. Расположились вокругъ Алисы съ недопитыми бокалами въ рукахъ.

Какъ красиво звучитъ ея пѣсня. Сначала бравурная, потомъ полная надрыва.

Ярко освѣщенъ берегъ виллы огнями и не видно съ берега морской дали. Темно тамъ.

Вотъ мелькнулъ голубой огонекъ... и ясно видны очертанія яхты и стройной мужской фигуры.

Разомъ оборвался аккордъ, и пѣсня оборвалась. Со звономъ падаетъ и разбивается недопитый бокалъ. Съ грохотомъ валится арфа и стонутъ золотыя струны.

Быстро удаляется бѣлая фигура Алисы и съ удивленіемъ смотрятъ ей вслѣдъ опьянѣвшіе глаза гостей.

— Съ ея странностями надо мириться, — говоритъ княгиня Рубини. — Господа, будьте какъ дома.

А Алиса въ своей спальнѣ рыдаетъ на груди Вецкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, это выше моихъ силъ. Куда мнѣ уйти отъ моего сердца, отъ этихъ страданій и слезъ? Вецкая утѣшаетъ Алису, какъ можетъ.

— Самое лучшее уѣхать отсюда, — мудро рѣшаетъ она.

— Куда? Куда уѣдешь отъ самой себя?

— Поѣдемъ въ Парижъ. Ты еще не видѣла этого очаровательнаго города, Алиса. Въ немъ такъ много разнообразія и легче найти забвеніе.

— Да, въ Парижъ, — лихорадочно вытираетъ слезы Алиса. — И скорѣе, скорѣе. Мнѣ душно здѣсь. Я изнемогаю. Мнѣ опротивѣла эта толпа прожитателей жизни.

Мнѣ кажется, я ненавижу княгиню Рубини. Бѣжать, скорѣе бѣжать!

Она ломаетъ руки Вецкой.

— Я его видѣла сегодня. Съ какимъ презрѣніемъ говорилъ онъ со мной. Я, забывая свою гордость, шла ему навстрѣчу, а онъ оттолкнулъ меня, какъ ничтожество.

И опять она горько рыдаетъ.

— Нелѣпе, мы сегодня же должны уѣхать!

— Вѣдь теперь ночь, Алиса.

— Уже разсвѣтъ. Мы поѣдемъ съ первымъ поѣздомъ. Мы возьмемъ съ собой лишь самое необходимое... все остальное намъ привезетъ Люцина.

Съ первымъ же поѣздомъ онѣ мчались въ Парижъ.

LVI. ВЫБОРЪ

Три ночи дала mademoiselle Ренье на размышленіе Борису Сергѣевичу. И первая ночь прошла, и вторая, и день послѣ второй. Если въ эту ночь онъ не придетъ и не скажетъ: „я готовъ идти за тобой!“ Все будетъ кончено. Онъ потеряетъ ее навсегда.

Борисъ Сергѣевичъ вздрагивалъ и покусывалъ губы. Право, можно пойти на компромиссы! Трудно только рѣшиться, остальное пойдетъ само-сбой.

Онъ думалъ о Раисѣ и въ глубинѣ его сердца шевелился червячокъ жалости. Какъ-то странно, по-своему, но онъ все-таки ее любить... Даже теперь, когда страсть къ ней затихла, а страсть къ другой бурлила въ его крови. Напрасно старается онъ прикрыть грубостью свою жалость, она нѣтъ-нѣтъ да ущемитъ его.

Всю эту ночь онъ провелъ въ веселой артистической компаніи, среди легкомысленныхъ женщинъ, опьяненный виномъ и ихъ ласками. Можетъ быть, въ глубинѣ души онъ надѣялся, что разбѣянная жизнь потушитъ пламя страсти къ mademoiselle Ренье...

Вернулся домой поздно, вѣрнѣе, рано утромъ. Какъ въ туманѣ помнитъ онъ рыдающую, мечущуюся Раису.

Его грубый окликъ остался безъ отвѣта, она бросилась на балконъ и закрыла дверь на ключъ. Если-бы онъ не былъ пьянъ, онъ заставилъ-бы открыть дверь, но онъ чувствовалъ, что еле стоитъ на ногахъ и что силы ему измѣняются. Пошатываясь, добрелъ онъ до своей спальни, не помнить какъ раздѣлся и сейчасъ-же заснулъ.

Проснулся онъ поздно... Сумерки уже сгустились. Голова тяжелая. Сразу онъ вспомнилъ обѣихъ, и Раису и mademoiselle Ренье. Сегодня надо выбрать.

— Жалость удерживаетъ меня, а страсть толкаетъ. Не прощели взвѣсить разсудкомъ, что выгоднѣе?

Онъ задумался.

Все лѣто и всю осень ему придется разѣзжать по разнымъ странамъ. Зима — еще вопросительный знакъ.

Очаровательный образъ mademoiselle Ренье стоитъ передъ нимъ. Сквозь легкое кружево видитъ онъ очертаніе воздушной, граціозной фигурки. Нѣжное, блѣдное личико манитъ его алыми губками... Страстью — глаза. Она особенно хороша въ рамкѣ царственной роскоши. Въ его ушахъ звенитъ ея кокетливый смѣхъ, ея опыняющіе взгляды кружатъ ему голову.

И какая нравственная сила въ этомъ хрупкомъ существѣ! Ему вспомнился моментъ, когда въ ея рукахъ сверкнулъ револьверъ. Вѣдь она не остановилась-бы, убила-бы его и себя.

Сколько блаженства въ объятіяхъ этой женщины, прекрасной, сильной и смѣлой! И въ ушахъ Корнилова звучать ея слова:

„Я заберу свое золото, брилліанты. Это — большое богатство. Ты можешь имъ пользоваться, какъ хочешь. Но мы должны бѣжать отсюда и каждый изъ насъ все бросить. Да, или нѣтъ? Все, или ничего“.

Если онъ послѣдуетъ за Ренье, его ждетъ свободная любовь, бездна наслажденій и страсти, богатство и слава. Она полюбитъ его славу, потому что она любитъ его!

Онъ сладко потянулся, уже примиренный со своей новой долей.

А Раиса? Проклятый, гордый характеръ. Многого требуетъ, а сама ничего не можетъ дать.

Какъ женщина она теперь его не волнуетъ. И она широко тратитъ деньги, а онъ долженъ ихъ добывать. Она въ его путешествіяхъ только обуза, эта кислая супруга, вѣчно за него цѣпляющаяся, только помѣха его карьерѣ.

Гримаса пробѣжала по его губамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно Раисы... и надо слѣдовать за Ренье.

Рѣшеніе мгновенно созрѣло. И стало сразу веселѣе. Быстро вскочилъ и одѣвается.

Полуодѣтый заглянулъ въ гостиную, въ комнату Раисы, на балконъ. Пусто! „Онѣ“ изволили уйти... Тѣмъ хуже „для нихъ“.

Корниловъ приказалъ себѣ подать автомобиль и помчался въ Болье. Тамъ онъ рѣшилъ пообѣдать, потомъ онъ направится въ клубъ и выждетъ назначенные ему *mademoiselle* Ренье два часа ночи... Теперь, когда рѣшеніе созрѣло, онъ снова сталъ легкомысленнымъ и эгоистичнымъ.

Темная ночь. У раскрытаго окна въ нѣмомъ ожиданіи неподвижная бѣлая фигура. Это — *mademoiselle* Ренье. Она даже немного похудѣла за эти дни и ночи ожиданій. Ея увѣренность пошатнулась.

Придетъ-ли онъ сегодня? Послѣдній часъ наступаетъ.

Насторожившееся ухо улавливаетъ легкій скрипъ садовой двери. Шаги, сначала чуть слышные... ясно похрустываютъ по усыпанной пескомъ дорожкѣ.

Mademoiselle Ренье порывисто наклоняется.

— Это ты?

— Я...

— Лѣстница спущена.

Въ голосѣ побѣдительницы дикая радость. Она протягиваетъ руки. Мгновенье — и Корниловъ въ ея спальнѣ.

Ея дрожація руки обвиваются вокругъ его шеи.

— Рѣшился?

— Ты видишь, — пришелъ, значитъ — рѣшился.

Ей уже трудно сдерживаться.

— Мой возлюбленный!

Ея губы не противятся поцѣлую страсти. Въ глазахъ темнѣетъ, голова кружится.

Но одна мысль яркой молніей прорѣзаетъ сознаніе.

„Если теперь ты уступишь, все погибло“.

Она выскальзываетъ изъ его объятій.

— Опять! — съ бѣшенствомъ стискиваетъ онъ зубы.

Она смѣется.

— Ты рѣшилъ, и награда — мой поцѣлуй! А когда ты исполнишь свое рѣшеніе, тогда... настоящая награда.

Прекрасная, дразнящая, она приближалась къ нему.

— Вся, вся буду твоей! Вѣдь я изнывала отъ страсти цѣлые годы. Ради тебя я создала свою жизнь и свое богатство. О, ты не знаешь, какъ горитъ мое сердце. Мы сольемся въ единое существо, твое тѣло — будетъ моимъ, мое — твоимъ.

— Я сойду съ ума отъ ожиданія, — шепчетъ онъ.

— Я ждала, я долго ждала... Не смѣя даже надѣяться.

Онъ грубо схватилъ ея руку.

— Когда-же мы ѣдемъ?

— Завтра... Конечно, завтра!

— Куда?

— Съ ночнымъ поѣздомъ мы проѣдемъ въ Венецію. Я тамъ еще никогда не была. Но первые дни нашей любви я хотѣла бы провести среди этой дивной поэзіи. Мнѣ говорили, что Венеція — сказка жизни.

И, сразу мѣняя тонъ, она спросила:

— Здѣсь у тебя большая неустойка?

— Пустяки. Десять тысячъ ффранковъ.

— Я завезу ихъ въ банкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — перебилъ онъ ее, краснѣя, — свои обязательства я выполню самъ.

Она усмѣхнулась.

— Вѣдь у тебя есть еще одно обязательство — твоя супруга.

— Ей я оставлю письмо, деньги и... совѣты.

— Безъ капли сожалѣнія? — ревниво спросила mademoiselle Ренье.

— Ты меня оскорбляешь. Что для меня эта женщина? Я далъ ей все, что могъ, а взамѣнъ взялъ слишкомъ мало. Бѣдная конторщица, она жила въ какой-то коморкѣ впроголодь. Одинокая и никому ненужная. Я далъ ей имя, положеніе, средства.

— И свою любовь, и свои ласки.

— Свои ласки и свое увлеченіе, которое уже прошло.

— Ты этимъ отличаешься, — сказала она грустно. — Твои увлеченія проходятъ очень быстро.

— Увлеченія, можетъ быть, но любовь моя будетъ вѣчной.

Онъ съ силой сжималъ ея руку и глаза его, полные страсти, не отрывались отъ ея глазъ.

Она опять теряетъ самообладаніе! Не надо! Передъ ними все впереди! Среди волшебной сказки, которую дастъ имъ Венеція, въ уединеніи, — любовь ихъ будетъ упоительна.

— Пока еще я твоя госпожа, и я повелѣваю. И мнѣ такъ недолго осталось повелѣвать. Только сутки. Теперь ты пойдешь домой. Не надо рисковать... Встрѣча съ принцемъ Шезметомъ не только была бы непріятна, но и опасна.

Напоминаніе о персидскомъ принцѣ, который теперь безмятежно спалъ, отдѣленный только одной стѣной, отрезвило Корнилова.

— Приказывай, госпожа.

— Сейчасъ ты вернешься домой. Устраивай свои дѣла, какъ хочешь. Завтра въ часъ дня отходить поѣздъ. Успѣешь-ли ты собраться?

— Конечно.

— Слѣдующее утро мы уже встрѣтимъ въ Венеціи. Тогда ты будешь моимъ господиномъ, а я твоей рабой.

Вотъ онъ за окномъ. Ноги его твердо упираются на ступени веревочной лѣстницы. Видна только его голова.

— Минутку!

Mademoiselle Ренье обвиваетъ обѣими руками его шею.

Ея губы приникають къ его губамъ. Какимъ поцѣлуемъ страсти подарила она его!...

Опьяненный этимъ поцѣлуемъ, пошатываясь, онъ спѣшитъ къ воротамъ сада.

Она одна. Нѣсколько мгновений смотритъ ему вслѣдъ, перегнувшись. Спрятала веревочную лѣстницу.

Завтра ей предстоитъ трудная задача: незамѣтно ускользнуть. Она думаетъ, куда бы ей сплавить Шезмета... и рѣшаетъ дать ему порученіе въ Ниццу. Утромъ она его отправить съ тѣмъ, чтобы онъ вернулся къ завтраку. Хитрый женскій планъ намѣченъ, она знаетъ, что отлично его выполнить. А пока онъ съѣздитъ въ Ниццу, она сумѣетъ собрать все драгоценное и нужное. Когда онъ вернется, она уже будетъ на пути въ Венецію.

LVII. ПОБѢЖДЕННЫЯ

Вздохъ облегченія выпрывается изъ груди Бориса Сергѣевича, когда, тихо скрипнувъ, закрывается дверь сада. Теперь онъ спасенъ отъ злобы принца Шезмета.

Наконецъ онъ дома! Ключъ виситъ у двери. Онъ открываетъ дверь и входитъ.

Въ гостиной онъ застаётъ Рансу, бѣлой тѣнью раскинулась она на диванѣ. При его приближеніи она быстро поднимается и идетъ ему навстрѣчу.

— Это ты? — рѣзко говоритъ она.

— Развѣ ты не видишь? — нисколько не смущаясь, насмѣшливо отвѣчаетъ онъ.

— Когда-же ты, наконецъ, прекратишь эту безобразную жизнь? Если ты не думаешь о томъ, что скажутъ люди, если тебѣ не стыдно ихъ, ты подумай о своемъ голодѣ. Бессонныя ночи, вино... Этому надо положить конецъ.

Онъ смотритъ на нее съ глубокимъ презрѣніемъ.

Та и эта. Тамъ — роскошь, изящество, красивыя слова, красивыя чувства, а здѣсь — грубые мѣщанскіе

упреки, страхъ, что онъ потеря ть голосъ, который даетъ возможность сладко жить.

— Оставимъ до завтра. Теперь мнѣ хочется спать.

— Я только предупреждаю. Такъ я больше жить не могу. Мнѣ не нужно твоей любви, но я требую уваженія. Недѣлю я буду ждать, но помни — только недѣлю.

Она гордо прошла мимо него. Онъ слышалъ, какъ захлопнулась дверь на задвижку.

— Пожалуйста, не входи въ мои комнаты безъ моего разрѣшенія, — крикнулъ онъ ей.

Прошла послѣдняя ночь и настало сіяющее утро.

Корниловъ быстро одѣлся и направился въ англійскій банкъ. Тамъ онъ внесъ десять тысячъ франковъ на имя Раисы.

Вернувшись домой, все уложилъ, приказалъ себѣ подать счетъ. Теперь еще надо написать послѣднее письмо Раисѣ.

„Я уѣзжаю. Куда и зачѣмъ? Не твое дѣло. Когда я вернусь, не знаю. Не совѣтую тебѣ меня разыскивать... тогда между нами все кончено и ты не получишь ни одной копейки. Я требую, чтобы ты вернулась въ Россію, въ Петроградъ. Тамъ ты устроишься въ небольшой, скромной мебелированной квартиркѣ. Десять тысячъ франковъ я внесъ въ англійскій банкъ на твое имя. Каждый мѣсяцъ я буду тебѣ присылать по триста рублей... черезъ англійскій банкъ; ты отправишься въ отдѣленіе его въ Петроградъ и оставишь тамъ свой адресъ. Я надѣюсь, что ты будешь вести себя какъ порядочная, честная жена. Совѣтую тебѣ не волноваться, въ концѣ-концовъ все устроится къ лучшему“.

Письмо написано, запечатано и лежитъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Борисъ Сергѣевичъ велѣлъ вынести вещи, зашелъ въ контору и расплатился.

— И madame уѣзжаетъ? — спросили его въ конторѣ.

— Нѣтъ, жена моя останется на день, на два, но для

нея достаточенъ тотъ номеръ, въ которомъ она сейчасъ находится.

Борись Сергѣевичъ щедро „поблагодарилъ“ прислугу и помчался на вокзалъ.

Mademoiselle Ренье была уже тамъ и тревожно его поджидала.

— Сдавай скорѣе свои вещи. Я буду ждать тебя въ купэ.

Пріѣхалъ!... Лучъ счастья и побѣды сверкнулъ въ ея глазахъ.

Вещи сданы, носильщикъ несетъ за Корниловымъ чемоданчикъ. Вотъ они въ купэ, вдвоемъ, робко прижимаются другъ къ другу. Mademoiselle Ренье поглядываетъ на часы. Какъ медленно двигаются стрѣлки. Наконецъ-то!... Поѣздъ тронулся...

Въ порывѣ безумнаго счастья она приникла къ любимому...

Озлобленная поведеніемъ своего супруга Раиса рано отправилась на прогулку и вернулась только послѣ завтрака. Прошла прямо въ гостиную. Сразу чувствуется пустота. Разбросана бумага, куда-то испарились вещи. Большой конвертъ на письменномъ столѣ привлекъ ея вниманіе.

„А madame Korniloff“.

— „Опять какая-нибудь выходка этого сумасброда“, — думала она, распечатывая конвертъ.

Быстро она пробѣгала строки одну за другой и не вѣрить собственнымъ глазамъ. Что-же это? Что это такое? Брошена!

Этотъ Корниловъ, этотъ тупой, полуграмотный чловѣкъ, онъ бросаетъ ее, Раису! Самая страшная пощечина, какую только могла ей дать судьба! Что же теперь дѣлать?

Ноги Раисы подкосились и она безпомощно опустилась въ кресло.

Одинъ ударъ за другимъ. Жизнь не щадитъ ее серд-

ца, не шадить самолюбія. За что она так жестоко наказана?

„Ахъ, Эдвардъ, Эдвардъ, если бы ты не отвернулся отъ меня! Какъ теперь бы я вмѣстѣ съ тобой, въ твоихъ объятіяхъ торжествовала бы побѣду надъ Корниловымъ!“

И долго она сидѣла такъ, горестная, унылая, роясь въ собственныхъ мысляхъ.

Надо же на что-нибудь рѣшиться. Бѣжать отсюда? Мысль, что она можетъ встрѣтиться съ Эдвардомъ, ее удерживала. И тутъ же съ горькой усмѣшкой она себя возражала.

— Гдѣ? И зачѣмъ? Вѣдь онъ любитъ другую! Нѣтъ, нѣтъ, подальше отсюда. Подальше отъ этихъ розовыхъ мечтаній.

Утро застало ее въ креслѣ, она очнулась, когда постучались. Вошла горничная.

— Изъ конторы намъ дали знать, что вы не оставляете за собой этотъ номеръ. Я пришла прибрать его. Онъ, кажется, уже заказанъ.

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста.

Раиса перешла въ спальню. Наскоро уложила вещи. Потомъ со вздохомъ направилась въ англійскій банкъ. Надо унижаться, надо принять отъ него деньги. Изъ банка она прошла въ контору и купила себѣ билетъ въ Петроградъ. Хорошо, что удалось достать на послѣзавтра. Еще одинъ сутки, которыя не дали ей ничего хорошаго. И съ тяжелымъ сердцемъ, унылая, мчится онъ въ Петроградъ.

Тамъ она послѣдуетъ совѣту мужа. Найметъ себѣ маленькую квартиру и спрячется отъ всѣхъ, спрячетъ свой стыдъ, свое униженіе.

Прощай, сіяющее Монте-Карло, съ вѣчно синимъ небомъ, роскошными садами и дворцами, воздухомъ, напоеннымъ ароматомъ цвѣтовъ. Прощай навсегда! Тутъ остаются лучшія грезы, розовыя мечтанія, первая сильная любовь, безпощадно растоптанная. Прощай... Прощай...

Радостная и прекрасная, какъ сказка, Венеція. Чудный вечеръ! Тысячи огней отражаются въ каналы. Среди тишины только удары весель и плескъ воды.

Вотъ распахнулась дверь одного изъ палаццо и на балконѣ, висящемъ надъ водой, появились двое...

— Посмотри, какъ красиво... — тихо шепчетъ mademoiselle Ренье. — Неужели твою душу эта природа не наполняетъ художественной поэзіей? Неужели только властвуетъ теперь прихоть и страсть?

Борись Сергѣевичъ цѣлуетъ ея руки.

— Въ Венеціи ты обѣщала быть моей рабой. И для меня меркнетъ вся эта красота, потому что ты избѣгаешь моихъ ласкъ. Почему ты избѣгаешь моей страсти?

— Мнѣ страшно. Тяжелое предчувствіе давитъ сердце. Теперь насъ соединяетъ твое желаніе... А потомъ... когда твое увлеченіе пройдетъ такъ же быстро, какъ и прежнія. Я думаю объ этомъ, и мнѣ страшно.

— Развѣ я могу тебя разлюбить?

— Не знаю. Но прежде, чѣмъ раба склонится къ твоимъ ногамъ, господинъ, она хочетъ сказать тебѣ нѣсколько словъ. Всѣмъ я пожертвовала для тебя... Ради тебя я стремилась... боролась, побѣждала. Теперь я стою на вершинѣ счастья. Еще мгновенье и рука моя сорветъ волшебный цвѣтокъ любви... А что, если я поднесу его къ моему изстрадавшемуся сердцу и увижу, что онъ уже завяль? Развѣ я переживу твою измѣну?

Сильной рукой онъ обнялъ ее.

— Раба, повинуйся своему господину.

Покорная, какъ подкошенный цвѣтокъ, она склонилась къ его груди.

— Пусть будетъ, что будетъ. Ты побѣдитель... Горе побѣжденной...

Страстнымъ поцѣлуемъ онъ сомкнулъ ея уста.

LVIII. ТОРЖЕСТВО

— Однако, мы заболтались, Сашенька, — говорить Марія. — И оставили Эмиля одного, онъ навѣрное скучаетъ. Теперь — я его невѣста и должна особенно за нимъ ухаживать. Когда я буду женой, настанетъ его очередь.

— Какая ты хитрая, Марія!...

Сашенька обѣими руками приподняла голову Маріи и заглянула ей въ глаза.

— По крайней мѣрѣ, скажи, любишь-ли ты его?

— Люблю!

— А если бы онъ сталъ сразу безвѣстнымъ, бѣднымъ, униженнымъ... ты любила бы его?

— Не знаю... Только къ чему эти предположенія безъ всякой почвы? Эмиль Руже и будетъ Эмилемъ Руже.

Руки Сашеньки грустно опустились.

— Да, я люблю Эмиля. Это такой талантъ!...

Щечки Маріи вспыхнули.

— Знаешь, онъ создаетъ для меня оперу, которая сдѣлаетъ мое имя безсмертнымъ. Дождусь-ли я дня, когда я выступлю въ этой оперѣ? Ахъ, Сашенька, знаешь-ли какъ мною понять образъ Беатрисы — героини оперы? Сначала невинная, потомъ колеблющаяся, потомъ измѣнившая своимъ традиціямъ, окунувшаяся въ море страстей. Сердце разбито и она опускается въ яму порока. Она такъ страстно отдается униженіямъ, какъ раньше отдавалась молитвѣ... Я себѣ ее такъ ясно представляю, въ мельчайшихъ деталяхъ. Первый мой костюмъ — изъ бѣлаго, легкаго кашемира, костюмъ сестры общины, бѣлой монахини. Волосы скрыты бѣлымъ покрываломъ и изъ этой лилейной рамы выдѣляется лицо. Красивыми складками падаетъ бѣлый кашемиръ, обрисовывая линіи тѣла. Я буду хороша въ этомъ костюмѣ. Не правда-ли?

— Ахъ, Марія, Марія! Только что ты говорила о святомъ искусствѣ, а закончила женскимъ тщеславіемъ.

— Красота — моя гордость. Развѣ это не такой-же даръ природы? Развѣ въ искусствѣ нѣтъ своей красоты?

Она вдругъ смолкла и расхохоталась.

— Однако, опять мы заболтались, а бѣдный Эмиль скучаетъ. Пойдемъ, пойдемъ. Мнѣ хочется воздуха! Мы могли бы куда-нибудь прокатиться. На Тюрби, на примѣръ.

— Что это такое?

— Очаровательное мѣстечко. На горѣ. Отличный ресторанъ. Съ нашей веранды онъ виденъ. Я тебѣ его покажу.

Бесѣдуя, онѣ вышли на веранду. Тамъ стояла небрежная, недопитая чашка кофе, валялась потухшая, недокуренная сигара.

— А гдѣ же Эмиль? — съ удивленіемъ оглянулась Марія.

И вотъ ея вниманіе привлекъ небрежно брошенный конвертъ почти у самыхъ дверей. Она подняла его и прочла адресъ.

„Monsieur Эмилю Руже, въ собственныя руки“.

— Коротко, но не ясно, — сказала она сдвинувъ свои тонкія бровки. — Это только конвертъ. А гдѣ же письмо?

Глазами она обыскала всю веранду и, наконецъ, подъ стуломъ замѣтила смятый листокъ почтовой бумаги. Она его схватила, расправила и прочла.

— О! — вырвалось у нея.

Вдругъ задрожавшими руками она скомкала листокъ. Блѣдность разлилась по ея лицу.

— Что такое? — поспѣшно спросила Сашенька.

Въ злобной усмѣшкѣ искривились губы Маріи.

— Прочти.

Скрестивъ руки на груди, она наблюдала за Сашенькой, читавшей письмо.

— Что такое?

— А то, что всѣ мужчины одинаковы, всѣ они лгутъ, всѣ обманываютъ. Даже лучший изъ нихъ. Если не хочешь быть обманутой, то средство одно: заставить его умереть у своихъ ногъ, какъ нѣкогда покончилъ расчеты съ жизнью мистеръ Джонъ!

Злоба Маріи разрасталась, ея губы дрожали, въ сверкающихъ глазахъ молніи гнѣва.

— Онъ теперь сидить у нея, у этой Марго! Можетъ быть, они оба теперь смѣются надо мной. Ты видишь, какъ его взволновалъ ея прїѣздъ, онъ побѣждалъ безъ оглядки, даже забылъ припрятать письмо.

Быстрыми шагами она измѣряла веранду.

— Но онъ забываетъ, что со мной шутки плохи. Вѣдь теперь я почти его жена. Я не хочу быть обманутой, слышишь-ли, не хочу!

Теперь она въ изступленіи ломала руки Сашеньки.

— Что-же дѣлать, Марія?

— А я была такъ счастлива! Развѣ ты видѣла меня прежде такой сіяющей и кроткой? Благодарность мужчины! Ты говоришь, что дѣлать? Сразу положить конецъ обману: или я, или она?

— Что ты задумала?

— Я пойду туда, къ нимъ, я помѣшаю ихъ сладкому свиданію. Я скажу ей, что онъ ей лжетъ такъ же, какъ и мнѣ. Посмотримъ, какъ онъ будетъ выкручиваться и которая изъ насъ ему дороже?

— Но ты не знаешь фамиліи этой Марго?

— Не знаю, — расхохоталась Марія. — Это Марго Руже — его законная жена. Я найду ее, не безпокойся!

Марія тащила Сашеньку къ спальнѣ.

Разрывая кружева платья, вырывая крючки вмѣстѣ съ матеріей, Марія быстро раздѣлась. Въ одно мгновеніе облачилась она въ черный англійскій костюмъ и маленькое шелковое канотье нахлобучила на свою пышную головку.

— Гдѣ твоя шляпа, Сашенька? Пойдемъ.

Она тащила подругу, и Сашенька на ходу едва успѣла надѣть свою шляпу.

— Ты даже не даешь мнѣ отдохнуть съ дороги.

— Молчи!

Вотъ Марія порывисто распахнула дверь гостиной, и тутъ она неожиданно столкнулась съ Эмилемъ Руже.

— Марія!.. — бросился онъ къ ней въ порывѣ. — Моя Марія!

Со злобой она его оттолкнула.

— Ты? Ты объяснялся тамъ, а теперь ты пришелъ

сюда? Не вздумай прикрываться ложью. Я все знаю. Ты забылъ припрятать письмецо, я его нашла!

— Марія!

— Убирайся, убирайся къ ней! Обо мнѣ ты можешь забыть навсегда.

Ея ревнивый, злобный порывъ восхищаль его сердце. Она чуть не плакала, а онъ счастливо улыбался.

— Ты еще смѣешься надо мной!

Слезы брызнули, и чтобы скрыть ихъ, она спрятала голову на груди Сашеньки.

— Ты обвиняешь меня и гонишь, но прежде выслушай.

— Всѣ вы лжете! — крикнула она, не поднимая головы.

— Не вѣрь мнѣ, но выслушай. Моя бывшая (онъ усиленно подчеркнул это „бывшая“) жена получила мое письмо. Ты помнишь, то рѣшительное письмо, въ которомъ я говорилъ о любви къ тебѣ и просилъ развода.

— Дальше. Ты вертишься, какъ лисица.

— Она получила письмо и рѣшила пріѣхать сюда. Ей казалось, что личное свиданіе измѣнитъ мое рѣшеніе. И вотъ, неожиданно я получилъ ея письмо, призывающее меня въ отель Эрмитажъ.

— И вы побѣжали?

— Признаюсь, я испугался. За тебя, Марія. Женщина въ ея положеніи на все способна. Это самка, защищающая свое гнѣздо и своихъ дѣтенышей. Цѣлые годы она привыкла меня считать своей собственностью, и вотъ приходятъ и отнимаютъ эту собственность. Если бы я не пошелъ, она пришла бы сюда.

Марія быстро повернулась къ нему и глаза ея сверкнули.

— Я бы не испугалась. Я сумѣла бы показать ей дорогу.

— Она могла бы оскорбить тебя, Марія. Она могла бы насъ поссорить. Развѣ можно отвѣчать за слова обезумѣвшей женщины?

— Вы все тянете, говорите какія-то глупости. Къ

дѣлу! Цѣлый часъ вы провели въ ея номерѣ. Чѣмъ вы тамъ занимались?

— Не часъ, а полчаса. Наше объясненіе было очень коротко.

— Не отдѣлывайтесь общими словами.

— Она старалась мнѣ напомнить прошлое, она надеялась, что разжалобитъ меня напоминаніемъ о нашихъ дѣтихъ, она угрожала, потомъ молила и плакала, — словомъ, она испытала всѣ средства, чтобы какъ-нибудь удержать меня у семейнаго очага.

Онъ остановился. Ему было тяжело обнажать душу Марго передъ Маріей.

— Ну, а ты? Что ты ей сказалъ?

Онъ опустилъ голову.

— Я сказалъ ей правду. Я сказалъ, что только теперь я понялъ настоящую любовь, я сказалъ ей, что невозможнаго не надо требовать, что любовь моя къ тебѣ — стихійная, что любовь эта захватила меня всего и только одна сила могла бы насъ разлучить. Эта сила — смерть!

Марія прижала руки къ сердцу, буйно колотившемуся.

— Эмиль, ты сказалъ ей все это?

— Сказалъ... и вернулся къ тебѣ.

Въ бѣшеномъ порывѣ восторга она бросилась къ его ногамъ. Прекрасными руками она обнимала его колѣни. Радостный смѣхъ срывался съ ея устъ, онъ смѣшивался съ горячими слезинками, струившимися по ея щекамъ.

Побѣдила, она побѣдила!

— Моя Марія...

Сильными руками Эмиль поднялъ ее и горячими поцѣлуями его губы прижимались къ ея губамъ.

— Все, что ты хочешь, Эмиль, все, что ты хочешь!

— Только одной награды: твоей любви и вѣрности.

Марія вдругъ выпалась изъ его объятій.

— А разводъ? Дастъ ли она разводъ?

— Она дастъ. Вотъ ея послѣднія слова:

„Теперь я сама охотно даю вамъ разводъ. Оставьте меня“.

— Все-таки объ этомъ надо позаботиться.

— Я завтра пишу своему адвокату въ Парижъ и даю свои полномочія. Въ этихъ случаяхъ адвокаты гораздо лучше объясняются, чѣмъ мы.

Марія капризно сдвинула бровки.

— Зачѣмъ ты на завтра откладываешь то, что можно сдѣлать сегодня, даже сейчасъ?

— Можно и сейчасъ, Марія.

— Я съ Сашенькой прокачусь по воздуху. У меня отяжелѣла голова отъ всѣхъ этихъ волненій. Когда я вернусь, ты прочтешь мнѣ это письмо.

— Пусть будетъ такъ, Марія.

Медленно поднимался въ гору экипажъ. Большой бѣлый зонтикъ пряталъ Марію и Сашеньку отъ палящихъ лучей солнца, а легкій горный вѣтеръ дарилъ ихъ своей прохладой.

— Теперь я увѣрена въ моей побѣдѣ. Счастливое спокойствіе возвращено моему сердцу.

— Эта мечта захватила тебя, Марія. При одной мысли потерять Эмиля Руже ты была способна на безуміе.

— О, если бы теперь Эмиль Руже отказался отъ меня, я не могла бы этого пережить!

Съ прогулки онѣ вернулись очень скоро, и Эмиль Руже встрѣтилъ Марію съ письмомъ въ рукахъ.

— Прочти. Этому человѣку я поручаю наше дѣло.

Жадными глазами Марія пробѣжала письмо.

— Дай мнѣ конвертъ, я сама его пошлю.

Вся она сіяла торжествомъ и счастьемъ.

LIX. БЕЗУМІЕ ЛАКРИСТИ

Лакристи — въ своей маленькой комнаткѣ въ верхнемъ этажѣ по сосѣдству съ голубями. Онъ стоитъ у единственнаго широкаго окна и смотритъ на горы, на красивыя вершины, утопающія въ голубомъ небѣ. Онѣ ему опротивѣли, потому что онъ видитъ ихъ каждый день.

Отошелъ отъ окна, и теперь его взоръ съ отвращені-

емъ скользнуть по жалкой обстановкѣ. Вотъ только еще къ этому креслу, глубокому и старинному, онъ чувствуетъ нѣкоторую симпатію.

Сбросилъ элегантный костюмъ, переодѣлся въ халатъ и опустился въ это кресло. Передъ нимъ нераспечатанное письмо и онъ узнаетъ почеркъ любимой сестры.

„Мой Карлосъ, дорогой мой братъ! Пишу тебѣ всего нѣсколько строкъ, такъ какъ по горло занята домашней работой. Ты спрашиваешь, что у насъ дѣлается? Все тотъ же маленькій муравейникъ. Всѣ мы трудимся, но зарабатываемъ такъ мало, что если бы не твоя поддержка, давно бы умерли съ голоду. Урожай винограда очень хорошій, но вино дешево цѣнится. Если-бъ его выдержать! Но приходится брать, что даютъ, такъ какъ деньги нужны. Старики здоровы и шлютъ тебѣ сердечный привѣтъ. Письма твои читаемъ съ жаднымъ интересомъ. Последнее дышитъ разочарованіемъ. Мой совѣтъ — оставь свои мечты. Эту русскую красавицу Марію тебѣ не покорить. Гораздо лучше: войди въ дружбу съ Эмилемъ Руже и постарайся черезъ него устроиться болѣе выгодно. Тебѣ трудно соперничать съ такимъ человѣкомъ, какъ Руже. Онъ всеоруженъ: элегантенъ, красивъ, знаменитъ, богатъ и пользуется вліяніемъ. А что ты можешь дать этой Мальцевой? Трудовую жизнь и отдыхъ въ нашей родной лачужкѣ, правда, пріютившейся среди роскошной природы, но слишкомъ мизерной. Брось эти мечты, дорогой Карлосъ. Кажется, твои глаза уже потеряли свою гипнотическую силу! Безъ тебя мы всѣ соскучились. Особенно я. Твоя преданная и любящая сестра Долоресъ Лакристи“.

Письмо прочитано. Рука опустилась на столъ. Глаза въ глубокой задумчивости устремились на стройные контуры горныхъ вершинъ.

Она не вѣритъ ему, Долоресъ. Не вѣритъ въ силу его настойчиваго желанія.

Онъ порывисто взялся за перо.

„Только что прочелъ твое письмо, дорогая моя сестра, и уже отвѣчаю. Я вѣрю въ себя и вѣрю въ побѣду. Прав-

да, моимъ планамъ нанесенъ жестокой ударъ. Этотъ безумецъ Эмиль Руже разводится съ женой, съ которой прожилъ много лѣтъ, и хочетъ жениться на Маріи Мальцевой. Я пишу тебѣ — хочеть, но не женится, потому что я этого не допущу. Только что я былъ у нея. Какая это женщина, Долоресъ! Я такъ часто ее вижу и все-таки красота ея меня поражаетъ! Сколько въ ней жизни, сколько страсти, какъ умѣетъ она увлекаться искусствомъ! Я не могу отъ нея отказаться. Въ рукахъ Руже она погибнетъ, и только въ моихъ желѣзныхъ рукахъ она засіяетъ настоящимъ блескомъ. Какъ все это случится — не знаю, но что будетъ такъ, какъ я хочу, — я въ этомъ увѣренъ. Передай мою сердечную ласку дорогимъ старикамъ. Въ этомъ мѣсяцѣ я пошлю вамъ немного больше. Крепко тебя цѣлую, твой братъ Карлосъ Лакристи“.

Онъ запечаталъ конвертъ и бросился на свою простую узкую кровать. Блѣднѣетъ небо. Сумерки подкрадываются. Надо немного отдохнуть, наскоро пообѣдать и торопиться въ театръ.

И такъ каждый день. Развѣ это жизнь? Утромъ встаешь, чтобы трудиться. Приходишь въ эту каморку, чтобы отдохнуть для новаго труда. Одиночество, пустота, мизерная обстановка...

„О, если бы раздвинулись эти стѣны, и жалкая мебель превратилась въ роскошную! Если бы зазвучалъ серебристый голосъ Маріи и яркимъ лучомъ засверкала бы здѣсь ея красота.“

Онъ закрылъ глаза, и пылкое воображеніе ярко рисуетъ жгучій образъ. Капризная, надменная, гордая... Съ какимъ презрѣніемъ смотрѣла она на него, какъ насмѣшливо щурила красивые глаза. Съ какой гордой любовью говорила она о своемъ Руже. И какъ она отвѣтила на его возраженія!..

„Ядовитый вы человекъ. Своего счастья не нашли, а чужое вамъ не по вкусу“.

А когда онъ бросилъ ей въ лицо, что завидуетъ счастію Руже, — какъ она смутилась и покраснѣла. Глаза ихъ встрѣтились, и она не выдержала его взгляда.

Это мелочь, конечно, но за эту мелочь онъ хватается, какъ за нитку, которая приведетъ его къ клубку.

Она любитъ Руже! О, можно смѣяться надъ этой любовью. Когда такая женщина повелѣваетъ, она не любитъ!

Лакристи въ своихъ дерзкихъ мечтахъ представляетъ себѣ Марію, распростертую у его ногъ, умоляющую о поцѣлуѣ. Ея обнаженные руки, горячія, какъ пламя, обвиваются вокругъ его тѣла. Онъ весь дрожитъ отъ волненія, такъ реальна эта картина.

Увы, сезонъ кончается. Эмиль Руже захватитъ прекрасную Марію и увезетъ ее въ Парижъ, въ этотъ центръ жизни.

А онъ, Лакристи? Онъ долженъ зарабатывать хлѣбъ въ провинціальномъ итальянскомъ городишкѣ, куда онъ подписалъ контрактъ на зиму, какъ дирижеръ оперы.

Цѣлые мѣсяцы онъ не увидитъ Марію. Тѣмъ лучше. Ей въ достаточной мѣрѣ успѣетъ надоесть слащавый старый Эмиль.

Бракъ ихъ свяжетъ не такъ скоро. Разводъ вѣдь продолжится... Церковный бракъ не такъ легко разрушить. И, конечно, супруга Эмиля Руже затянетъ дѣло, въ надеждѣ, что онъ одумается.

Во всякомъ случаѣ, Лакристи будетъ слѣдить. Въ нужную минуту онъ подоспѣетъ.

Лакристи не сознавалъ, какъ смѣшины и жалки его мечты. Бѣднякъ въ мизерной каморкѣ, онъ мечтаетъ о красавицѣ, которую другой въ блескѣ своей славы и богатства ведетъ къ пьедесталу!

Каждый день Лакристи видитъ Марію.

Онъ завѣдуетъ музыкальной частью новой оперы, онъ дирижируетъ „Венеціей“, а Марія исполняетъ главную партію.

Сегодня удачный дерзкій взглядъ, завтра — нечаянно брошенное слово, иногда ядовитое, иногда полное огня, иногда полное ласки.

Увы, всё эти стрѣлы, какъ въ неприступную мишень, ударяются въ Марію и опять отлетаютъ въ сердце Лакристи и наносятъ его самолюбію новую рану.

Наконецъ — премьера.

Всѣ газеты уже цѣлую недѣлю пишутъ о новой оперѣ директора. У него въ прессѣ много друзей.

Пишутъ и о Маріи Мальцевой, о ея талантѣ, о томъ, какъ создастъ она эту роль, какими блеснетъ туалетами. Пишутъ интервью, помѣщаютъ ея портреты въ роляхъ и въ домашней обстановкѣ.

Особенно шумно заговорили газеты о Маріи Мальцевой послѣ завтрака, устроеннаго ею для своихъ друзей.

На этомъ завтракѣ среди приглашенныхъ не было Лакристи, его нашли слишкомъ ничтожнымъ. Зато Руже сказалъ блестящую рѣчь и закончилъ ее тостомъ въ честь своей невѣсты.

Это былъ вызовъ. Это было чѣмъ-то въ родѣ официальной помолвки!

Газеты затрубили о новомъ „событіи“ въ музыкальномъ мірѣ. Портреты Маріи и Руже появлялись рядомъ.

Особенно близко приняла къ сердцу это „событіе“ враждебная Эмилю Руже пресса. Безпощадно рылись въ его прошломъ, отдавали должное высокой нравственности его жены, восхваляли его дѣтей.

И тутъ же рядомъ мелькали эпизоды его увлеченій.

„Нельзя обвинять Эмиля Руже въ отсутствіи вкуса, — писали объ Эмиль Руже. — Цѣлый рядъ женскихъ именъ говоритъ о красотѣ и талантѣ тѣхъ, которыми увлекался нашъ директоръ. Надо сознаться, что его увлеченія отражались на жизни нашей оперы. Почти всѣ эти „увлеченія“ вступали на подмостки нашей оперы. Не надо сомнѣваться, что скоро мы увидимъ Марію Мальцеву на этихъ же подмосткахъ“.

Марія съ бѣшенствомъ перечитывала эти статейки.

— Они хотятъ меня превратить въ ничтожество! — кричала она Сашенькѣ. — Они хотятъ теперь каждый мой успѣхъ приписать славу Эмиля. Можетъ быть, они хотятъ заставить меня отказаться отъ него. Они жестоко

ошибаются. Я покажу имъ! Мнѣ будетъ обязанъ Эмиль своимъ возвышеніемъ. Его слава засіяетъ новымъ блескомъ, когда его рука коснется моей!

— Напрасно ты читаешь все это, — пожимала плечами Сашенька. — Тебѣ только должно льстить, что всѣ тобою занимаются. У такихъ, какъ ты, должно быть много враговъ. Я — скромное ничтожество, и потому обо мнѣ не пишутъ злыхъ вещей, и у меня нѣтъ враговъ. Вина твоя въ томъ, что ты слишкомъ красива, слишкомъ талантлива, что судьба тебѣ улыбается.

— Ты думаешь, приятно читать все это!? Каждымъ словомъ они наносятъ мнѣ пощечину. Эмиль даже не умѣлъ скрыть свои многочисленныя увлеченія! Онъ, какъ цапля, пряталъ голову и воображалъ, что его никто не видитъ.

Марія порывисто обнимала Сашеньку.

— Конечно, все это ерунда, лишь бы не помѣшали моему браку съ Эмилемъ. Какъ ты думаешь, когда можетъ кончиться разводъ?

— Онъ еще не начался...

— Отъ адвоката не получено отвѣта, — нервничала Марія. — Конечно, законная супруга будетъ затягивать. Хватитъ ли у меня терпѣнія, Сашенька!

LX. ДВА СЕРДЦА

Принцъ Шезметъ блестяще выполнилъ всѣ порученія своей звѣздочки, и веселый, жизнерадостный, мчался онъ изъ Ниццы домой. Вѣдь звѣздочка ждетъ его къ завтраку и просила не опаздывать, даже нѣсколько разъ шаловливо погрозила ему пальчикомъ.

Постукивая въ маленькое окошечко автомобиля, онъ дѣлаетъ знакъ шофферу ускорить ходъ. Машина мчится, словно пожираетъ пространство.

Принцъ Шезметъ откинулся на подушки и глаза его ласково слѣдятъ за свертками и картонами. Это все плоды исполненныхъ порученій.

Принцъ Шезметъ доволенъ своею жизнью, о родинѣ, гдѣ у него цѣлый рядъ женъ и дѣтей, онъ и не вспоминаетъ.

Голубоглазая молодая женщина приковала его тѣло и душу.

И мысленно рисуеть онъ пріятную, сладкую картину. Черезъ какихъ-нибудь пятнадцать минутъ онъ подѣдетъ къ виллѣ. Въ прохладной бесѣдкѣ, среди журчащихъ фонтановъ, накрытъ столъ, тамъ ждутъ его утонченныя, вкусныя блюда и ароматныя вина. Очаровательный завтракъ въ обществѣ любимой звѣздочки, а потомъ ея волшебныя ласки.

Автомобиль въѣхалъ въ садъ и подвезъ принца Шезмета къ внутреннему подъѣзду.

Онъ даже не спрашивалъ, дома ли mademoiselle Ренѣ, онъ такъ увѣренъ, что она дома.

Заглянулъ въ гостиную, въ будуаръ, въ спальню... нигдѣ ни души.

Позвонилъ. Явилась горничная.

— Гдѣ mademoiselle Ренѣ? — спросилъ принцъ Шезметъ.

— Mademoiselle куда-то уѣхала, а вашей свѣтлости приказали передать это письмо.

— Уѣхала? Значить, она не будетъ дома завтракать?

— Вѣроятно, нѣтъ. Mademoiselle, какъ мнѣ кажется, уѣхала на нѣсколько дней, она взяла съ собою два сундука съ туалетами и всѣ свои любимыя вещи.

Словно мурашки пробѣжали по тѣлу Шезмета.

Трясущимися пальцами онъ разорвалъ конвертъ. Буквы запрыгали передъ его глазами.

„Шезметъ, мой дорогой, что бы ни говорили и какъ бы я ни поступала, вѣрьте, что моя любовь и моя благодарность всегда останутся въ моемъ сердцѣ. Въ первый разъ мы встрѣтились съ вами въ веселой обстановкѣ. Въ тотъ мигъ я не заслуживала ни вашей любви, ни вашего уваженія. Вы были такъ искренно восхищены моею внѣшностью, вы сразу стали ручнымъ и покорнымъ. Наболѣвшее сердце, переполненное горемъ, давно жаждало съ кѣмъ-

нибудь подѣлиться. Вы первый завоевали мое довѣріе. Я вамъ открыла душу, я ничего, ничего не солгала. Теперь судьба столкнула меня съ человѣкомъ, которому я отдала свое дѣвичье чувство. Ни страсть, ни тѣло, а чувство, большое, непобѣдимое. Я вамъ не разъ о немъ говорила, я только не хотѣла вамъ называть его имени. Не презирайте меня, Шезметъ. Пока я жила подъ вашей кровлей, я была вашей преданной и вѣрной подругой. Мое чувство сильнѣе меня самой. Теперь я не могу съ собой бороться. Я ухожу, Шезметъ, ухожу навсегда. Можетъ быть, въ его рукахъ я буду только игрушкой. Но игра съ огнемъ всегда опасна. Нѣтъ, Шезметъ, теперь ужъ я не уступлю его другой! Я не южанка, но я чувствую, какъ горячо переливается кровь въ моихъ жилахъ, я сознаю, что мнѣ не побѣдить моего ревниваго блаженства. Простите меня, Шезметъ. Я знаю, какую рану наносу вашему преданному сердцу. Мысленно я становлюсь передъ вами на колѣни, цѣлую ваши руки, у вашихъ ногъ молю о прощеніи. Всѣмъ сердцемъ я цѣню вашу любовь, вашу щедрость. Я даже позволила себѣ увезти всѣ ваши подарки, но я знаю, что этимъ васъ не обездолила. Я знаю, что это только капля въ морѣ вашихъ богатствъ. Простите, Шезметъ. Когда я думаю о васъ, невольно слезы закипаютъ въ глазахъ. Не судите слишкомъ строго вашу несчастную звѣздочку“.

Шезметъ скомкалъ письмо. Его острые ногти до крови впивались въ тѣло, но онъ не чувствовалъ боли. Тяжелое дыханіе останавливалось въ груди, и сдавливало горло. Голубые бѣлки налились кровью.

О, если бы въ эти мгновенія „онъ“ или „она“ попались ему на глаза!

Онъ выхватилъ кинжалъ и словно любуясь блескомъ его острія, стремительно бросился въ спальню возлюбленной.

Бѣлѣли, покрытыя кружевомъ, подушки, на которыхъ такъ часто покоилась ея головка. Въ дикомъ бѣшенствѣ принцъ Шезметъ изрѣзалъ ихъ въ куски, онъ рубилъ одѣяло, рубилъ кровать, разбивалъ зеркала, они отражали ея

стройную фигурку, ея золотистую головку... и дорогую ему, и ненавистную.

Утомленный бѣшеной, безсильной злобой, тяжело дыша, лежалъ онъ на коврѣ. Его лицо, его пальцы были изрѣзаны до крови. Глаза закрылись. Тяжелымъ свинцомъ налилась его голова, ему казалось, что онъ попружается въ черную бездну.

Когда сознание къ нему вернулось, онъ съ тою же бѣшеной злобой вспомнилъ все происшедшее.

О, она хочетъ избавиться отъ него! Бѣжала, и думать, что онъ ея не найдетъ?!

Жалкая безумица, недолго она будетъ наслаждаться счастьемъ съ этимъ негодяемъ, который похитилъ ее вмѣстѣ съ ея брилліантами! Теперь ужъ не можетъ быть возврата къ свѣтлому счастью, теперь ужъ онъ никогда ей не повѣритъ. Онъ не прикоснется къ ея тѣлу, загрязненному чужой лаской.

Дикая рѣшимость сразу созрѣла въ дикой душѣ Шезмета. Теперь онъ уже смѣялся — громко, злобно, — и ярко сверкали его налитые кровью глаза.

Она думаетъ, что скрылась, спрятала концы въ воду. Она забываетъ, какъ много опытныхъ сыщиковъ, которые найдутъ ее по слѣдамъ.

Найдутъ и укажутъ Шезмету, гдѣ она. О, тогда онъ расправится съ нею по-своему!

LXI. ОДИНОКІЙ

Съ того момента, когда Эдвардъ разстался съ Алисой, онъ не находилъ себѣ мѣста. Сначала онъ искалъ успокоенія въ тишинѣ, въ отвлеченномъ міросозерцаніи, оно всегда дарило его величавымъ покоемъ.

Увы, теперь покоя не было. Это величественное море, волшебныя небеса, полныя жизнью свѣтили... все это казалось мизернымъ въ сравненіи съ чувствомъ любви, заполнившимъ сердце. Дерзкая мысль человѣка уже не стремилась къ познанію доселѣ недоступнаго. Голова была пол-

на иныхъ мыслей, иныхъ мечтаній. И кровь, которая до сихъ поръ переливалась въ жилахъ въ полномъ аккордѣ со свѣтлымъ разумомъ, — теперь забурилась, какъ огненная.

И сутокъ не пробылъ лордъ Дуглей на своей яхтѣ. Онъ направился къ Раисѣ, онъ общалъ ей это свиданіе, онъ зналъ, что она его ждетъ.

Какое и тамъ его ждало разочарованіе! Онъ воображалъ, что ему удастся утѣшить женское сердце, утѣчать больную душу, а между тѣмъ... въ томъ чувствѣ, которымъ зажгла его Алиса, сгорала по его винѣ молодая жена Корнилова. Какое же примиреніе съ мужемъ, съ жизнью долга?

Теперь, когда онъ самъ испытывалъ все это, онъ зналъ, какъ безнадежна его миссія.

И онъ ушелъ. Братскимъ поцѣлуемъ простился онъ съ бѣдняжкой, покой которой, самъ того не вѣдая, нарушилъ.

Какъ ему хотѣлось подойти къ телефону и спросить Анну объ участи Алисы. Нѣсколько разъ онъ брался за трубку, но изъ этой борьбы онъ вышелъ побѣдителемъ.

Когда же онъ, наконецъ, рѣшился и протелефонировалъ на виллу, ему сообщили, что миссисъ Анна наканунѣ уѣхала, а миссъ Алисы уже не было нѣсколько дней.

И онъ ломалъ себѣ голову. Что это могло значить? Почему Алиса уѣхала раньше Анны? Не ссора ли?

Съ каждымъ мгновеніемъ тоска становилась все болѣе острой. Онъ рѣшилъ смѣшаться съ толпой веселящихся людей. Въ былое время, когда онъ наблюдалъ за куда-то стремящимися, чего-то ищущими людишками... его душа наполнялась невольнымъ презрѣніемъ, и его тянуло къ уединенію. Когда онъ окунется въ этотъ міръ страсти, можетъ быть, и собственная страсть покажется ему ничтожной?

И вотъ эта случайная встрѣча... ужасно!

Когда онъ за своей спиной услышалъ ея голосъ, потомъ, когда ея глаза встрѣтились съ его глазами, какимъ счастьемъ зажглось все его существо! Безумная радость все затмила. Но только на мгновеніе.

Такъ вотъ, гдѣ онъ ее встрѣтилъ! Она бѣжала отъ

Анны и смѣшалась съ водоворотомъ жизни, достойнымъ презрѣнія.

Какъ бравауро она ему заявила, что она веселится съ княгиней Рубини, съ этой извѣстной прожитательницей жизни, вѣчно окруженной толпой блестящихъ поклонниковъ.

Какъ поступила Алиса, замѣтивъ его возмущеніе? Она его оттолкнула, осыпала его оскорбленіями, насмѣшками. Въ ея ледяной груди нѣтъ сердца. Она забыла не только всю поэзію ихъ первой встрѣчи, но и свою прекрасную, хрустальную душу.

Онъ не сумѣлъ сдержаться. Теперь онъ стыдится тѣхъ словъ, которые вырвались изъ глубины его сердца. Онъ бросилъ ей въ лицо намекъ на овладѣвшее имъ чувство... и отстранилъ ее навсегда.

Зачѣмъ она его позвала голосомъ, полнымъ мольбы? Былъ ли это невольный порывъ? Или желаніе посмѣяться надъ его чувствомъ?

Не все ли равно? Онъ ушелъ, ушелъ навсегда.

Что ему здѣсь дѣлать, въ этомъ шумномъ городкѣ? Злая сила привела его сюда, здѣсь онъ встрѣтилъ самое жестокое испытаніе... и онъ бѣжитъ отсюда, и уноситъ горечь безнадежной любви.

Какъ черный демонъ, незамѣтно вползло въ его грудь мрачное, жгучее чувство ревности.

Онъ горько смѣется. Ревность! Онъ всегда ее считалъ порокомъ. Надо бѣжать отсюда, бѣжать отъ любви, бѣжать отъ ревности...

Въ ясное, безоблачное утро на разсвѣтѣ голубая яхта отдѣлилась отъ пристани и медленно поплыла въ морскую даль. Она увозила лорда Дуглей.

LXII. КЪ НОВОЙ ЖИЗНИ

Сегодня первый спектакль новой оперы. Марія волнуется, она вся поглощена новымъ экзаменомъ. Всѣ остальные волненія и надежды отошли на второй планъ, ступались.

Утромъ не было репетиціи, зато Марія была поглощена туалетами. Въ первомъ актѣ — кружевной тысячный туалетъ чуть виденъ, его покрываетъ роскошное манто цвѣта бэжъ. Шляпа — это что-то изумительное, самый послѣдній крикъ моды. И высокіе ботинки на шнуровкѣ подобраны въ тонъ.

Второй актъ — шикарный обѣденный туалетъ, но безъ трена, въ немъ она танцуетъ свой изумительный „негритянской танецъ“.

Въ третьемъ актѣ — балльный туалетъ нѣжно-коралловаго цвѣта, одна мечта. Четвертая картина — послѣдняя. Тутъ скромное бѣлое платье изъ тѣхъ „скромныхъ“, которыя дороже роскошныхъ.

Марія по нѣскольку разъ примѣряетъ каждый туалетъ и вертится передъ зеркаломъ.

— Я въ восторгѣ, Сашенька. Въ каждой мелочи видна рука художника. А какъ подобраны цвѣта и отдѣлки!.. Понравятся ли мои туалеты нашей избалованной публикѣ? Какъ ты думаешь?

— Ты меня уже ослѣпила, Марія! — смѣется Сашенька. — Французы умѣютъ создавать туалеты. Ты поразишь даже это избалованное Монте-Карло. Но, если ты не довѣряешь моему мнѣнію, спроси Эмиля.

— Ни за что! Болѣе, чѣмъ кого-либо другого я хочу поразить Эмиля. Я ему не позволила сегодня пріѣхать на репетицію, и мой танецъ будетъ для него сюрпризомъ такъ же, какъ и мои туалеты.

— Но я-то! Среди нарядныхъ дамъ у меня будетъ видъ школьной учительницы, занесенной случайнымъ вѣтромъ.

— Давно ли ты стала заниматься своею внѣшностью?! — расхохоталась Марія.

Вотъ и долгожданный спектакль. Театръ переполненъ избранной публикой. Отъ блеска брилліантовъ искрится въ глазахъ. Нарядные, художественные туалеты, эффектные модныя прически, красивыя женскія лица, большею частью искусно подкрашенныя.

Лакристи дирижируетъ. Одѣтъ съ иголочки, высокій,

тонкій, элегантный, съ холоднымъ презрительнымъ лицомъ занимается онъ дирижерское мѣсто.

Началась увертюра.

— Онъ изящно дирижируетъ, этотъ испанецъ, — говорятъ въ публикѣ, — словно любитъ каждымъ своимъ движеніемъ.

Увертюръ поаплодировали. Лакристи поднялся и надменно корректно поклонился.

Но вотъ поднялся занавѣсъ. и все вниманіе обращено на сцену. Лакристи забыть, и теперь видятъ только Марию Мальцеву.

Ея эффектный выходъ сопровождается аплодисментами. Манто, шляпа, ботинки, виднѣющійся кусочекъ ажурнаго платья, — все это гармонируетъ съ ея красотой, съ ея стройной фигурой, словно выдающійся художникъ рисовалъ для нея этотъ туалетъ. Каждое ея движеніе пластично и красиво, ея улыбка обаятельна, ея взглядъ горитъ жизнерадостной молодостью. Могучій голосъ наполняетъ маленькій залъ, поражаетъ силой и чистотой. Каждая пропѣтая ею фраза покрывается аплодисментами. Лакристи перетнулся. Его рука машинально дирижируетъ красивыми движеніями. Онъ не отрываетъ фосфорическихъ глазъ отъ прекраснаго лица Маріи. Она „создаетъ“ эту ничтожную оперу, она ей „дѣлаетъ“ успѣхъ.

И Лакристи думаетъ о томъ счастливомъ днѣ, когда она будетъ пѣть его, Лакристи, оперу.

Во второмъ актѣ Марія поражаетъ новымъ туалетомъ. Вотъ она поетъ свою веселую пѣсню и танцуетъ негрятинскій танецъ, какъ заправская кафешантанная танцовщица. Марию заставляютъ повторить ея номеръ два раза. Небывалый успѣхъ; чувствуется, что она расшевелила и разожгла избалованныхъ людей. Тонкія губы Лакристи подергиваются отъ волненія.

Онъ сидитъ въ антрактѣ въ уборной и куритъ сигару, когда его зовутъ въ уборную Мальцевой.

На блѣдномъ лицѣ его вспыхиваетъ, но на одно мгновеніе, яркій румянецъ и опять гаснетъ.

— Чѣмъ могу служить?

Онъ стоитъ передъ Маріей, холодный, надменный, рыжеватая рѣсницы опущены и тонкія губы усмѣхаются.

На репетиціи она арію послѣдняго акта пѣла слишкомъ быстро, теперь она будетъ затягивать. Она предупреждаетъ маэстро.

— Со мною вы можете быть вполне спокойны, — снисходительно говоритъ онъ.

Вдругъ неожиданно поднялись его рѣсницы, и яркогорящій взоръ встрѣчается съ глазами Маріи.

— Понимаете ли, какъ вы сегодня обаятельны? — дерзко говоритъ онъ. — Я презираю женщинъ, и до сихъ поръ ни одна не пробуждала во мнѣ восторга. Сегодня я очарованъ вами, синьора Марія. И знаете, чего я страстно желаю?

— Поцѣловать меня! — кокетливо говоритъ она.

— О, нѣтъ. Я страстно желалъ бы избить васъ. Сначала хлестать васъ по этимъ бѣлымъ рукамъ, по стройному тѣлу. А потомъ съ упоеніемъ я сталъ бы васъ бить по лицу.

— Вы съ ума сошли!

Озлобленная она отступила.

— Ступайте вонъ!

Онъ корректно поклонился.

— Ухожу, синьора Марія. Я сказалъ вамъ все, что хотѣлъ сказать.

Сашенька за ширмой невольно слышала этотъ разговоръ. Она выбѣжала возмущенная.

— Что это за нахаль?

— Нахаль... А знаешь, мнѣ это понравилось!

— Что понравилось?

— А то, что онъ сказалъ. Нагло, но смѣло и оригинально. Я до сихъ поръ не всматривалась въ этого человѣка. Въ немъ что-то есть, какая-то сила. Что-то демоническое.

— Что ты говоришь? — возмутилась Сашенька.

— Какъ всегда, я говорю, что чувствую. Да, въ немъ что-то есть, это сильный человѣкъ. И глаза страшные. Они блестятъ, какъ глаза кошки въ темнотѣ.

— Ты еще, пожалуй, способна въ него влюбиться? Послѣ бронзоваго человѣка, меня ничто не удивить.

— Не вспоминай о немъ, его, бѣдняги, уже нѣтъ на свѣтѣ. Что касается Лакристи, то я весь сезонъ считала его ничтожнымъ. Только сегодня онъ меня „ударилъ по нерву“. Но для увлеченія нѣтъ ни времени, ни желанія. Я мечтаю о моемъ Эмиль, о нашемъ будущемъ, и мимо-летние капризы для меня не существуютъ.

Послѣ третьяго акта, гдѣ Марія, съ бокаломъ въ рукѣ, поетъ свою арію, вызываютъ композитора.

Въ антрактѣ Гинзбургъ прошелъ въ уборную Маріи, поблагодарить ее за успѣхъ „Венеціи“.

— Надѣюсь, вы можете быть довольны! — И Марія съ кокетливой улыбкой всадила розу въ петличку его смокинга.

— Я былъ бы вполне доволенъ, если бы не эта штучка.

И Гинзбургъ вытащилъ изъ бокового кармана телеграмму.

— Что это?

— Съ вокзала. Мнѣ телеграфируетъ нашъ очаровательный теноръ, что онъ внезапно оканчиваетъ свои гастроли и платитъ неустойку. Онъ не считается съ моей ответственностью. Клянусь, пока я здѣсь директоръ, Корниловъ у меня больше не споетъ ни одного спектакля.

— Чего вы волнуетесь? Возьмите другихъ артистовъ.

— Телеграммы уже посланы во всѣ концы. Я съ честью сумѣю замѣнить господина Корнилова.

Спектакль закончился полнымъ триумфомъ Маріи, и вмѣстѣ съ Эмилемъ, утопая въ цвѣтахъ, она вернулась на свою виллу.

Изъ тѣни деревьевъ жадными глазами смотрѣлъ имъ вслѣдъ Лакристи.

А еще черезъ недѣлю очаровательную примадонну и ея знаменитаго жениха провожали на вокзалъ.

Среди нарядной, говорливой толпы выдѣлялась стройная фигура Маріи въ элегантномъ темно-сѣромъ костюмѣ, отдѣланномъ тонкой полоской соболя. Она вѣдь, знала,

что на слѣдующій день оповѣстятъ въ газетахъ объ ея отъѣздѣ и ея туалету отвѣдутъ почетное мѣсто.

Среди провожающихъ — Лакристи. Онъ держится въ нѣкоторомъ отдаленіи, но глаза его жадно жгутъ Марію.

Роскошными букетами цвѣтовъ убрано купѣ Маріи и смежное, предназначенное для Сашеньки.

Въ послѣднюю минуту вдругъ подходитъ къ Маріи Лакристи. У него въ рукахъ только одна желтая полураспустившаяся роза.

— Возьмите ее, синьора Марія. Она принесетъ вамъ счастье.

— Или напомнить мнѣ о вашей наглости?

— Тѣмъ лучше, если она вамъ напомнитъ обо мнѣ. У меня только одно страстное желаніе, чтобы вы меня не забыли.

Дерзкую фразу услышалъ Эмиль Руже. Его гнѣвный взоръ встрѣчается съ холодными, надменными глазами Лакристи.

Лакристи отступаетъ и смѣшивается съ толпой.

Марія уже въ поѣздѣ. Она стоитъ у широкаго зеркальнаго окна и посылаетъ провожающимъ улыбки, — чарующія, какъ весна.

Поѣздъ тронулся.

— Вивать...

Высоко въ воздухѣ мелькаютъ бѣлые платки и слышенъ веселый напутственный крикъ.

Быстрой змѣйкой ускользаетъ поѣздъ. Вотъ онъ скрылся вдаль и провожавшіе расходятся, перебрасываясь веселыми фразами.

Лакристи возвращается въ свою комнатку и съ раздраженіемъ смотритъ на виднѣющіяся изъ окна тонкія вершины горъ.

Недѣли черезъ двѣ и онъ уѣдетъ отсюда. Только „эти“ помчались въ Парижъ, въ центръ кипучей, шумной, эlegantной жизни. Тамъ будутъ они царить и наслаждаться. А онъ, Лакристи, направится въ провинціальный глухой городокъ Италіи и тамъ будетъ зарабатывать кусокъ

хлѣба. Развѣ его утонченный талантъ оцѣнять эти провинціалы, любящіе дешевые эффекты?

Въ утѣшеніе ему остаются только воспоминанія.

Въ груди пустота, сердце тоскливо сжимается, но надежда еще съ нимъ. Розовая, сверкающая, какъ путеводная звѣзда, и онъ знаетъ, что выйдетъ побѣдителемъ.

Конецъ второй книги.

Читайте романъ кн. О. Бебутовой

„КТО ПОБѢЖДАЕТЪ?“

(Изъ цикла „Золотая пыль“)

въ немъ заканчивается жизнь героевъ этого романа.

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА „СЛОВО“
во Львовѣ, ул. Русская 3.

Четыре тома грандіозной эпопеи

рѣшающихъ лѣтъ Россійской Имперіи

П. Красновъ

„ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ“

Новое, исправленное и дополненное авторомъ изданіе

Самое значительное и цѣнное произведеніе, написанное въ эмиграціи.

Автору, свидѣтелю и непосредственному участнику пережитыхъ въ недавнемъ прошломъ событій, удалось создать яркое беллетристическое произведеніе и одновременно документъ эпохи.

Романъ П. КРАСНОВА изданъ въ четырехъ большихъ томахъ, содержащихъ свыше 100 печатныхъ листовъ.

Изданія печатаются на бумагѣ высшаго качества.

Цѣна каждого тома въ художественной красочной обложкѣ — **2.50.**

Роскошный альманахъ

„КРАСОТА И СТРАСТЬ ЖЕНЩИНЫ“

составл. популярнымъ германскимъ ученымъ и публицистомъ д-ръ Гейеромъ.

Альманахъ этотъ поднялъ въ Германіи цѣлую революцію и разошелся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ альманахѣ много прекраснѣйшихъ иллюстрацій. Изъ нихъ нѣкоторыя исполнены въ краскахъ.

Альманахъ представляетъ собою цѣлую симфонію любви и красоты.

Цѣна альманаха **Ls 4.—**

Новая книга

Проф. В. А. АЛЕКСАНДРОВЪ

ОСНОВНОЙ КУРСЪ ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ

Часть I-я

**Постоянный токъ и общіе законы
8-ое изданіе**

Лучшій трудъ по электротехникѣ, всѣ изданія котораго распродаютъ въ короткое время.

Необходимо всѣмъ учащимся техническихъ факультетовъ и техникумовъ.

Цѣна книги Ls 4.—

Заграницей 90 амер. центовъ

Книга продается въ издательствѣ и у представителей.

Просимъ не смѣшивать наше изданіе съ совѣтскимъ изданіемъ, которое гораздо дороже нашего.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“**

Рига, Петроцерковная пл. 37.

Вниманію нашихъ постоянныхъ читателей.

По примѣру прошедшихъ лѣтъ и въ этомъ году нашимъ постояннымъ читателямъ будутъ выдаваться ставшія уже традиционными

цѣнныя преміи.

Преміи будутъ выданы всѣмъ читателямъ, собравшимъ всѣ 24 купона, отъ № 1—24, которые будутъ печататься въ нашихъ книгахъ „Библіотека Новѣйшей Литературы“ отъ № 73—96, выходящихъ въ

1930 абонементномъ году.

Всѣ собравшіе эти 24 купона могутъ получить по собственному выбору:

Новѣйшее изданіе популярнаго и почти на всѣ культурные языки переведеннаго романа

П. Н. Краснова

„Отъ Двуглаваго Орла къ Красному Знамени“.

Новое тщательно переработанное и дополненное авторомъ изданіе появится въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ.

Весь романъ, охватывающій болѣе 100 печатныхъ листовъ, будетъ изданъ въ 4-хъ томахъ по 2 части въ каждомъ томѣ.

Цѣна каждого тома Ls 2.50 (5 литъ, 200 эст. марокъ).

Цѣна всего изданія Ls 10.— (20 литъ, 800 эст. марокъ).

Нежелающіе получить этотъ историческій романъ, могутъ выбрать по нашему каталогу любыя книги (не распроданныя) нашего изданія на общую сумму Ls 5.— (10 литъ, 400 эст. кронъ).

Въ 1930 г. въ нашемъ изданіи выйдетъ рядъ техническихъ книгъ, которыя тоже подходятъ подъ эту категорію.

Цѣль нашихъ премій возбудить интересъ къ хорошей книгѣ.

Собирайте наши купоны для полученія премій.

Въ каждой книгѣ 1 купонъ.

Ежемесячно выходятъ 2 книги — 5-го и 20-го числа.

10.639.
Львів. Бібліотека
АН. УРСР

КУПОНЪ

для полученія премій
за 1930 абон. годъ

№ 21

Къ роману кн. О. Бебутовой
„Золотая пыль“, кн. II.

См. наши преміи на предыдущей страницѣ.

9,96
P/1 6427 781

